

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XXI В.: ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

МОНОГРАФИЯ

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.:
ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ**

Санкт-Петербург
Научно-технологические институты
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П50

Рецензенты:

А. Ф. Агарев, доктор исторических наук, профессор;
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор

Авторы:

Н. А. Володина, В. П. Пляскин, С. Д. Половецкий,
М. С. Полянский, И. А. Шеин

Под общей редакцией И. А. Шеина

Володина, Н. А.

Политический терроризм в России в последней четверти XIX – начале XXI в.: генезис и особенности проявления: монография / Н. А. Володина, В. П. Пляскин, С. Д. Половецкий, М. С. Полянский, И. А. Шеин. – СПб.: Научное издательство «Лань», 2023. – 330 с.

ISBN 978-5-907618-74-9

В монографии раскрываются генезис политического терроризма в России, механизмы его проявления и особенности противодействия со стороны государства в последней четверти XIX – начале XXI в.

Дается определение политическому терроризму, рассматривается его направленность для суверенного социально-политического развития государства и территориальной целостности страны.

Описанные авторами монографии подходы к пониманию генезиса политического терроризма способствуют теоретико-методологическому обоснованию способов научного изучения данной проблемы, разработке практических рекомендаций по обеспечению национальной и военной безопасности России, повышению эффективности антитеррористической деятельности.

Материалы монографии могут быть использованы в преподавании отечественной истории, в частности военной, в вузах Российской Федерации.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Володина Н. А., Пляскин В. П., Половецкий С. Д.,
Полянский М. С., Шеин И. А., 2023
© Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, 2023

ISBN 978-5-907618-74-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Политический терроризм в истории России: сущность, генезис, характерные черты и особенности эволюции	27
Противодействие органов политического сыска революционному терроризму в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в..	110
Борьба советских органов госбезопасности с политическим терроризмом в 1917–1991 гг.	169
Государственные органы Российской Федерации в борьбе с политическим терроризмом в конце XX – начале XXI в.	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	285

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие России происходит в условиях изменения обстановки и на постсоветском пространстве, и в мире в целом, появления новых угроз её национальной и военной безопасности, среди которых одной из наиболее опасной считается терроризм, в том числе международный.

После прекращения существования Советского Союза в 90-х годах прошедшего столетия политический и религиозный экстремизм, этносепагатизм, межэтнические и религиозные конфликты стали российской внутривнутриполитической реальностью. Для достижения амбициозных политических целей и узконациональных интересов радикально настроенные элементы перешли к тактике повсеместного террора. Резкий всплеск террористической активности заполнил информационные сообщения СМИ сведениями о многочисленных жертвах при взрывах на транспорте и в жилых домах, массовом захвате заложников. Повседневными стали убийства и похищения людей по политическим мотивам, особенно в Северо-Кавказском регионе: в Ингушетии, Дагестане и Чечне. В непризнанном государственном образовании Чеченской Республики Ичкерия терроризм трансформировался в одно из важнейших направлений государственной политики. Террористические акты продолжались и в первое десятилетие XXI в. после преодоления чеченского кризиса. Подобные рецидивы не исключены и в настоящее время, поскольку на российской территории остаются террористические организации, возможности преступной деятельности которых полностью не устранены.

Проблема терроризма является актуальной не только для Российской Федерации, но и для значительного количества стран Запада и Востока, в том числе для ведущих западноевропейских держав и США. В последние десятилетия терроризм приобрёл транснациональный характер и представляет реальную угрозу мировому сообществу.

Следует отметить, что в последние десятилетия, особенно после антиконституционного переворота в Украине в феврале 2014 г., коллективный Запад развязал руками украинских нацистов и радикалов широкомасштабную террористическую деятельность, направленную против Российской Федерации.

Данные обстоятельства актуализировали проблему борьбы с политическим терроризмом, обусловили необходимость её комплексного изучения, в том числе и в историческом аспекте. Следовательно, актуальность рассматриваемой темы, как полагают авторы монографии, обусловлена:

1. Высокой степенью социальной опасности терроризма для Российской Федерации и мирового сообщества.

Деятельность террористических движений и организаций предполагает антиконституционное, противоправное воздействие на властные политические структуры с целью изменения политического строя, внутренней и внешней политики государства, нарушения единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране.

Проводя террористические акты, их организаторы стремятся добиться максимального количества жертв и разрушений. Преступления террористического характера изначально направлены на устрашение населения, нагнетание массового психоза, на изменение поведения человека, общества и политической элиты. По своим последствиям терроризм является высшей угрозой обществу.

Каждый террористический акт оказывает гнетущее впечатление на население не только многочисленностью жертв, большими материальными и финансовыми потерями, направляемые на ликвидацию последствий и восстановление уничтоженных материальных средств и инфраструктуры, но в равной степени распространением слухов и деятельностью средств массовой информации, создающих в обществе атмосферу всеобщего страха, подозрительности, тревоги, неуверенности людей в личной безопасности. Подобным образом террористы стремятся подорвать веру граждан в способность госу-

дарства обеспечить их защиту от подобного рода преступлений, снизить авторитет государственной власти внутри страны.

Высокий уровень общественной опасности терроризма предполагает его всесторонний исторический анализ в целях понимания генезиса этого явления, оценки эффективности основных направлений, форм и методов анти-террористической деятельности. Современная разработка практических вопросов противодействия терроризму должна основываться на всестороннем научном изучении деятельности государственных и правоохранительных органов в историческом аспекте.

2. Необходимостью развития государственной политики обеспечения национальной и военной безопасности России. Противодействие терроризму является одним из приоритетных направлений укрепления национальной безопасности Российской Федерации. Именно в этой сфере наиболее ярко проявляется роль государства в обеспечении гарантий безопасности личности и прав собственности [377]. Для решения этой задачи государство разрабатывает концептуальные основы, определяет главную цель и задачи анти-террористической деятельности [253]. В последнее десятилетие была значительно усовершенствована правовая база, регламентирующая вопросы транспортной антитеррористической безопасности, выполнена федеральная целевая программа «Антитеррор» [544], специальным федеральным законом [374] внесены изменения в отдельные законодательные акты, расширяющие полномочия правоохранительных органов и ужесточающие уголовную ответственность лиц, причастных к террористической деятельности.

Дальнейшее развитие государственной политики противодействия терроризму предполагает изучение её идеологических, социальных, политических, правовых, экономических и военных основ, опыта ее реализации в предшествующие периоды.

3. Важностью теоретической разработки основных вопросов противодействия терроризму для повышения эффективности антитеррористической деятельности.

Противодействие терроризму представляет собой не только практическую деятельность спецслужб и органов государственного управления, но и крупную научную проблему. Изучение терроризма осуществляется по различным направлениям и областям гуманитарных, социально-экономических, психологических и правовых наук. В качестве предмета исследования выступают философские, политологические, социологические, исторические, правовые, экономические и некоторые другие аспекты. Значительное внимание уделяется проблемам методологии, связанным с определением базовых дефиниций, уяснением религиозной, духовной и социально-политической природы терроризма, разработкой его классификаций. Ученые дают всестороннюю характеристику идеологии, политическим целям, задачам, социальному составу и основным направлениям деятельности террористических организаций. Детально изучаются принципы и содержание организации и проведения террористических актов.

В качестве предмета научных исследований выступают различные элементы государственно-правового механизма антитеррористической деятельности. Предпринимаются попытки предложить и обосновать теоретическую модель государственной системы противодействия терроризму. Теоретическому анализу подвергаются условия и факторы, определяющие роль и место различных властных структур в борьбе с терроризмом, существующая система права, правоприменительная деятельность правоохранительных и государственных органов, международных организаций в области прогнозирования, профилактики, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений террористической направленности.

Особая роль в изучении антитеррористической деятельности принадлежит истории. Историческая наука, взаимодействуя с общественными науками, играет обеспечивающую роль в научной разработке их теоретических положений. Только на основе исторических исследований возможно выявление причин и условий, способствующих появлению терроризма, использование опыта правоохранительных органов в борьбе с террористами,

прогнозирование возможных действий террористических организаций и выработка адекватных мер противодействия терроризму.

4. Потребностями профессиональной подготовки кадров силовых структур Российской Федерации.

Противодействие терроризму является прямой обязанностью всех правоохранительных органов. На острие борьбы с терроризмом находятся кадровые сотрудники Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Более того, в условиях резкого возрастания активности террористических международных организаций до масштабов крупных вооруженных конфликтов приобрел актуальность вопрос об участии в антитеррористических операциях, в том числе и за пределами государства, Вооруженных Сил Российской Федерации [378].

Эффективно противостоять терроризму могут только хорошо подготовленные и профессионально обученные кадры. С этой целью в образовательных организациях силовых министерств создаются профильные факультеты и учебные подразделения. В процессе профессиональной подготовки и переподготовки офицерских кадров актуальной является задача привития им необходимых знаний, умений, навыков и опыта антитеррористической деятельности. Её решение предполагает формирование соответствующих новым требованиям времени морально-психологических и профессиональных качеств, которые изначально приобретаются в ходе освоения основных и дополнительных образовательных программ. Содержание обучения определяется практическими потребностями в борьбе с терроризмом, в том числе и в области охраны государственной границы Российской Федерации. Это касается не только подразделений, специализирующихся на противодействии терроризму и экстремизму, а представляет собой комплексную задачу для всех сотрудников спецслужб.

Непременным атрибутом обучения и воспитания кадров является изучение соответствующих исторических дисциплин, направленных на формирование у офицеров силовых ведомств высоких морально-психологических

качеств. Знание опыта и традиций предшествующих поколений способствует формированию сознательного отношения к своему служебному долгу, добросовестное, инициативное выполнение поставленных служебно-боевых задач. Осознанное понимание характера деятельности террористических организаций, выбор адекватных мер реагирования на террористическую угрозу – все это возможно только с учетом исторической ретроспективы.

Образовательная деятельность – динамичный, творческий процесс, предполагающий его постоянное приближение к решению насущных практических задач. Это актуализирует проведение новых исторических исследований в области борьбы с терроризмом, на основе которых вырабатываются научно-практические рекомендации по корректировке содержания рабочих программ учебных дисциплин.

Степень научной разработанности темы обширна. Наиболее широко терроризм изучается в общественных науках. Изучение терроризма как общественно-политического явления и основных направлений борьбы с ним нашло отражение в десятках разноплановых научных работ. Крупный пласт публикаций посвящен исследованию феномена политического терроризма [77; 74; 19, с. 36–53; 453; 160; 161; 538; 181, с. 31–39]. Ученые пытаются выявить отличие политического терроризма от других видов политического насилия (войны, вооружённого восстания, народного бунта, вооруженных форм национально-освободительного движения). Дискуссионной проблемой является соотношение политического и криминального в насильственных действиях, имеющих общие классификационные признаки. Политологи стремятся разделить понятия «террор» и «терроризм», исследовать их причины и социальную природу, классифицировать проявления терроризма, оценить степень и возможности влияния террористических актов на деятельность государственных структур, показать специфичность терроризма как выражение властных отношений.

Исследования этой проблемы проводятся и в других областях: философской [241; 360, с. 121–128; 47, с. 102–104], политологической [267; 458; 293; 23; 46, с. 39–44], правовой [277; 33; 575, с. 41–44], экономической [166,

с. 137–154; 566, с. 65–75], социологической [571, с. 172–180; 393, с. 97–103; 369; 206, с. 63–71], психологической [149; 363] и т. п.

Рассматривается тема политического терроризма и в *исторической науке*. История политического терроризма в России представляет собой крупную научную проблему. Исследователи обращались к ней в различные периоды развития отечественной исторической науки. Первые работы, посвященные изучению политического терроризма народовольцев и эсеров, стали появляться еще в начале XX в. В советской историографии в той или иной степени исследовались не только дореволюционный, но и антисоветский политический терроризм. Современная российская историография рассматривает проблему в целом по периодам развития российской государственности: революционный политический терроризм в дореволюционной России в конце XIX – начале XX столетия, антисоветская террористическая деятельность и противодействие ей в период существования советской государственности (1917–1991 гг.), развитие политического терроризма в Российской Федерации. При этом исследования проводились по двум относительно самостоятельным направлениям. С одной стороны, предметом научных изысканий являлись истоки, причины появления и особенности эволюции политического терроризма как формы оппозиционной политической борьбы. С другой стороны, всестороннему научному анализу подвергалась антитеррористическая деятельность органов государственной власти и спецслужб. В результате за более чем столетний период был создан обширный массив самой разнообразной литературы, который в зависимости от её количественных показателей выступает в качестве самостоятельного предмета комплексных историографических исследований.

Историография терроризма

Историография революционного терроризма (70-е гг. XIX в. – 1917 г.)

В настоящее время наиболее обстоятельно изучена история российского политического терроризма последней четверти XIX – начала XX в. Историче-

ские труды, посвященные данному периоду, проанализированы в комплексном научном исследовании А. А. Бакаева [41]. Характеристика историографии указанной темы присутствует и в работах других авторов [137, с. 26–43; 249; 351, с. 4–5; 471, с. 65–69; 470, с. 117–122; 507, с. 136–173; 243, с. 23–66].

Авторы монографии не претендуют на историографическое исследование и делают лишь некоторые обобщения и замечания по данному вопросу.

Во-первых, современные историографы, отмечая отсутствие непрерывной историографической традиции изучения российского терроризма, одновременно предпринимают попытки её периодизации. Так, М. А. Носков в историографии темы выделяет 4 историографических этапа

1. Первый этап – со второй половины 1910-х до середины 1930-х годов. В этот период предпринимались первые попытки осмысления российского терроризма его современниками. На

2. Второй этап – с середины 1930-х до середины 1960-х годов.

Тема не изучалась и фактически находилась под запретом.

3. Третий этап – с середины 1960-х до середины 1980-х гг.

Российский терроризм рассматривался советскими историками в контексте изучения тактики мелкобуржуазных партий.

4. Четвертый этап – с конца 1980-х годов по настоящее время.

Тогда в отечественной историографии терроризма возникают различные оценки политического терроризма и отношение общества к нему [351]. Однако подобная периодизация, основанная на различных критериях классификации – степень исследовательской активности, исследовательская проблематика, количество оценочных суждений – весьма спорная и недостаточно обоснованная.

Более объективной можно считать периодизацию О. В. Квасова и Н. В. Трошина, которые увязывают историографию темы с общей периодизацией отечественной исторической науки, выделяя в ней дореволюционный (конец XIX в. – 1917 г.), советский (1917 – нач. 90-х гг.) и постсоветский (90-е гг.) историографические периоды. При этом в каждом периоде отмечают

наличие особенностей, обусловленных характером социально-экономического, политического, культурного развития страны, оказывавших непосредственное влияние на состояние исторической науки, ее источниковую и методологическую базу [243, с. 23–67; 536].

Во-вторых, в оценках дореволюционной историографии специалисты делают акцент на анализе концептуальных подходов различных политических движений и партий, объясняя причины появления политического терроризма, его место, роль и значение в российском революционном движении. Так, например, с точки зрения И. В. Сибирякова, представители официальной или «охранительной» концепции революционного движения в России – С. С. Татищев, А. П. Мальшинский, Н. Н. Голицын, А. И. Спиридовичи др. – отмечали социально-экономическую обусловленность терроризма и подчеркивали ключевую роль представителей интеллигенции в организации устойчивых террористических групп. Сторонники «либеральной концепции» – Б. Б. Глинский, В. Я. Богучарский, А. А. Корнилов, П. Б. Струве и др. – указывали на «вынужденный» характер политического терроризма и его «практическую несостоятельность». Приверженцы народнической концепции – П. А. Кропоткин, П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, Л. А. Тихомиров и др. – считали политический терроризм в России «исторически и нравственно оправданным, хотя его «практическую пользу» оценивали не однозначно [470, с. 118].

В-третьих, исследователями подчеркивается парадоксальность историографической ситуации в советской исторической науке, когда в массиве литературы, посвященной революционному движению в России, тема политического революционного терроризма как самостоятельная и исследовательская не изучалась.

В-четвертых, историографы указывают на тенденцию к количественному росту современной исторической литературы по террористической проблематике и признают заметные успехи изучения российского терроризма последней четверти XIX – начала XX в. в комплексных исследованиях

О. В. Будницкого, В. Э. Багдасарян, А. А. Бакаева [71, с. 203–208; 68; 69; 39; 41]. Одновременно отмечается наличие публикаций, не отвечающих научным принципам исторического исследования, отсутствие целостной концепции, выстроенной с учетом новейших достижений в сфере методологии истории и наличие дискуссионных точек зрения по различным аспектам темы [243, с. 50–66; 507, с. 172].

В-пятых, в качестве важнейшей особенности историографии темы отмечается расширение исследовательской проблематики за счет комплексной разработки частных вопросов с одновременным усилением тенденции её междисциплинарного изучения не только профессиональными историками, но и философами, политологами, социологами юристами и культурологами [20; 499, с. 90–119; 32; 321; 44, с. 181–191; 45; 457, с. 107–116; 420; 363; 505, с. 54–61; 399, с. 234–244; 397; 176; 343, с. 46–50; 450; 268]. В последнее время активное развитие получила охранительно-либеральная концепция, в рамках которой с учетом некоторых научных положений либеральной трактовки ответственность за всплеск террористического насилия акцентированно перекладывается исключительно на революционное меньшинство общества.

В-шестых, отмечается повышенный интерес к теме российского терроризма со стороны зарубежных историков. Указывается на наличие в зарубежной историографии работ американских и западноевропейских исследователей [10; 11; 9; 4; 7; 16; 13; 5; 14], среди которых особо выделяется критическая работа Анны Гейфман, оказавшая значительное влияние на развитие всей современной российской историографии [8; 130].

*Историография деятельности политического сыска
(70-е гг. XIX в. – 1917 г.)*

Историография антитеррористической деятельности полиции. Тема противодействия политическому терроризму в Российской империи в отечественной историографии освещалась неоднозначно. В большинстве случаев

она рассматривалась в контексте общей деятельности политической полиции по сохранению существующего государственного строя, за редким исключением [536], не выделяясь в качестве самостоятельной комплексной исследовательской проблемы.

Степень научного интереса к вопросам борьбы с политическим терроризмом определялась общественными потребностями в те или иные исторические периоды развития нашей государственности. В зависимости от характера политического устройства в стране и господствующей в обществе идеологии, степени террористической угрозы обществу к анализу борьбы политической полиции царской России с террористическими организациями применялись различные методологические подходы и давались различные оценки. Поэтому, как и при изучении природы российского терроризма, развитие историографии противодействия политическому терроризму современные исследователи в большинстве случаев привязывают к общей периодизации отечественной исторической науки, выделяя три историографических периода: первый – дореволюционный (конец XIX в. – 1917 г.), второй – советский (1917 г. – нач. 1991 г.) и третий – постсоветский (90-е годы XX в. – настоящее время) [207; 157, с. 83–90]. Авторы монографии такую периодизацию считают вполне обоснованной и позволяющей с учетом особенностей социально-экономического, политического, культурного развития страны и исторической науки раскрывать специфичность эволюции темы в каждом историографическом периоде.

В дореволюционной историографии издаваемая литература и в силу объективных причин, связанных с секретностью деятельности органов политического сыска, и закрытостью основной источниковой базы носила научно-публицистический характер. Она ограничивалась историческими очерками о правоохранных органах России [592; 500; 319], дающих самое общее представление о структурных подразделениях и основных направлениях работы политической полиции по пресечению террористической деятельности революционных организаций.

В начале XX столетия по мере демократизации общественной жизни и складывания либерально-демократического и леворадикального направлений в исторической науке появляются произведения, содержащие критический анализ деятельности правоохранительных органов. В этом отношении выделяются работы редактора журналов «Былое» и «Минувшие годы» легального марксиста В. Я. Богучарского (Яковлева) по истории революционного и общественного движения в России XIX в. [57; 58; 59].

Определенный интерес представляют работы, анализирующие развитие нормативно-правовой базы деятельности правоохранительных органов. Так, представитель либерального направления юрист В. М. Гессен, анализируя направленное на пресечение политического терроризма в положении «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., подчеркивал «неопределенность и разбросанность» содержания его статей, возможность их широкого толкования полицейскими чиновниками и создания на этом основании условий для полицейского произвола [135; 136].

В этот же период появляются и первые, основанные преимущественно на личном опыте службы в полиции научно-публицистические труды, в которых освещаются полномочия, формы и методы работы Департамента полиции Министерства внутренних дел, в том числе и в борьбе с террористическими организациями революционных политических партий [172; 301; 163; 196; 585; 42; 528; 141, с. 667–690; 162]. В некоторых из них, например, в публикациях «Настоящее и будущее русской полиции» бывшего директора Департамента полиции (1902–1905) А.А. Лопухина [299] и «Записка» профессора Н. М. Павлова [381, с. 1–50] содержался критический анализ деятельности правоохранительных органов и высказывалась мысль о необходимости совершенствования методов оперативно-розыскной работы.

Гораздо большее представление о деятельности политической полиции по противодействию терроризму дают публикации о борьбе с революционными организациями, в том числе террористической направленности, напи-

санные в последние годы существования Российской империи на рассекреченных следственных материалах [93; 187; 261; 372; 589; 468; 449; 563; 590].

Первое десятилетие *второго (советского) периода историографии* отмечено появлением работ, написанных на основе материалов специальных комиссий Временного правительства («Комиссии по разбору дел бывшего Департамента полиции», «Комиссии по обеспечению нового строя», «Комиссии по разбору архивов бывшей заграничной агентуры» и «Чрезвычайной следственной комиссии...»), созданных для расследования преступлений монархического режима [461; 567; 21; 362]. В них довольно подробно раскрываются методы работы полицейских чинов по сбору информации о деятельности революционных террористических организаций. Однако борьба с политическим терроризмом по-прежнему рассматривалась историками как часть общей работы политической полиции.

В 20-х гг. XX в. деятельность правоохранительных органов царского самодержавия начинает анализироваться с позиций марксистско-ленинской идеологии и классового подхода на основе ленинских оценок полицейского аппарата как элемента самодержавного эксплуататорского государства. Для критического анализа методов работы политической полиции советские историки использовали богатый, но зачастую тенденциозно подобранный фактический материал о борьбе охранных отделений с терроризмом в конце XIX – начале XX в. [382; 297; 72; 280, с. 67–84; 316; 235, с. 90–99; 586; 584; 296; 250].

В 30–50 гг. XX в. отмечается значительный спад научного интереса к изучению деятельности политической полиции. За редким исключением [582] работ по данной теме практически не издавалось. Такое положение можно объяснить стремлением избежать не отвечающих интересам правящей власти исторических параллелей, поскольку деятельность ГПУ – ОГПУ – НКВД во многом основывалась на принципах и методах работы, разработанных в царских охранных отделениях. Более того, советские правоохранительные органы, превращенные в орудие массового государственного поли-

тического террора, значительно проигрывали при сравнительном анализе царской политической полиции.

В 50-х – 70-х гг. тема борьбы с политическим террором в советской историографии считалась неактуальной, по-прежнему рассматривалась в контексте общих задач, решаемых правоохранительными органами Российской империи, и характеризовалась исключительно как реакционная. [193; 191; 192; 337; 336; 334; 274; 94; 580; 579; 185; 532; 534].

Вместе с тем серия террористических актов, связанных со взрывами в Мавзолее В. И. Ленина 1 сентября 1973 г., в вагоне московского метро и торговом зале магазина № 15 8 января 1977 г., захватом террористами автобуса в Новокузнецке 14 мая 1979 г., попытками захватов самолетов в Ленинграде и Иркутске, (1973), Новороссийске (1980), Тбилиси (1983), Якутске (1985), Уфе (1986) показала необходимость предметного изучения борьбы с политическим терроризмом в историческом аспекте. Данные события способствовали появлению ряда научных исследований, посвященных изучению социально-политической сущности и особенностям современного терроризма [90; 155]. Одновременно усилилось внимание к вопросам деятельности, в том числе антитеррористической, политической полиции, которые получили комплексную разработку с привлечением малоизвестных архивных источников [598; 445; 537; 320; 391; 356]. Некоторые из них, например, диссертационное исследование З. М. Перегудовой послужили основой для дальнейшего изучения темы после распада СССР в новых социально-политических реалиях. Данные работы отличались более углубленной и вдумчивой проработкой архивных источников, позволивших конкретизировать антитеррористическую деятельность политической полиции.

В целом в советской историографии тема получила дальнейшее развитие преимущественно за счет введения в научный оборот новых архивных документов и формирования представлений, отвечающих потребностям существовавшей политической системы о месте и роли органов политического сыска в борьбе с революционным движением в России в последней четверти

XIX – начале XX в. Общее содержание проводимых исследований выдерживалось в духе общей советской историографической концепции, негативно оценивавшей деятельность правоохранительных органов Российской империи как инструмента реакционной политики государства.

Третий период историографии темы начался одновременно с радикальными изменениями, происходившими в отечественной историографии в 90-е гг. XX столетия. Тема борьбы с политическим терроризмом приобрела особую актуальность в связи со сложившейся в стране социально-политической ситуацией, вызванной масштабной террористической деятельностью исламских террористических группировок в крупных городах России и на территории кавказского региона. В этой ситуации исторический опыт борьбы политической полиции с революционным политическим терроризмом был крайне необходимым и востребованным.

Для рассматриваемого историографического периода характерны новые оправдательные оценки работы правоохранительных органов, по пресечению террористической деятельности радикальных политических сил [340; 131; 132; 522; 597; 335; 448; 473; 530; 104; 444; 92; 30; 504, с. 19–24; 103; 26; 529, с. 94–104; 184; 560; 455, с. 164–169, 194]. По-новому, с детализацией стала прорабатываться организационная структура и основные направления деятельности Департамента полиции. Показательны в данном отношении труды З. И. Перегудовой, которая комплексно изучила развитие организационно-штатной структуры, уточнила численный состав чинов полиции, включая секретных сотрудников и заграничную агентуру, последовательно раскрыла основные направления деятельности Департамента полиции и его Особого отдела [387; 388; 390; 389, с. 394–437]. В современной историографии особое место занимает освещение вопросов внедрения в нелегальные организации и методах работы секретных сотрудников [188; 302, с. 73–77; 348; 168; 303; 218; 569]. Получает развитие анализ деятельности региональных охранных отделений [139; 406, с. 340–347; 454; 239, с. 135–138].

Деятельность российской политической полиции в последней четверти XIX – начале XX вв. интересует и зарубежных историков. При этом

по многим аспектам темы наблюдается сближение взглядов российских и зарубежных исследователей [6].

Особое место в историографии темы занимают работы русского зарубежья, опубликованные белоэмигрантами в 20–60 гг. XX в. и частично переизданные в наше время [190; 270; 486; 213; 594]. Основанные преимущественно на личных воспоминаниях, документах из личных фондов и зарубежных архивах они содержат богатый фактический материал и представляют собой в большей степени не научные, а историко-публицистские произведения источниковедческого характера. Их авторы затрагивали вопросы происхождения и социальной опоры политического терроризма в России, доказывали необходимость жестких мер борьбы с террористами. Многие положения авторов работ русского зарубежья получили распространение в современной российской историографии и аргументируются архивными документами.

Таким образом, за три последних десятилетия в историографии противодействия политическому терроризму в России в последней четверти XIX – начале XX вв. произошли заметные изменения. Её ключевые аспекты в силу актуальности темы получили полное освещение в научной и научно-популярной литературе. Однако комплексного исследования, непосредственно прослеживающего связь между развитием политического терроризма в России и антитеррористической деятельностью правоохранительных органов, занимающихся обеспечением государственной безопасности, не проводилось.

Историография антисоветского терроризма (1917–1991 гг.)

В соответствии с обозначенным ранее методологическим подходом к периодизации рассматриваемой проблемы *в отечественной историографии антисоветского политического терроризма* условно можно выделить советский и постсоветский (современный) историографический периоды. Отдельный, относительно самостоятельный пласт литературы, выпадающий из общей историографической периодизации, представляют работы русского эмигрантского зарубежья.

Как и в периоде Российской империи последней четверти XIX – начале XX в., политический терроризм в годы существования советской власти изучался в двух основных плоскостях: выявление причин появления и особенностей развития политического терроризма как формы антисоветской деятельности и противодействие политическому терроризму со стороны государства.

Степень изученности причин и особенностей политического терроризма в Советской России (СССР) значительно уступает его изученности в Российской империи, поскольку основной массив архивной документации советских спецслужб до настоящего времени остается закрытым для исследователей. В большинстве работ советских историков политические организации, использовавшие терроризм как форму политической борьбы, из всей совокупности антисоветских сил не выделялись. Всесторонний анализ политического терроризма как социального феномена в советском обществе, причины его появления и особенности развития в специальных исторических исследованиях не изучались. Относительно небольшое количество литературы объективно сокращало возможности развития историографического направления научных исследований.

Тем не менее вопросы природы антисоветского политического терроризма в различной мере находили отражение в трудах советских, эмигрантских и значительно чаще современных историков.

В советской историографии вопросы генезиса политического терроризма рассматривались в контексте противостояния антисоветских организаций и органов безопасности в целом [53; 153; 180; 581]. Главной причиной появления терроризма считалось неизбежность вооруженного сопротивления советской власти «со стороны буржуазии, помещиков и других антисоциалистических сил» [153, с. 7]. Этот тезис базировался на ленинском методологическом тезисе, согласно которому переход политической власти в руки пролетариата вызовет «неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии» [288, с. 26]. Кроме того, природу политического терроризма в Советской России историки усматривали в подрывной антисоветской деятельности спецслужб

враждебных иностранных держав [581, с. 155] и националистических организаций, находившихся в политической оппозиции к центру еще со времен Российской империи [198, с. 26].

Вопрос об участии в террористических актах представителей рабочего класса и трудового крестьянства по идеологическим соображениям в советской историографии не поднимался. Историки лишь описывали конкретные проявления терроризма, называли антисоветские организации, практиковавшие террор.

Иной подход к объяснению природы и особенностей антисоветской террористической деятельности отмечается в работах зарубежных и эмигрантских историков. В качестве главного предмета изучения определялась политика советского государственного террора, инструментом которого считались советские органы безопасности. Террористические акты со стороны противников советской власти оценивались как справедливые и не подлежащие моральному осуждению ответные меры [315; 359; 12].

В постсоветской историографии количество публикаций, освещающих террористическую деятельность антисоветских сил, значительно возросло [290; 557; 436; 475; 178; 395]. В методологии научных исследований получили распространение положения западноевропейской и американской теории тоталитаризма, проводящие аналогию между фашизмом, национал-социализмом и коммунизмом. В современной российской историографии приоритетно стали развиваться эмигрантские и зарубежные концептуальные установки ответных действий на политику «красного террора» и сталинских репрессий. Советские органы безопасности оценивались исключительно как элемент системы государственного политического террора. На этом основании происходила идеализация противников советской власти. Наглядным примером этому может служить монография И. Симбирцева «Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939», автор которой постарался избежать правовых и моральных оценок террористических актов антисоветской оппозиции [475, с. 199]. На непосредственное

оправдание политического терроризма националистов нацелены современные публикации украинских и прибалтийских историков [329; 273].

Вместе с тем нельзя не отметить попытки непредвзято разобраться в террористической деятельности противоборствующих сторон в годы Гражданской войны в России в 1918–1921 гг. В частности, стремление «показать жестокость и бессмысленность террора, выступавшего в то время под разными цветами, предостеречь от любой возможности повторения подобного» декларировано в исследовании А. Л. Литвина «Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг.» [290, с. 4]. Автор данной работы считает одинаково преступными и ответственными за «свои лиходейства» все политические силы, использовавшие террористические методы борьбы для завоевания и удержания политической власти [290, с. 2]. По его мнению, «любой террор является свидетельством остроты борьбы и беспомощности правителей иными способами добиться успеха». Одновременно А. Л. Литвин проявляет определенные непоследовательность и субъективизм, замечая, с одной стороны, что «при помощи штыков можно завоевать власть, но сидеть на них неудобно», с другой, – утверждая, что «при помощи насилия, страха <...> большевикам удалось повластвовать семь с лишком десятилетий». Подобные объяснения столь долгого правления большевиков вряд ли можно признать объективными и исчерпывающими. Они, например, не проясняют истинных причин победы СССР в Великой Отечественной войне. Подобные противоречия свойственны не только для А. Л. Литвина, но и авторов других работ, опирающихся на теорию тоталитаризма, поскольку с её помощью достичь объективности в изучении советской истории невозможно.

О. Б. Мозохин в исследовании «Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом» [323] предпринял попытку анализа «крестьянского терроризма». В качестве основных причин проявления террористической деятельности со стороны крестьянства О. Б. Мазохин обоснованно называет советскую продовольственную политику и методы проведения коллективизации [323, с. 7, 100–101]. Однако авторская категория «кре-

стьянского терроризма», которую О. Б. Мазохин выделяет качестве особой формы проявления политического терроризма и разъяснению которой в книге посвящена целая глава [323, с. 99–131], представляется дискуссионной. Ведь автор признает в исследовании, что «противодействие сельского населения мероприятиям советской власти вряд ли можно отнести к террористической деятельности. Скорее, это гражданская война в деревне за предел собственности» [323, с. 7].

Бесспорно, сопротивление крестьянства коллективизации и раскулачиванию не обходилось без террористических актов, которые, однако, не являлись средством достижения программных политических установок. Терроризм в данном случае не имел теоретически проработанной идеологической базы и специальных организационных структур. Он представлял собой стихийный протест на политику власти, подрывающей сложившийся многовековой уклад русской деревни. Приведенный пример свидетельствует о необходимости учета в научном анализе квалификационных признаков феномена политического терроризма, без которых возникают подобные противоречия.

*Историография деятельности советских органов безопасности
по борьбе с политическим терроризмом в Советской России*

Вопросы историографии деятельности советских органов безопасности по борьбе с терроризмом в Советской России и СССР в советской исторической науке не разрабатывались и только в последние годы стали выделяться в качестве самостоятельного предмета источниковедческого и историографического анализа [516]. Незавершенность историографических аспектов требует авторской оценки известных работ о борьбе советских органов безопасности с политическим терроризмом.

Изучение наличной литературы свидетельствует, что тема борьбы с антисоветским политическим терроризмом получила освещение уже в 20-х–30-х годах XX в. [255; 275]. Первые работы по теме были откликом на происшедшие события и по этой причине имели публицистический и политизиро-

ванный характер. В дальнейшем изучение противодействия антисоветскому политическому терроризму, как правило, ограничивалось проблемой борьбы с белоэмигрантскими организациями в 20-е – 30-е гг. и рассматривалось в контексте общей деятельности советских органов безопасности [153; 180; 53; 581]. При этом всесторонний анализ основных направлений их работы в силу закрытости источников и самой проблематики не проводился. Историки ограничивались только констатацией фактов, свидетельствовавших об успешной борьбе государства с подпольной антисоветской деятельностью.

Работы иностранных и эмигрантских исследователей, не имевших доступа к архивным материалам советских спецслужб, также носили описательный характер [315; 258; 12].

Постсоветский период историографии отмечен резким количественным ростом публикаций о деятельности советских органов госбезопасности. Особенность публикуемых работ состояла в том, что описываемые в них события стали освящаться с позиций эмигрантских и зарубежных историков. Антитеррористическая деятельность в подавляющем большинстве случаев рассматривалась сквозь призму «красного террора» и сталинских репрессий, а советские органы безопасности оценивались исключительно как непосредственные организаторы государственного террора [290; 178; 395; 436; 557]. В этом отношении показательны работы И. Симбирцева «ВЧК в ленинской России. 1917–1922» и «Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939. На пути к большому террору» [474; 475], в которых вопрос борьбы советских органов безопасности с политическим терроризмом традиционно рассматривается совместно с другими аспектами деятельности советских спецслужб.

Нельзя не отметить стремления авторов публикаций последнего десятилетия к более объективным оценкам деятельности советских органов госбезопасности. Так, И. Симбирцев признавал эффективность ряда операций ВЧК (ГПУ, ОГПУ, НКВД) [475, с. 199]. Взвешенные оценки деятельности советских спецслужб содержатся в трудах В. И. Голдина, М. В. Соколова, В. Н. Хаустова, О. Б. Мозохина, А. М. Плеханова, А. В. Рыжикова и других

[144; 485; 555; 324; 325; 326; 403; 402; 405; 452; 511; 512]. Несколько новых материалов, позволяющих по-новому оценивать антитеррористическую советских спецслужб, были опубликованы в рамках Исторических чтений на Лубянке [501; 209].

В историографии темы в последнего десятилетия появились публикации, в которых противодействие политическому терроризму уже выделяется в качестве самостоятельного предмета изучения. Насыщенностью фактическим материалом по данной теме отличается монография О. Б. Мозохина «Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом» [323]. Хронологические работы исследования, однако, ограничены периодом завершения борьбы с националистическими движениями в Прибалтике и Западной Украине в 1958 г. Кроме того, следует отметить, что автор ушел от историографического источниковедческого анализа темы и собственных авторских обобщений.

В последнее время в российской историографии отмечается тенденция к всестороннему изучению борьбы советских правоохранительных органов с политическим терроризмом националистических организаций в Западной Украине и Прибалтике [208; 263; 460; 465]. Критические исследования, признающие антитеррористическую направленность борьбы с националистическим подпольем, появляются и за рубежом [73]. Определенный анализ деятельности советских органов безопасности по борьбе с националистическим подпольем в западных регионах СССР в послевоенный период содержится и в работах историков бывших советских республик, исследующих деятельность украинских и прибалтийских националистов [411; 329; 273].

*Историография противодействия политическому терроризму
в Российской Федерации*

Таким образом, общая оценка степени научной разработанности темы политического терроризма в России свидетельствует о её неравномерной изученности по периодам существования российской государственности. Наиболее обстоятельно исследованы вопросы генезиса политического терроризма и ос-

новные направления антитеррористической деятельности в период существования Российской империи. Тема антисоветского терроризма и противодействия ему со стороны советских спецслужб изучалась фрагментарно, как правило, в контексте освещения общих задач, возложенных на органы госбезопасности.

Комплексного изучения исторического опыта противодействия политическому терроризму отечественных правоохранительных органов, занимающихся обеспечением государственной безопасности, начиная от оформления терроризма в России как формы политической борьбы в последней четверти XIX в. до 2019 г. не проводилось.

Политический терроризм в истории России: сущность, генезис, характерные черты и особенности эволюции

Понятие политического терроризма

В ряду теоретико-методологических проблем изучения политического терроризма важнейшей является уяснение его сущности и выработка определения, позволяющего точно идентифицировать именно политическую террористическую деятельность в совокупности с другими социально опасными действиями. Вычленение критериев терроризма позволяет избежать нередко встречающихся в публицистической и научной литературе ошибок, связанных с расширенным толкованием политического терроризма, когда под ним понимаются любые насильственные действия криминального характера – от захвата заложников до «разборок» организованных преступных групп, не имеющие четко выраженной политической цели.

В рамках изучения темы исследования важно выявить особенности терроризма применительно к различным историческим периодам развития российской государственности.

Рассматривая исторический аспект политического терроризма, следует определить его отличие от понятия «террор». Во многом сходные по своему содержанию дефиниции «терроризм» и «террор» зачастую употребляются в литературе и официальных документах как тождественные понятия, т. е. как слова-синонимы. Смысловая однотипность указанных категорий определяется насильственными действиями субъектов с целью устрашения или запугивания конкретного объекта террористической деятельности. В этом отношении практически любой акт насилия, убийства или захвата заложников можно квалифицировать и как террор, и как терроризм. В одних случаях это не имеет принципиального значения, так как не затрагивает сущностных аспек-

тов, в других, напротив, может кардинальным образом менять смысл исследуемого вопроса.

Под *политическим террором* («насилие со стороны сильного») значительной частью ученых понимается государственная политика массового физического, идеологического и психологического насилия над определенными социальными слоями или группами населения, направленная на их устрашение и достижения тем самым конкретных политических целей [593, с. 24; 32, с. 33; 197, с. 8; 69, с. 10; 266, с. 12; 252, с. 40; 480]. При политическом терроре насилие с целью запугивания населения не является самоцелью, а служит средством решения другой, более важной задачи – обеспечение лояльности противников политического режима к правящей элите. Инструментом организации и осуществления террора являются органы государственной власти и государственные силовые структуры. Вместе с тем некоторые политологи считают возможным насаждение повсеместного террора негосударственными организациями или политическими силами, например, инквизицией или сильной оппозицией, вступившей на путь вооруженной борьбы с существующим политическим режимом в период гражданской войны [133].

Сама этимология слова «террор» берет начало во времена античности и в переводе с латинского языка «terror» означает страх, ужас. Однако в тот период оно означало не более чем эмоциональное состояние человека.

Некоторые исследователи отсчет политики государственного террора начинают от проскрипции (списка лиц, объявленных вне закона внесудебным порядком) римского диктатора Луция Корнелия Суллы (82–79 гг. до н. э.). Проскрипция являлась одной из форм политического насилия, применявшегося для борьбы с оппозицией и пополнения государственной казны за счет конфискации имущества проскрибированных. Проскрипция предоставляла право не только гражданам, но и рабам безнаказанно убить, любого из внесенных в список. Система проскрипции широко использовалась не только Суллой, но и его приближенными для сведения личных счетов и как средство

обогащения, т. к. за убийство внесенного в проскрипцию или донос на него предусматривалось вознаграждение [574, с. 463–465].

С течением времени смысловая нагрузка данного понятия изменилась и с конца XVIII в. под террором стали понимать политическую диктатуру и практику политических покушений, а также массовое насилие со стороны воюющих армий по отношению к мирному населению [89, с. 224].

Во времена Великой Французской революции термин «террор» был введен в оборот для обозначения режима якобинской диктатуры, начавшегося в марте 1793 г. с казнью короля Людовика XVI и продолжавшегося более года до падения Робеспьера 27 июля 1794 г. По различным данным, в результате политики массового уничтожения «врагов государства», осуществляемой 178 революционными трибуналами Республики, было казнено от 12 до 17 тыс. человек [134, с. 76; 86].

Политический государственный террор известен и в России. Ярким его проявлением являлась опричнина Ивана IV в. во второй половине XVI в., «красный террор» и «белый террор» в годы Гражданской войны в России, сталинский террор середины 30-х гг. XX в.

В отличие от политического террора под *политическим терроризмом* понимается теория и практика политической борьбы оппозиционных законному правительству политических сил («насилие со стороны слабого»).

Попытки дать определение терроризму предпринимались неоднократно. По подсчетам некоторых авторов, к началу XXI столетия насчитывалось до двухсот определений этой дефиниции [64, с. 70; 520, с. 3; 74, с. 9; 19, с. 37]. Понимая сложность решения данной задачи, некоторые исследователи скептически относились к возможности выработать единые подходы определения терроризма. Так, по мнению американского историка и политолога Уолтера Лакера, высказанному в 1977 г., «дискуссии о всеобъемлющем, подробном определении терроризма будут вестись еще очень долго, они не увенчаются консенсусом и не внесут заметного вклада в понимание терроризма» [11, Р. 135]. Эта точка зрения находит свое развитие и в современных

русских трудах. Так, М. Одесский и Д. Фельдман полагают, что к пониманию сущности терроризма каждый исследователь подходит с субъективных позиций в зависимости от своих политических взглядов и идеологических пристрастий, во многом опираясь на подсознательное, интуитивное мышление. Именно это обстоятельство определяет трудности, с которыми сталкиваются ученые при выработке единого определения сущности «терроризма» [359, с. 8].

Действительно, всякое ли политическое убийство, например, императора Александра II, совершенное 1 (13) марта 1881 г., стоит оценивать как террористический акт, призванный нагнетать массовый психоз среди населения с целью изменения политического строя? По мнению организаторов покушения, оно должно было вызвать не панические, а революционные настроения в народе, ведущие к социальной революции. С другой стороны, являются ли актами политического террора или обычным свершением правосудия публичные (политические) казни политических преступников, неоднократно проводившиеся во второй половине XIX – начале XX вв.? Рассмотрим еще один пример: в современной историографии активно развивается точка зрения, согласно которой к началу XX в. политический (революционный) терроризм вышел за рамки политического убийства и приобрел самые разнообразные формы. В соответствии с такими суждениями к политическому террору стали, в частности, относить экспроприации денежных средств на нужды революционных организаций. Насколько правомерны подобные оценки с точки зрения современного понимания сущности политического терроризма и современного уголовного права?

Дать ответ на эти и другие подобные вопросы можно только через выделение четких квалификационных признаков понятия «политический терроризм». Целевая установка и задачи монографии не предполагают его подробного политологического или социологического анализа. Обращение к базовым понятиям в контексте данной работы необходимо для правильного понимания сущности и генезиса политического терроризма в России прежде

всего в историческом контексте. Это необходимо и для адекватных современному законодательству авторских оценок проявления политического терроризма.

Для уяснения сущности понятия «политический терроризм» отметим необходимость его выделения в более общей категории «терроризм». При этом авторы монографии придерживаются точки зрения политологов, рассматривающих политический терроризм как *«метод оппозиционной политической борьбы, сопряженный с устрашением и насилием и имеющий общеуголовный и политический аспекты»* [200, с. 332]. Принимая во внимание такой методологический подход, отметим, что в данной работе не предусматривается изучение политического террора как метода политической борьбы с оппозицией, санкционированного государством.

В большинстве научных работ, посвященных этому вопросу, в качестве главного признака политического терроризма обоснованно указывается на незаконные, насильственные действия с целью устрашения для решения конкретных политических задач [495, с. 6; 206, с. 63]. С учетом этих квалификационных признаков *политический терроризм* определяется как *«незаконное использование насилия или угрозы насилия (убийства, взрывы, захват самолетов, зданий, заложников и т. д.) на негосударственном уровне против личностей или против собственности для запугивания или изменения курса правительства, гражданского населения или любой его части в целях достижения политических или социальных целей»* [599, с. 57]. Соглашаясь с приведенным определением политического терроризма, следует особо подчеркнуть, что устрашение определенных личностей или групп населения (не обязательно политических противников) представляет собой не конечную цель, а всего лишь фактор изменения их поведенческой психологии, способ подчинения воли террористов. При этом, на наш взгляд, оправданна точка зрения В. Б. Петухова, согласно которой «совершение террористического акта не является самоцелью, а представляет собой некое символическое посла-

ние правящей элите, определенным общественным кругам или обществу в целом» [398, с. 92].

Большинство современных исследователей рассматривают политический терроризм одновременно как криминологическое и социально-политическое (общеправовое) явление. С точки зрения криминалистики любой террористический акт, совершенный радикально настроенными оппозиционерами, представляет собой уголовное деяние и попадает под конкретные статьи уголовного кодекса. С другой стороны, политический терроризм рассматривается как социально-политическое явление, возникающее при определенных политических условиях, которое базируется на особой террористической идеологии и является средством политической борьбы.

Политический терроризм может классифицироваться по различным основаниям: степени организации террористического акта (спонтанный, вызванный эмоциональным состоянием человека или спланированный террористической организацией или группой лиц по предварительному сговору), по религиозному, национальному, политическому, идеологическому, социальному (классовому) признаку и т. п. Важнейшим критерием для классификации могут выступать масштабы политического терроризма, связанные количественной характеристикой субъектов террористического акта. В этом случае в зависимости от количества исполнителей или жертв теракта уместно говорить о терроризме индивидуальном или массовом [151, с. 51–63; 149, с. 37–46].

Сходство политического террористического акта с другими аналогичными действиями отдельных личностей, организованных групп и организаций, осуществляемыми с применением оружия, взрывчатых веществ и иных, состоит в их противоправности и в государственной классификации определяется как уголовное преступление. Политический террористический акт, как и уголовное преступление, предполагает насильственные действия, преследуемые по закону. Отличие состоит в целях и задачах. Вместе с тем следует учитывать, что как социально-политический феномен меры террористиче-

ского характера могут вплетаться в систему государственной власти и приобретать характер поддержанного законом «политического (государственного) террора», направленного против тех или иных групп населения с целью их запугивания и подавления воли к сопротивлению властям.

Определяя понятие политического терроризма, следует отличать его от политического убийства. Сложность такого разграничения состоит в том, что объектами терроризма и политического убийства часто выступают одни и те же лица – главы государств, крупные политические деятели, высокопоставленные чиновники и сотрудники силовых структур. Поэтому сразу трудно определить, совершено ли заказное убийство или осуществлен акт терроризма. Несмотря на кажущееся сходство по целому ряду параметров, указанные понятия существенно отличаются друг от друга.

Организаторы террористического акта в отличие от политического убийства, как правило, всегда передают широкой общественной огласке свое участие в его осуществлении и преследуют цель создать атмосферу неуверенности и страха в заданной социальной среде для решения конкретных политических задач. Политическое убийство таких целей не преследует, ликвидация политического деятеля осуществляется зачастую без широкой общественной огласки, негласно, скрытно. Таковы убийства политических лидеров – Петра III, Павла I и др., осуществленные в результате заговоров их ближайшего окружения. Заказные политические убийства долгие годы и даже десятки лет могут оставаться нераскрытыми. Так, например, существуют подозрения на политическое убийство Ивана IV, Бориса Годунова. В современной российской истории до сих пор остаются неизвестными убийцы Г. Старовойтовой, А. Какулина и др.

Для борьбы с террористической угрозой огромное значение имеет международное сотрудничество, но его невозможно эффективно организовать, используя лишь отличающиеся нормы национального права. Например, организовать взаимную экстрадицию террористов возможно лишь при условии единого понимания сути этого явления представителями спецслужб и

правоохранительных органов различных государств. Поэтому, исследуя феномен политического терроризма, авторы настоящей монографии принимают во внимание документы Организации Объединенных Наций, в частности программную речь Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на заключительном пленарном заседании Международной встречи на высшем уровне по вопросам демократии, терроризма и безопасности в Мадриде 10 марта 2005 г. «Глобальная стратегия борьбы с терроризмом». Предложенное в речи определение политического терроризма как «любого деяния, направленного на причинение смерти или тяжких телесных повреждений гражданским лицам или некомбатантам с целью устрасшить население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения», верно с точки зрения идентификации сущности данного социально-политического явления [29, с. 470].

Авторы монографии исходят из высказанного в речи положения, что «терроризм неприемлем ни при каких обстоятельствах, ни в какой культуре [29, с. 470]. Некоторое методологическое значение для исследуемой темы имеют также определенные К. Аннаном пять элементов стратегии борьбы с терроризмом (пять D): *разубедить* недовольные группы использовать терроризм в качестве тактического средства для достижения своих целей; *лишить* террористов средств для совершения нападений; *удержать* государства от оказания поддержки террористам; *создать государственный потенциал* для предотвращения терроризма; *защитить* права человека в борьбе с терроризмом [29, 469].

Не умаляя роли международного права в данном вопросе и подчеркивая необходимость дальнейшей комплексной теоретической разработки категории «политический терроризм» методами общественных наук, авторы настоящей работы придерживаются характеристик терроризма, изложенных в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35 – ФЗ «О противодействии терроризму» [546].

Закон четко разграничивает понятия терроризма, террористической деятельности и противодействия терроризму. Обращает на себя внимание, что разработанные в законодательном порядке дефиниции касаются понятия «терроризм» без формального акцента на его политическую составляющую. Однако в определении категории «террор» выделяются квалификационные признаки именно политического терроризма – воздействие на политические институты с целью принятия необходимого террористам решения. При этом в терроре как социальном явлении подчеркивается наличие теоретического основания, базирующегося на конкретных идеологических установках и практической деятельности по их реализации путем насильственного, противоправного воздействия на конкретные политические институты через устрашение населения.

В террористической деятельности закон выделяет прямое участие субъектов этой деятельности в организации, планировании, подготовке, финансировании и осуществлении террористического акта, а также подстрекательстве к нему, информационном или ином пособничестве террористам, в том числе в агитационно-пропагандистской и разъяснительной работе. Одновременно к террористической деятельности отнесены создание различных видов террористических организаций и участие в них, а также вербовка, подготовка и использование террористов.

Закон рассматривает террористический акт как часть террористической деятельности или угрозы её осуществления, связанной с устрашением населения и создающей опасность гибели людей или наступления значительного материального ущерба, экологической катастрофы иных тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Под противодействием терроризму понимается практическая работа органов государственной власти, опирающаяся на законодательный и методологический аппарат и направленная на решение трех видов задач: профи-

лактику терроризма, борьбу с ним и работу по ликвидации последствий совершения террористических актов. При этом особо выделяется борьба с терроризмом, связанная с предупреждением, пресечением, раскрытием и расследованием террористических актов, в том числе деятельность по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма. Противодействие политическому терроризму на государственном уровне представляет собой деятельность государства и органов местного самоуправления [253].

В законе содержится определение одной из наиболее эффективных форм борьбы с терроризмом – контртеррористической операции, которая представляет собой комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Происхождение терроризма

Выделив некоторые теоретические аспекты, связанные с пониманием сущности политического терроризма, рассмотрим его истоки и причины появления. Такой методологический подход позволит более предметно обосновать начало политического терроризма в России.

Возникновение и развитие идеологии и практики политического терроризма уже являлись предметом специального научного анализа современных политологов [413, с. 89; 520, с. 3–29]. Его истоки определяются в социальных условиях и политических процессах, складывающихся в обществе и государстве. Как правило, политический терроризм является проявлением кризисных ситуаций, приводящих к социальным, политическим, межнациональным и другим конфликтам. Терроризм немислим без ярко выраженной конфронтации, решительного противостояния, бескомпромиссного противоборства. Он возникает как результат несовершенства общественных отношений при невозможности или нежелании властей кардинально разрешить существующие социально-

политические противоречия путем уступок или радикальных политических реформ. При этом в действиях правительства начинают преобладать силовые варианты подавления оппозиции, которые зачастую превышают принцип достаточной необходимости. Являясь проявлением общественного кризиса, терроризм не столько разрешает, сколько усугубляет возникшие противоречия.

Всплеск политического терроризма и расширение его масштабов, как правило, отмечаются на переломных революционных этапах развития государственности. Социальные революции являются закономерным явлением развития человеческого общества. Эволюция и революция не противостоят друг другу, они тесно связаны и обуславливают друг друга. Революции не результат умозрительных заключений мыслителей или козней революционеров, а попытка разрешить сложные узлы противоречий, завязывающиеся в ходе развития общества. Революция разрубает этот гордиев узел, но ценой огромных жертв. Эволюции осуществляются с не меньшими жертвами, чем революции, но их несут социальные страты, расположенные на низших ступенях социальной лестницы, и общественное сознание, формируемое правящей элитой, рассматривает эти жертвы как естественные и оправданные. В революции же страдают не только низшие слои, имеющие возможность открыто выразить свой протест, но и верхи общества. Все великие революции – Английская 40-х – 60-х гг. XVII века, Великая Французская революция 1789–1794 гг. – отмечены политическим революционным терроризмом и контрреволюционным государственным террором. Россия в этом отношении не составляет исключения.

Как уже отмечалось, политический терроризм, с точки зрения представителей государственной власти, является преступлением и в государственной системе права относится к разряду особо тяжких государственных уголовных преступлений, предусматривающих в действующем законодательстве жёсткие меры наказания.

Специалисты указывают на трудности в определении исторических начал политического терроризма в современном его понимании, поскольку понятийные границы этого феномена весьма размыты [246, с. 70].

Политический терроризм – явление историческое, проявлявшееся в той или иной степени в различных исторических эпохах. Оно имеет свои специфические особенности в зависимости от идеологии, сложившихся национальных и культурных традиций, социальной структуры общества, конкретных целей и задач радикальных и экстремистских сил, недовольных сложившимися в обществе политическим режимом и социальными условиями своего существования.

Мировая история богата примерами политического терроризма. Действительно, борьба за политическую власть предполагала запугивание и физическое устранение противников еще до образования первых государств на стадии формирования родовых кланов, объединенных родственными отношениями и ведущих свое начало от общего предка в племенной общине.

Сосредоточение неограниченной политической власти в руках правителя государства (деспота) в Древнем и Средневековом мире создавали объективные предпосылки для решения политических задач при помощи его физического уничтожения. Устранение с политической арены главы государства преследовало цель вызвать кардинальные изменения во внутренней или внешней политике. При этом общественная польза от убийства давала моральные преференции организаторам и исполнителям террористического акта. В Средние века стали предприниматься попытки теоретического обоснования политического терроризма. В частности, некоторые представители теократических теорий не отрицали права народа на восстание и убийство представителей высшей власти. Такое мнение, например, в XII в. высказывал английский схоластик Иоанн Солсберийский, признававший законность физического уничтожения монарха – тирана [272, с. 19]. Странники подобных политических теорий (монархомахи, тираномахи) оправдывали восстания и тираноубийство во имя естественного права или во имя интересов церкви. К XVI столетию основные идеи монархомахов, особенно после массовых убийств французских гугенотов в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г., становятся востребованы, необычайно популярны и актуальны.

В европейской истории попытки физического уничтожения глав государств и крупных политических лидеров (аттентат)¹ предпринимались неоднократно. Под влиянием монархомахических идей были убиты европейские правители Вильгельм Оранский (1584), Генрих III (1589) и Генрих IV (1610). Известен также «пороховой заговор» (1605) капитана английской армии Гая Фокса, планировавшего взорвать здание парламента и находившегося в нем короля для реставрации католицизма в Англии. В июле 1793 г. в отместку за развязанный якобинцами кровавый террор от французской аристократки Шарлотта Корде погиб председатель Якобинского клуба Жан Поль Марат.

Как система оппозиционной политической деятельности европейский политический терроризм стал формироваться в 20-х гг. XIX столетия в Италии. Именно здесь в Сицилии зародились предпосылки образования ныне широко известной «Коза Ностра» – мафиозной организации, первоначально терроризировавшей грабежами и убийствами богатых иностранцев, господствовавших на острове. По сути дела, первые мафиозные банды местного населения выступали за политическую автономию в борьбе с монархией Бурбонов.

Тогда же на юге Италии возникло движение карбонариев, со временем создавших сеть своих организаций по всей стране и первоначально ставивших своей целью защиту крестьян от произвола помещиков-землевладельцев. Впоследствии движение, боровшееся с австрийским господством, приобрело открыто политический характер. Карбонарии, как и предшественники сицилийских мафиози, широко применяли террористические методы борьбы. При этом в качестве одного из способов психологического давления использовалось предупреждение о намерениях, которое предшествовало собственно террористическому акту. В качестве объекта политического терроризма выбирались тюремные надзиратели, помещики, полицейские, чиновники.

¹Аттентат (от лат. attentatio) – устаревшее обозначение покушения на убийство высокопоставленных особ, террористического акта, заимствованное из французского языка (attentat).

В первой половине XIX в. объектом покушений европейских террористов нередко становились монархи, наследники престолов, видные политические деятели, проводившие авторитарную внешнюю и внутреннюю политику. Так, 23 марта 1819 г. за прорусскую пропаганду был убит немецкий драматург и романист, газетный агент на русской службе в Остзейском крае Август фон Коцебу. 13 апреля 1820 г. при выходе из театра французский рабочий Луи Лувель смертельно ранил кинжалом наследника французского престола Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского. Дважды предпринимались покушения на короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV (1844, 1850 гг.), дважды на императора Австрийской империи Франца Иосифа I (1849, 1853 гг.).

Во второй половине XIX в. покушения на лидеров европейских государств и политических деятелей продолжались. Шесть покушений на свою жизнь пережил последний французский император Наполеон III. Наиболее известное из них было организовано итальянским националистом Феличе Орсини, активно борющимся за политическое объединение Италии. Убийство Наполеона II, как полагал Орсини, спровоцирует массовое восстание в Италии и приведет к созданию нового национального итальянского государства. 14 января 1858 г. Орсини с двумя другими участниками заговора бросили 3 ручные бомбы в императорскую карету, направлявшуюся в один из парижских театров. В результате взрывов погибло 8 и было ранено 142 человека, в том числе и организатор заговора, но сам император и его супруга не пострадали. Это был первый террористический акт, совершенный в Европе с применением взрывчатых веществ – до этого момента в качестве орудия покушения использовались холодное и огнестрельное оружие [408].

Политический мотив, связанный с авторитарной политикой правления Фердинанда Карла III Бурбон-Пармского, стал главной причиной его убийства 27 марта 1854 г. Несколько позже было совершено покушение на королеву Испании Изабеллу II (1856 г.). В 1868 г. был убит сербский князь Михаил Обренович III. По два покушения пережили канцлер Отто Бисмарк (1866, 1874 гг.) и прусский король Вильгельм I (1878 г.).

Круг политических организаций, использовавших тактику терроризма, значительно расширился к концу XIX в. Кроме националистов идеологию терроризма приняли представители анархистов и некоторых социалистических движений, которые дали ей теоретическое обоснование. В 1894 г. итальянский анархист Санте Казерио ударом ножа убил президента Французской Республики Сади Карно.

Во второй половине XIX в. терроризм распространил свое влияние и на Соединенные Штаты Америки. 14 апреля 1865 г. в Вашингтоне в театральной ложе сторонник южан актер Джон Уилкс Бут выстрелом из пистолета смертельно ранил шестнадцатого президента Авраама Линкольна. В 1881 г. в результате покушения был убит президент США Дж. Гарфилд, а в 1901 г. президент США У. Мак-Кинли [574, с. 463–465].

К началу XX в. терроризм окончательно оформился в одну из распространенных форм оппозиционной политической борьбы. Террористические акты приобрели систематизированный характер и тщательно готовились подпольными организациями радикального толка. Идеология терроризма разрабатывалась в работах германских (К. Гейнцен, И. Мост), итальянских, французских революционеров (преимущественно анархистов). Идея политического терроризма превратилась в знамя и атрибут анархизма. Пропаганда террористических актов стала повседневностью анархической прессы конца XIX – начала XX столетия.

Политический терроризм тесно переплетался с уголовной практикой. Зачастую по формальным признакам невозможно было отличить террористический акт от уголовного преступления, поскольку уголовные сообщества использовали политический камуфляж для реализации своих криминальных целей.

Апогеем террористической деятельности в Европе в начале XX в. можно считать убийство 28 июня 1914 г. в Сараево сербским террористом Гаврилой Принципом наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини Софии Гогенберг. Террористический

акт готовился и был осуществлен шестью членами национально-революционной организации «Млада Босна» во главе с Данилом Иличем. Политической целью убийства было отделение южнославянских территорий от Австро-Венгрии и последующее присоединение их к Великой Сербии или Югославии. Убийство стало поводом для начала Первой мировой войны: Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, который был частично отклонен; тогда Австро-Венгрия объявила Сербии войну [2].

Политический терроризм в Российской империи

В Российскую империю политический терроризм проник во второй половине XIX в. Появление терроризма в современном понимании этого слова как нового метода политической борьбы стало возможным лишь в условиях развития средств массовой информации и изобретений (например, телеграфа и динамита), которые многократно усилили его эффективность и пропагандистский эффект. Таково мнение О. В. Будницкого, связавшего начало российского политического терроризма с последней четвертью XIX в. [69, с. 12].

В качестве главной причины появления политического терроризма в России исследователи называют существовавший в стране самодержавный политический режим, исключавший легальную оппозиционную политическую деятельность. В этих условиях политический терроризм представлял собой форму борьбы за гражданские права и свободы [38]. Не имея возможности добиваться своих политических требований парламентскими методами в условиях нежелания власти решать возникшие в обществе проблемы, часть радикально настроенных оппозиционных кругов решила использовать терроризм для достижения политических целей.

На необходимость политического терроризма как ответной меры на репрессивную политику царской власти указывалось в программных документах революционных организаций, применявших терроризм в своей политической практике. «Террористическая деятельность <...> имеет своей целью главным образом самозащиту», заявлялось в программе, изданной в Санкт-

Петербурге в марте 1892 г. от имени «партии народной воли» [3, с. 23–24]. В свою очередь в воззвании «От Крестьянского Союза Партии Социалистов-Революционеров ко всем работникам революционного социализма в России» подчеркивалось, что его основатели вводят в программу борьбы все средства «от мирной пропаганды до вооруженных террористических нападений на правительство включительно» [493, с. 103–104].

Многие участники террористических актов осуждали террор как форму политической борьбы, но считали её необходимой и единственно возможной в условиях России. Известный террорист С. В. Балмашев после его ареста на одном из допросов заявлял: «Террористический способ борьбы я считаю бесчеловечным и жестоким, но он является неизбежным при современном режиме» [76, с. 186].

По мнению некоторых современных исследователей распространению политического терроризма в российском обществе также способствовали бытовавшие среди интеллигенции критические взгляды на историю, традиции, культуру, экономику и социально-политический строй России. При этом однозначно негативно оценивалась деятельность политического руководства страны и органов государственной власти. На это обстоятельство еще в начале XX в. обращали внимание известные русские публицисты, философы и общественные деятели начала XX в. – В. В. Розанов, М. О. Меньшиков, И. Л. Солоневич, которые считали, что идейная направленность русской литературы и ее воздействие на общественное сознание привели Россию к революции [505, с. 55].

Формированию российской идеологии терроризма способствовали политические настроения среди молодежи, связанные с событиями якобинского террора периода Великой французской революции конца XVIII в. По воспоминаниям А. И. Герцена, культ этой революции являлся «первой религией» студенческой молодежи, многие из которых почитали Робеспьера и Дантона [133, с. 502]. Как свидетельствовали современники, бытовавшие в студенческой среде представления о «настоящем студенте» осуждали чистое занятие

учебой и одобряли активное участие в событиях политической жизни с требованиями политического и социального обновления в стране. В соответствии с таким мнением требовалось исповедовать «идеал социализма» и действовать какой-нибудь революционной партии [213, с. 112–113].

Политический терроризм в России морально подпитывался поддержкой либеральной оппозиции, которая симпатизировала революционной деятельности и не осуждала террористические акты. Оправдательный приговор присяжных, вынесенный 31 декабря 1878 г. Вере Засулич по делу о покушении на убийство петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова стал нравственным и юридическим оправданием террористического акта. Он был с восторгом принят либеральной оппозицией и создал прецедент, который спровоцировал широкое распространение террористической деятельности в России. С течением времени одобрительное отношение либерального общества к террористической деятельности российских революционеров усиливалось. Через полтора десятилетия в декабре 1892 г. заведующий заграничной агентурой П. И. Рачковский докладывал директору Департамента полиции П. Н. Дурново, что «как и прежде, революционеры опираются на поддержку русских либералов с той разницей, что раньше эти господа питали скрытую надежду получить конституцию мирным путем, а потому уверяли партию во вреде и гибельности ее стремлений, но теперь у них такой надежды уже совершенно не имеется. Следовательно, дело становится в гораздо худшие рамки, ибо исключает либеральные колебания в смысле открытого сочувствия революционерам» [22, с. 16]. По этой причине П. А. Столыпин не сумел добиться в Государственной Думе принятия резолюции, осуждавшей терроризм [384, с. 20]. По воспоминаниям бывшего начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, «революционные партии находили активную поддержку среди всего населения, даже в таких слоях его, которые, казалось бы, ни в коем случае не могут сочувствовать целям этих партий». При этом особенные симпатии вызывала террористическая деятельность социалистов-революционеров, деньги которым «притекали со всех сторон и в самых огромных размерах» [132, с. 196].

Специфика российского политического терроризма проявлялась и в социальном составе участников террористических организаций. Террористы были представлены практически всеми сословиями и социальными группами Российской империи: выходцами из дворян, городских и сельских обывателей, студенчества, интеллигенции, фабрично-заводских рабочих, крестьян. Основу террористических организаций составляли студенты и интеллигенция, которая в конце XIX в. составляла 73,2% привлеченных к суду за политические преступления [287, с. 95]. Значительное участие в партийных боевых организациях студенческой молодежи было обусловлено особенностями молодёжной психологии, восприимчивой к революционной пропаганде и нигилистическим настроениям, возрастанием общего количества высших учебных заведений в России и последствиями репрессивной политики властей. К 1907 г. число студентов вузов в стране по сравнению с 1897 г. выросло почти в три раза главным образом за счет выходцев из низших сословий [205, с. 254, 268]. Репрессивные меры в отношении студенческих волнений подогревали экстремистские настроения. Среди народовольцев привлекавшихся к суду в 1880-х гг. студенты составляли 38,3% [341, с. 126]. Значительную часть боевых организаций составляли бывшие студенты, исключенные из вузов по политическим мотивам. Многие из них проявили себя как исполнители крупных террористических актов и организаторы террористической деятельности. Среди них были А. Желябов, Д. Каракозов, А. Соловьев, А. Михайлов, П. Карпович, С. Балмашев, Б. Савинков, И. Каляев, Е. Сазонов, М. Швейцер и др.

С точки зрения гендерных характеристик особенность российского политического терроризма состояла в большом количестве женщин-боевиков. К организации террористических актов были причастны члены организации «Народной воли» Л. А. Волкенштейн, Г. М. Гельфман, С. М. Гинсбург, П. С. Ивановская, Т. И. Лебедева, С. А. Лешерн, О. С. Любатович, С. Л. Перовская, А. П. Прибылева-Корба, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова-Диковская. Непосредственное участие в исполнении приговоров Боевой организации эсеров принимали

Е. А. Измайлович, З. В. Конопляникова, Е. П. Рогозинникова, А. А. Севастьянова, М. А. Спиридонова, М. М. Федорова, Ф. М. Фрумкина и др. В начале XX в. боевые организации эсеров до 30% состояли из женщин [505, с. 58].

Для многих революционеров политический терроризм представлялся возможностью быстрой и относительно бескровной смены политического режима. Члены террористических организаций считали, что «искусно выполненная система террористических предприятий одновременно уничтожающих 10–45 человек, столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобные моменты для нападения» [3, с. 32].

Особое значение предавалось информационному сопровождению совершаемых террористических актов. Народовольцы считали, что успешные покушения должны «поднимать <...> революционный дух народа и веру в успех дела», вскрывать и показывать «в ярких образах революционную идею», являясь единственным средством, способным «всколыхнуть стоячее болото, кинуть туда такие вопросы, о которых никто не слышал в этой мертвой тишине» [3, с. 32–33]. По мнению руководства партии эсеров, терроризм в сочетании с пропагандистской работой среди населения «дает огромные результаты, внося неудержимую панику в действия властей и мощно, безгранично поднимая энтузиазм и энергию масс» [493, с. 104]. В свою очередь анархисты использовали проводимые ими террористические акты в пропагандистских целях. Одна удачно брошенная бомба, по их мнению, заставляет гораздо больше народу обратить внимание на анархистов и заинтересоваться их учением, чем сотни самых красноречивых прокламаций.

Террористические акты были направлены не на возбуждение страха и панических настроений у основной части российского общества, а на подъем революционных настроений. Так, объявляя в своей листовке об убийстве министра внутренних дел и шефа Корпуса жандармов В. К. Плеве, анархисты предостерегали «трудящуюся и эксплуатируемую массу» не поддаваться «одному только чувству удовлетворения и «радостного сознания, что погиб

тиран», а призывали к «трезвому анализу политического события». В ней разъяснялись основные цели политического убийства: «укротить бешенство правящих и давящих» и призвать «обездоленных и эксплуатируемых» к «пролетарской революции» [289, с. 44].

Из содержания документа видно, что в отличие от террористической деятельности современных террористов, имеющей религиозную окраску без конкретно выраженной социальной направленности, терроризм русской революционной оппозиции имел конкретно обозначенную классовую нацеленность на представителей органов государственной власти как выразителей интересов класса собственников.

Задачи террористической деятельности сводилось к уничтожению «наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионов, в наказании наиболее выдающихся случаев насилий и прозвала со стороны правительства, администрации и т. д.». Террористические акты, как это разъясняли народовольцы, «были призваны подрывать обаяние правительственной силы, давать непрерывные доказательства возможности и борьбы против правительства <...> формировать годные и привычные к бою силы» [3, с. 24].

Тактику террора использовали и некоторые националистические партии: армянская Дашнакцутюн, часть Польской социалистической партии (ППС – революционная фракция), под руководством Ю. Пилсудского, финская партия «активного сопротивления» во главе с К. Зиллиакусом.

Критикуя метод индивидуального террора в целом, они оправдывали отдельные террористические акты. При определенных условиях даже некоторые либералы готовы были их сами организовывать. Так, по мнению будущего лидера кадетов П. Н. Милюкова, высказанному в беседе с В. И. Лениным в 1903 г. в Лондоне, «один – два удачных террористических акта» должны были заставить самодержавие ввести конституцию [24, с. 152].

Неоднозначно относились к политическому терроризму большевики. Применение народовольцами и эсерами террористических методов борьбы В. И. Ленин считал проявлением их «безыдейности и беспринципности», веду-

щими на практике к «революционному авантюризму», выразившемуся на практике «в их шумной проповеди «систематического» террора». Однако при этом он полностью не отвергал возможности проведения большевиками террористических акций при изменении условий, которые могли бы вызвать и перемену тактики. Поэтому («истребительная и беспощадная партизанская война с насильниками правительства»), развернутая в годы Первой русской революции, лидеру большевиков представлялась «своевременной и целесообразной». Боевому комитету при Санкт-Петербургском комитете РСДРП Ленин рекомендовал организовывать «тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно», численностью от 3-х до 10–30 человек. Боевые дружины должны были убивать «шпикинов» (полицейских осведомителей), взрывать полицейские участки, добывать средства на восстание (конфисковывать правительственные денежные средства)». Террористические акты предписывалось проводить не только против представителей органов государственной власти, но и членов проправительственных общественных организаций – черносотенцев, к которым Ленин относил всякого, «кто не за революцию»: «избивая <...>, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.». По мнению Ленина, боевая (по своей сущности – террористическая) работа должна была охватывать весь арсенал имеющихся средств: убийства, подрывы, преимущественно бомбами, которые «перестали быть оружием одиночки-бомбиста», а стали «необходимой принадлежностью народного вооружения», забрасывание войск камнями и обливание их кипятком с верхних этажей зданий, ослепление полицейских кислотой [283, с. 269–270, 317, 336, 340–341, 343; 286, с. 70].

При анализе дореволюционного политического терроризма абсолютное большинство современных исследователей умалчивают факт, что революционные организации применяли террористические методы не только против представителей официальных органов власти, но и нейтральной в политическом отношении части рабочего класса. Правоохранительным органам было хорошо известно, что «среди фабричного населения стали иногда организовываться так называемые «боевые дружины», которые путем угроз и насилий

принуждали менее решительных рабочих присоединяться к стачкам, употребляя различного рода терроризирующие действия против лиц, заподозренных в «измене» [3, с. 21]. По отношению к последним применялись особенно жестокие меры, когда «шпионам», например, пробивали головы и уродовали лица кислотой [492, с. 102].

Современные исследователи выделяют в истории дореволюционного российского политического терроризма два этапа [41, с. 44]. *Первый этап* связывается с деятельностью революционной организации «Народная воля» (с января 1878 по март 1881 гг.). Возникнув в августе 1879 г. в Санкт-Петербурге, по количеству активных членов (около 500 человек) и нескольким тысячам участников движения она стала самой массовой в истории российского революционного движения в XIX в. [482, с. 870]. За непродолжительное время Исполнительный комитет «Народной воли», который возглавляли А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, предпринял целый ряд террористических актов. Первыми жертвами террора стали жандармский офицер Г. Э. Гейкин и агент сыскной полиции А. Г. Никонов, было проведено покушение на киевского прокурора М. М. Котляревского. Народовольцы С. Я. Виттенберг и И. И. Логовенко готовили крушение царского поезда, но своевременно были обезврежены полицией.

В результате террористической деятельности народовольцев были убиты высокопоставленные царские чиновники – петербургский градоначальник генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов (1878 г.), а также шеф жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии генерал-адъютант Н. В. Мезенцев (1878 г.). Весной 1879 г. совершаются два неудачных покушения: 13 марта – студента Л. Мирского на нового главу Третьего отделения А. Р. Дрентельна и 2 апреля – А. Соловьева на Александра II. С сентября 1879 г. началась настоящая охота на императора, который был убит 1 марта 1881 г., фактически уже после разгрома основного ядра народовольцев. После этого события полиция сумела на время взять ситуацию под контроль и примерно на два десятилетия в России наступило затишье.

Второй этап развития политического терроризма в России связывается с деятельностью политической партии социалистов-революционеров, которые считали себя «наследниками и продолжателями» дела «Народной воли».

Для осуществления террористических акций при ЦК партии была создана специальная «Боевая организация». По социальному составу она состояла преимущественно из студентов (действительных и бывших) высших учебных заведений. По размаху террористических действий эсеры не имели себе равных. В первом десятилетии XX в. политический терроризм приобрел массовый, угрожающий характер. Он обострял политическую обстановку, наносил ущерб государственной службе и способствовал развитию революции 1905–1907 гг.

Начало XX столетия ознаменовалось резонансными убийствами видных государственных деятелей. В феврале 1901 г. под влиянием эсеровской террористической идеологии член партии РСДРП (впоследствии член Боевой организации эсеров) П. В. Карпович застрелил министра народного просвещения Н. П. Боголепова. В следующем 1902 г. близкий к партии эсеров студент С. В. Балмашев несколькими выстрелами в упор смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина. В июле этого года член Боевой организации Ф. Качура совершил неудачное покушение на харьковского губернатора И. М. Оболенского. В 1903 г. эсеровский боевик Е. О. Дулебов убил уфимского губернатора Н. М. Богдановича. 3 июня 1904 г. сын финляндского сенатора Эйген Шауман выстрелом из револьвера смертельно ранил финляндского генерал-губернатора и командующего войсками, генерал-адъютанта Н. И. Бобрикова. 28 июля в результате спланированного Боевой организацией теракта (получившего условное название «Поход на Плевне») был убит министр внутренних дел В. К. фон Плевне. 4 февраля 1905 г. в результате взрыва бомбы, брошенной эсером И. П. Каляевым, погиб великий князь Сергей Александрович.

В годы Первой русской революции масштабы политического терроризма резко возросли. Именно массовость и расширение географии составляли одну

из важнейших особенностей российского терроризма начала XX столетия. Наивысшего подъема террористическая деятельность достигла в 1906 г. Некоторые исследователи связывают этот факт с «завершением процесса образования боевых дружин, а также готовностью разных социальных слоёв принимать участие в осуществлении террористических актов» [451, с. 20].

Объявляя «систематический террор по всей линии», эсеры направляли его «сверху донизу от крупных воротил до мелких сошек, от официальных представителей власти до неофициальных вербовщиков черных сотен». При этом «маленькие» «подначальные» люди, к которым террористы относили губернаторов, прокуроров, военных судей, полицмейстеров, армейских офицеров, жандармов и агентов сыска, предупреждались, что за исполнение приказов вышестоящего командования по подавлению революционных выступлений им «грозит свинцовая пуля, как <...> естественное и необходимое средство самообороны» революционеров [15, с. 1–2].

В свою очередь анархисты организовывали группы «безмотивных террористов», для которых принадлежность к классу «паразитов-эксплуататоров» считалась достаточным основанием для вынесения смертного приговора [70].

Идеология терроризма находила конкретную реализацию в практической деятельности революционеров. «Полиция каждодневно терпит громадный урон убитыми и ранеными», – отмечала газета «Правительственный Вестник» летом 1906 г. [418]. Всего с 1900 по 1910 гг. было совершено 23 000 террористических актов, в результате которых было убито или ранено 17 000 человек. По официальным данным с октября 1905 г. по апрель 1906 г. по политическим мотивам в стране убито 288 государственных служащих, 383 ранен. По подсчетам профессора Н. С. Таганцева в 1905–1908 гг. было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц. Каждый день в 1907 г. в среднем совершалось 18 политических убийств [246, с. 70–71; 498, с. 27; 509, с. 92].

В начале XX столетия политический терроризм вышел за рамки собственно политического убийства. Террористы активно использовали различ-

ные формы и методы насилия: экспроприации, вооруженные нападения на государственные учреждения, похищения, вымогательства и шантаж [41, с. 44]. Для получения средств на революционную деятельность наиболее широко применялись экспроприации, или «эксы», которые представляли собой открытое хищение с применением оружия личного или государственного имущества, или ценностей для нужд революции, и по общепринятой классификации уголовных преступлений попадали под определение разбой или бандитизм. С января 1905 г. по июль 1906 г. было зарегистрировано 1951 крупное ограбление по политическим мотивам [441, с. 64]. На этом основании некоторые из исследователей считают, что политический терроризм в провинции фактически переродился «в уголовный разбой и ограбления» [451, с. 20]. В свою очередь отметим, что после смены политической власти в советском Уголовном кодексе были введены аналогичные понятия разбоев и бандитизма, под которые полностью попадали недавние действия революционеров.

Следует отметить, что террористам в значительной мере удалось достигнуть поставленных целей. Этот факт официально признавало царское правительство, подчеркивая, что «вся обстановка подобных преступлений по жестокости своей располагает общество к смятению и тревоге» [418].

После убийства в 1911 г. П. А. Столыпина, совершенного анархистом и агентом охранного отделения Д. Г. Богровым, правительству удалось подавить террористическую деятельность радикальных политических партий. К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. политический терроризм в России фактически был ликвидирован.

Новый всплеск политического насилия произошел после Февральской революции 1917 г. Наиболее ярким проявлением его стали многочисленные самосуды революционных солдат и матросов над офицерами, особенно на Балтийском флоте. Хотя эти события выглядят как стихийные акты мести неорганизованной солдатской или матросской толпы по отношению к наиболее требовательным с точки зрения поддержания воинской дисциплины ко-

мандирам и начальникам, тем не менее в них просматривается, хотя и косвенное, стремление эсеров и анархистов запугать офицерский корпус с целью подчинения армии и флота влиянию революционных организаций.

*Особенности террористической деятельности
в Советской России и СССР*

После бурных революционных событий февраля – марта 1917 г., отречения императора Николая II от престола и установления в период правления Временного Правительства широких политических свобод привели к резкому увеличению уголовной преступности, возрастанию количества убийств, разбоев и грабежей, организованных преступными группировками и не связанных с политикой. Терроризм как системный метод политической борьбы политической оппозицией не применялся. Оппозиционные политические силы осуществляли свою политическую деятельность главным образом легальными агитационно-пропагандистскими методами. Революционные настроения в опьяненных политической свободой широких слоях населения, воинских частях гарнизонов позволяли без труда организовывать массовые демонстрации и митинги протеста.

Терроризм как метод политической борьбы был возрождён противниками Советской власти после прихода к власти партии большевиков в октябре 1917 г. Его генезис и особенности определялись остротой противоборства различных политических сил за власть, а также характером общественно-государственного устройства страны на различных этапах развития советского общества.

Определяя в качестве главного критерия внутривнутриполитическое положение Советского государства, периодизацию развития антисоветского политического терроризма можно представить следующим образом:

1 этап – политический терроризмом в ходе становления Советской Республики в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1921 гг.);

2 этап – политический терроризмом в период упрочения Советской власти, создания командно-административной системы управления государством и культа личности Сталина в 20–30-е гг.;

3 этап – националистический политический терроризм в Западной Украине и Прибалтике в конце 30-х – конце 50-х гг.

4 этап – политический терроризм в период развития советского государства с конца 60-х – до начала 90 гг.

Исключение из общей периодизации времени Великой Отечественной войны 1941 г. и послевоенного периода 60-х гг. обусловлено практически полной ликвидацией политической оппозиции в стране и относительным единством советского общества.

В военные годы политический терроризм как форма политической борьбы не осуществлялся. Террористические акты в подавляющем большинстве осуществлялись агентами вражеских диверсионных групп и преследовали сугубо военные или военно-политические цели. Исключение составляют террористические действия националистических подпольных организаций на освобождённых в 1944 г. советскими войсками территориях Западной Украины и Прибалтики, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.

После подавления на указанных территориях националистических движений в конце 50-х гг. и до второй половины 70-х гг. советские органы государственной безопасности обеспечивали полный контроль партийно-государственного руководства над политической жизнью страны, исключая любое проявление оппозиционных Советскому Правительству общественных настроений на территории Советского Союза.

Распространение политического терроризма в ходе становления Советской Республики, в годы Гражданской войны и военной интервенции (1918–1921 гг.) было обусловлено результатами Октябрьской революции 1917 г. Новая партия власти считала главной задачей построение справедливого общества без эксплуатации человека человеком, без бедных и богатых, с всеобщим социальным и политическим равенством каждого человека. До-

стижение этих целей предполагалось путем вооруженного насилия, ограничения гражданских прав представителей имущих классов, установления диктатуры пролетариата, которое на практике превратилось в диктатуру руководства коммунистической партии. Во имя создания нового справедливого общества воодушевленные революционной идеологией большевиков их сторонники готовы были идти на любые жертвы и безжалостное уничтожение своих противников, в том числе путем государственного террора.

Проводимые большевиками радикальные изменения во всех сферах общества привели к резкому обострению политической борьбы в форме Гражданской войны и, как следствие, к массовой нищете, голоду, разрухе. Представители свергнутых политических сил также были готовы бороться за власть любыми, в том числе террористическими методами. К стремлению реставрировать «старый порядок» нередко прибавлялась личная месть за понесенные утраты. Поэтому террористические акты готовились и проводились как боевыми организациями, так и персонально.

Политический терроризм, развернутый антисоветскими силами в ходе становления Советской Республики, в годы Гражданской войны и военной интервенции (1918–1921 гг.) имел ряд особенностей.

Во-первых, по времени политический терроризм со стороны большевистской оппозиции предшествовал «красному» террору большевиков. Массовый террор со стороны Советской власти являлся ответом на совершаемые террористические акты.

Готовность к политике массового террора отмечалась у лидеров будущего белого движения уже в ходе революционных событий в феврале 1917 г. Эти настроения отражены в воспоминаниях В. В. Шульгина, который еще с началом беспорядков в Петрограде «чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя» [583, с. 423]. Это были не только настроения и мысли – за ними шли действия. Об этом свидетельствует прежде всего время начала первых терактов. 1 января 1918 г. была обстреляна машина

В. И. Ленина, в результате чего был ранен сумевший пригнуть голову вождя швейцарский социал-демократ Фриц Платтен. Нападение организовали бывшие офицеры царской армии и работники петроградской милиции. Вдохновителем покушения был кадет князь Д. И. Шаховской, выделивший на эти цели полмиллиона рублей. Чуть позже в январе 1918 г. ВЧК предотвратило покушение на В. И. Ленина, которое пытались организовать члены «Союза георгиевских кавалеров». Уголовное преследование им заменили отправкой на фронт в феврале 1918 г. для защиты Петрограда от немцев [323, с. 11–12].

Во-вторых, терроризм, по сути, стал нормой политической жизни страны. О своей готовности осуществлять террористические акты против советских политических деятелей заявляли представители разных политических взглядов. Например, летом 1918 г. существовало множество боевых групп, которые готовили различные акции возмездия или устрашения большевиков. Часто это происходило без ведома руководящих органов этих террористических организаций или даже вопреки их указаниям. К организации политического терроризма готовились члены созданного в Москве весной 1918 г. «Правого центра». Эта организация занимала монархическую и прогерманскую позицию. Не отказывался от террористических методов политической борьбы отколовшийся от него и близкий к кадетам проантантовский «Национальный центр».

Политический терроризм развивался не только со стороны политических группировок свергнутых и дискриминируемых социальных слоев, стремящихся вернуть утраченные политические позиции. Его широкому распространению также способствовали попытки взаимодействующих с большевиками на первом этапе революции революционных политических сил скорректировать неправильную, по их мнению, социальную политику. Такая линия была характерна для эсеров и анархистов, широко использовавших политический терроризм в дореволюционный период. Соответственно, террористические акты в отношении партийно-советских работников считались эффективным средством политической борьбы [254, с. 47, 179].

В начале 1918 г. была создана террористическая организация «Союз защиты родины и свободы», во главе с бывшим руководителем Боевой организации партии социалистов-революционеров Б. Н. Савинковым. С начала существования эта организация, ориентированная в политическом плане на правых эсеров, считала антисоветский политический терроризм справедливым и законным методом борьбы. Благодаря большому дореволюционному опыту её члены действовали наиболее эффективно. Так, в результате террористических актов 20 июня 1918 г. был убит комиссар по делам печати, пропаганды и агитации г. Петрограда М. М. Володарский, 30 августа 1918 г. – председатель петроградской ЧК М. С. Урицкий. В этот же день был тяжело ранен лидер партии большевиков В. И. Ленин. Многочисленные теракты сопровождали эсеровские восстания в Ярославле, Ижевске, Вольске, Ливнах и ряде других городах [229, с. 210–216]. Теракт против М. М. Володарского организовал руководитель Центрального боевого отряда эсеров боевого эсеровского отряда Г. И. Сергеев, числившийся рабочим электромонтером. Убийство Урицкого осуществил начинающий поэт, член тесно связанной с эсерами подпольной террористической группы Л. И. Канегиссер, хотя он и утверждал, что действовал по личному убеждению, а не по заданию партии [323, с. 12, 17]. Известный писатель М. А. Алданов, признавая, что политическое убийство – мерзость и преступление, для Канегиссера делал исключение, восторгался его поступком и призывал поставить ему памятник [291, с. 239].

Отношение эсеров к антибольшевистскому террору было в основном положительным, но использовался он в зависимости от политической ситуации и реальных возможностей. Так, Б. Савинков на после своего ареста показал на допросе, что в 1918 г. предлагалось покушение на Ленина и Троцкого, но делалось очень мало, а к покушению Ф. Каплан «Союз защиты родины и свободы» отношения не имел. Эсеровский депутат Учредительного Собрания от Ставрополя Ф. М. Онипко в начале 1918 г. разработал план убийства Ленина и Троцкого, но ЦК партии эсеров выступил против, опасаясь, что в ре-

зультате ярость рабочих обрушится на партию. После чего Онипко распустил свою боевую группу [291, с. 320].

С лета 1918 г. в организации террористических актов против своих бывших союзников, большевиков, активно приступили левые эсеры и анархисты. Столь широкий политический спектр террористов создавал серьезные трудности для органов ВЧК. Особенно когда организаторами и исполнителями терактов выступали сами чекисты – левые эсеры и анархисты.

В-третьих, политический терроризм распространялся не только на руководителей советской власти и партии большевиков, но и на представителей других политических сил, а также дипломатов иностранных государств. В этом отношении показательно убийство 7 января 1918 г. арестованных и находившихся на лечении в частной Мариинской больнице в Петрограде бывших членов Временного правительства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. Специально созданная следственная комиссия установила, что теракт совершила группа матросов-анархистов флотских экипажей «Чайка» и «Ярославец», прикрываясь мезтью за репрессии царского правительства при подавлении революции 1905–1907 гг. [323, с. 12]. Примером политического теракта против дипломатических представителей может служить убийство 6 июля 1918 г. членами партии левых эсеров и сотрудниками ЧК Я. Г. Блюмкиным и Н. Андреевым посла Германии в РСФСР графа Вильгельма фон Мирбаха. По показаниям Блюмкина, террористический акт был организован по решению ЦК партии левых эсеров, членом президиума ВЦИК М. А. Спиридоновой. По заявлению одного из руководителей партии левых эсеров И. З. Штернберга, это была попытка принудить большевиков изменить свою внешнюю политику [291, с. 110–111].

Антисоветская деятельность с применением террористических методов политической борьбы продолжалась и *в период упрочения Советской власти, становления командно-административной системы управления государством и культа личности Сталина в 20 – 30-е гг.*

Проигравшие Гражданскую войну политические силы и после её окончания не оставляли попыток если не вернуть себе власть, то хотя бы заставить партийно-государственное руководство страны пойти на уступки. Однако по мере укрепления новой политической организации общества в качестве главной причины развития политического терроризма становится внутрипартийная борьба, что было обусловлено закономерностями и особенностями развития российского революционного процесса.

Все великие европейские буржуазные революции (Английская революция середины XVII в., Великая Французская революция 1789–1794 гг.) происходили по одной схеме: сначала у власти находились «умеренные» революционеры, затем радикалы, далее следовал определенный возврат к старым порядкам – «термидор», а затем реставрация старой власти, но полного восстановления старого строя не происходило даже в случае возвращения к власти дореволюционных политических сил. Все трансформации осуществлялись отнюдь не демократическими методами. Исторический опыт свидетельствует, что смена абсолютной революционной свободы абсолютной же тиранией – явление закономерное. В этом отношении остается актуальным утверждение английского писателя и философа XVIII в. Т. Карлейля, согласно которому: «Пока человек будет человеком, Кромвели или Наполеоны всегда будут неизбежным завершением санкюлотизма» [237, с. 285].

Для российского революционного процесса была характерна подобная смена этапов. Особенность в том, что «термидор» происходил без смены руководителей революции, а реставрация в России осуществилась гораздо позже – через 74 года после революции.

К началу 30-х гг. в СССР сложился диктаторский режим личной власти И. В. Сталина, который поддерживался методами государственного террора. В ходе массовых репрессий физически истреблялись оставшиеся в стране представители дворянского сословия, духовенства, буржуазии, царские чиновники и интеллигенция. С середины 30-х гг. Сталин перешел к устранению своих оппонентов в руководящих органах государства и партии – соратников

В. И. Ленина. Одновременно было репрессировано и почти все руководство Красной Армии. Дважды в течение 30-х гг. полностью менялось руководство органов безопасности – Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Всякий способный и популярный руководитель высокого ранга, потенциально опасный для вождя, подлежал ликвидации.

Политика государственного террора осуществлялась под лозунгами верности ленинским заветам и идеям. Высланный за границу Троцкий прямо обвинял Сталина в термидоре [533, С. 504–505, 526–528, 553]. Как Кромвель и Наполеон, Сталин являлся одновременно сыном революции и его могильщиком. Клянясь в верности революционным идеалам, он создавал нечто прямо им противоположное. Те меры, которые предлагал Троцкий в середине 20-е гг. и за которые Сталин и Бухарин критиковали его, в конце 20–30-е гг. осуществлялись самим Сталиным. Все это понимали наиболее критически мыслящие коммунисты. Существовавшие в партийных кругах настроения хорошо передал советский писатель, философ и социолог А. А. Зиновьев: «Мы в свое время выразили протест против сталинизма, поскольку заметили в жизни нечто такое, что не соответствовало нашим идеалам революции и представлениям об идеальном коммунизме» [202, с. 42–43]. По его мнению, «это была инерция революции, направленная теперь против результатов самой революции» [202, с. 17].

Как и в период самодержавия фактический запрет на ведение открытой оппозиционной деятельности порождал у противников политического режима иллюзию возможности изменить ситуацию через политический терроризм. Тот же А. А. Зиновьев «был членом террористической группки, собиравшейся убить Сталина» [202, с. 5]. Терроризм подпитывался нестерпимо тяжелыми условиями жизни людей. Реальным мотивом террористических актов была и месть за репрессии.

Кроме того, были и другие причины для развития антисоветского политического терроризма. Мощным фактором, способствовавшим развитию террористических методов политической борьбы, стал национализм, который

оказывал мощное сопротивление идеологии и практике интернационализма. Несмотря на громкие декларации о праве народов, вошедших в состав СССР, на национальное самоопределение, советское правительство на деле проводило сталинскую политику автономизации, фактически направленную на стирание межнациональных различий и осуществлявшуюся в национальных республиках и областях местными руководителями зачастую грубо с применением насильственных средств. Наступление на многовековые национальные традиции, насаждение в обход новых правил социалистического и интернационального поведения вызывали ответную жесткую реакцию со стороны местного населения.

Террористический ответ вызывала и антирелигиозная политика насаждения государственного атеизма.

Кроме внутренних причин были и внешние. Политический терроризм прочно вошел в практику антисоветских организации, обосновавшихся после поражения в Гражданской войне за рубежом.

Организаторами террора в Советской России, а затем в СССР выступали такие эмигрантские организации, как «Союз верных», «Российский общеинский союз», «Братство русской правды», «Российский фашистский союз», «Народный союз защиты родины и свободы». В начале 20-х гг на территории Польши действовал «Народный союз защиты родины и свободы» под руководством Б. В. Савинкова. Эта организация неоднократно посылала в западные пограничные губернии вооруженные отряды, которые убивали советских работников [153, с. 672]. Одновременно в Эстонии эта организация создает отряд в 80 человек для заброски на территорию Советской России под руководством полковника белой армии Васильева. Одними из задач отряда были повешения и расстрелы партийных и советских работников [404, с. 125].

Террористические акты в большинстве случаев готовились и осуществлялись при поддержке иностранных спецслужб. Для враждебных СССР государств политический антисоветский терроризм был средством ослабить соперника, замедлить его развитие.

Террор был направлен не только против Советской России. Он использовался и для борьбы против идейных противников в среде самой эмиграции. Так, монархисты пытались устранить ряд политических деятелей белой эмиграции, которых они считали помехой на пути восстановления монархии в России. Летом 1921 г. они готовили покушение на Ф. А. Керенского и П. Н. Милюкова, а весной 1922 г. во время покушения на Милюкова убили одного из лидеров правых кадетов – В. Д. Набокова (деда известного писателя В. В. Набокова) [338, с. 99].

Таким образом, террористическая угроза в 20 – 30-е годы была вполне реальной, несмотря на большое число сфабрикованных дел о террористических актах и террористических организациях.

Третий этап развития политического терроризма связан с националистическими антисоветскими движениями в Западной Украине и в Прибалтике в конце 30-х – конце 50-х гг.

Основанием для такого выделения являются региональный характер антисоветской террористической деятельности и националистические цели и задачи, ради которых применялись террористические методы борьбы. Политический терроризм широко применяли «Организация украинских националистов – Украинская повстанческая армия» (ОУН – УПА), Польская Армия Крайова (АК), «Объединение защитников Отечества (партизан) Латвии» (ОЗОПЛ), «Латвийское национальное партизанское объединение (ЛНПО) северо-восточной Латвии, «Литовская освободительная армия» (ЛЛО), «Союз литовских партизан» (ЛПС), «Комитет освобождения Литвы (ЛИК), «Союз вооруженной борьбы (РВЛ) в Эстонии и другие организации.

Причины возникновения терроризма в Западной Украине и Прибалтике сложны и многогранны. Большинство современных западных, украинских, прибалтийских исследователей и многие российские либеральные историки считают, что таковыми являлись только стремление к независимости и протест против советских репрессий.

Не отрицая влияния этих причин полностью, вряд ли можно ограничиться только ими. Ведь идеология националистических организаций изначально предполагала необходимость физическую ликвидацию политических противников в независимости от их политической ориентации. Так, одним из основных направлений деятельности предшественницы ОУН Украинской войсковой организации УВО являлся индивидуальный террор против представителей польской администрации. Последовательными сторонниками террора была так называемая группа «молодых» в руководстве ОУН во главе со С. А. Бандерой и Р. И. Шухевичем. Бендера любил повторять: «Наша власть должна быть страшной». По его личному указанию были уничтожены сельский кузнец Михаил Белецкий, профессор Иван Бабий, студент Яков Бачинский и многие другие. Его ближайший сподвижник Н. К. Лебедь организовал убийство министра внутренних дел Польши Б. В. Перацкого в 1934 г. [465, с. 211–214]. Более того необходимым признавался геноцид враждебных, по их мнению, украинцам национальных групп – поляков, евреев, русских. Эти идеи начали осуществляться на практике в ходе Второй мировой войны на оккупированных немцами территориях.

ОУН с момента создания копировал идеи и террористическую практику итальянских фашистов и германских нацистов. Такая же идеология и политика была характерна для националистов Прибалтийских стран. С установлением советской власти к этим идеологическим установкам добавилось стремление вернуть старый порядок и утраченные привилегии национальной политической элиты. Национализация, коллективизация, засилье руководящих кадров с Востока, снижение жизненного уровня населения и ряд других факторов породили массовое недовольство, которое подпитывало политический терроризм.

После освобождения Западной Украины и Прибалтики от немецкой оккупации и в первые послевоенные годы террористические организации националистов пополнялись за счет коллаборационистов, стремившихся избежать

уголовного наказания и части местного населения, уклонявшегося от мобилизации (призыва) в Красную Армию.

Нельзя не учитывать среди причин терроризма и внешний фактор. Американская, британская, шведская разведки активно и всесторонне поддерживали националистическое подполье на советской территории [263, с. 238–246]. Правительства этих стран считали террористические методы борьбы антисоветской политической оппозиции приемлемыми и допустимыми. Есть все основания полагать, что полностью зависимые от западных стран националистические руководители расширяли масштабы политического терроризма по прямому указанию своих покровителей.

Тактика антисоветского националистического подполья коренным образом отличалась от тактики руководимых англо-американскими спецслужбами организаций антигитлеровского Сопротивления в оккупированных Германией странах Европы. Там у них были задачи вести разведку, собирать силы для восстания в момент высадки союзных войск в Европе. В отличие от организаций, руководимых коммунистами, они как правило, не проводили диверсий и терактов, которые провоцировали бы ответные репрессии немцев против подпольщиков и партизан.

В западных районах СССР от националистов курирующие их иностранные спецслужбы требовали активной террористической деятельности, не считаясь с возможными огромными потерями. Западные лидеры сознательно жертвовали своими националистическими марионетками, чтобы максимально замедлить развитие СССР. Участники националистического подполья были всего лишь «расходным материалом» в большой политической игре.

Причины политического терроризма объясняли и сами его организаторы. Так, последний руководитель ОУН и УПА в Западной Украине В. С. Кук после его ареста на допросе в 1954 г. показал, что «террор до 1950 г. считался в организации украинских националистов необходимым условием борьбы против советской власти и рассматривался как продолжение и одна из форм

вооруженной борьбы антисоветского националистического подполья. <... > В силу этих общих установок и господствовавших тогда в националистическом подполье взглядов, совершение терактов и убийств являлось тогда обычным делом.». Согласно показаниям Кука, этому способствовала и пропагандистская работа среди населения. Призывы к антисоветской террористической деятельности содержались практически во всей нелегальной литературе и листовках, которые издавались подпольными типографиями националистов [208, с. 444].

Антисоветские террористические акты совершались на территории Западной Украины и Прибалтики еще до их вхождения в состав СССР и особенно широко накануне нападения Германии. Например, в 1933 г. боевиком ОУН Николаем Лемиком было совершено убийство администратора консульства СССР во Львове Андрея Майлова [465, с. 209]. С включением этих территорий в состав СССР масштабы терроризма резко возросли. Первые теракты были совершены уже в декабре 1939 г. [364, с. 131]. В апреле 1941 г. совершено 38 террористических актов против советского актива, при этом убито 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правлений колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного совпартаппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников активистов, ранено 5 работников районного совпартаппарата, 2 комсомольских работника, 1 председатель кооператива и 11 колхозников-активистов [365, с. 194].

Националистический терроризм на территории Западной Украины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. переродился в геноцид (уничтожение польской интеллигенции во Львове, Волынская резня польского населения, участие националистов в уничтожении евреев). Только на Волыни по разным данным уничтожено от 36 до 80 тысяч человек мирного польского населения, включая женщин и детей [248, с. 7; 411, с. 348; 414, с. 303].

Террористическая деятельность украинских и прибалтийских националистов активно продолжалась и с освобождением западных регионов страны

от немецкой оккупации. Разросшиеся масштабы политического терроризма превратили его в партизанскую войну. Его жертвами становились члены партии, представители органов государственного управления, милиционеры, военнослужащие и местные жители. С приходом частей Красной Армии на территорию Западной Украины руководство службы безопасности УПА издало секретный приказ о чистке населения сел. В приказе предписывалось уничтожить местных жителей, поддерживавших Советскую власть или лиц, которые могли выдать преступную деятельность действия УПА. В конце 1943 – начале 1944 гг. эти указания были выполнены. Всего в Западной Украине в период с 1944 по 1953 гг. националистами было совершено 4904 террористических акта [156, с. 339].

Подобным образом действовали и прибалтийские националисты. Так, в Литве в Алитуском и Тракайском уездах за одну ночь с 4 на 5 августа 1945 г. было убито 48 человек из них 7 детей от 7 до 14 лет. Все погибшие были крестьянами-бедняками, получившими землю от раскулаченных односельчан. Никто из них в партийных, советских или других органах и учреждениях власти не работал. В результате в западных регионах страны террористам удалось сформировать атмосферу страха, неуверенности людей в личной безопасности, создать обстановку политической нестабильности и фактического двоевластия.

С 1948–1950 гг. в связи с разгромом крупных бандформирований националисты перешли к тактике действий небольшими группами от 5 до 50 человек. Террористические акты стали осуществляться приоритетно против гражданских лиц – представителей местных органов власти, а также местного населения в виде наказания за сотрудничество с властями. Так, на западе Украины в течение 1948–1955 гг. погибли от рук националистов 436 работников райкомов партии и партийных активистов, 329 председателей сельских Советов, 231 председатель колхоза, [228, с. 47–51].

Решение о проведении террористического акта принимал руководитель низового звена организации ОУН, как правило, районный «проводник» ОУН

без согласования с вышестоящими органами. Его указания рядовыми членами организации выполнялись беспрекословно. При этом зачастую к жертвам политического терроризма применялись избиения, издевательства и методы убийств по примеру немецких спецслужб [208, с. 444].

Террористические методы использовались и для поддержания дисциплины среди боевиков. Для устрашения других членов организации подвергались пыткам и физически уничтожались члены УПА, являвшиеся с повинной к советским властям [208, с. 450–458]. Аналогичные действия характерны и для националистических организаций Прибалтики.

После 1950 г. террористические акты отнюдь не прекратились. В 1955–1957 гг. произошла кратковременная активизация националистического терроризма в Литве [487, с. 257]. Те же процессы происходили в Западной Украине [323, с. 621]. Усиление террористической угрозы было связано с тяжелым материальным положением населения, амнистией участникам националистического подполья, десталинизацией и примером антикоммунистического восстания в Венгрии [487, с. 247–254, 257–265]. Полностью ликвидировать активную антисоветскую террористическую деятельность националистического подполья в Западной Украине и в Прибалтике удалось лишь в 1958 г., после чего в течение целого десятилетия терроризм в СССР как метод политической борьбы не находил своего проявления.

Новый этап политического терроризма начался в период развития советского государства с конца 60-х – до начала 90 гг. После десятилетнего затишья в конце 60-х гг. – первой половине 70-х гг. в СССР вновь стали совершаться террористические акты.

Особенность политического терроризма в этот период определялась фактическим отсутствием открытой политической оппозиции в стране. По этой причине он не получил конкретной идеологической и теоретической разработки, четких организационных структур в виде партийных боевых групп и, как следствие, имел относительно незначительные проявления.

Разведки иностранных государств, эмигрантские антисоветские центры и организации в связи с высокой эффективностью работы советских органов госбезопасности в этот период отказались от масштабной террористической и диверсионной деятельности на территории Советского Союза.

Террористические акты носили единичный характер и совершались отдельными советскими гражданами из националистических или корыстных побуждений с целью мести конкретным должностным лицам, либо вследствие психических расстройств. Практически все они не имели четко выраженные политические мотивы с выдвижением конкретных политических требований и представляли форму протеста против окружающей действительности с очевидным стремлением запечатлеть свое имя в истории.

Так, желанием отомстить за сломанную жизнь руководствовался террорист-одиночка трехкратно судимый за уголовные преступления рецидивист Н. Г. Романов, стрелявший в 1954 г. в г. Архангельске из пистолета ТТ в стоявшее на трибуне городское партийное и советское руководство во время многочленной первомайской демонстрации. В результате теракта 2 человека были убиты и 1 ранен. Террориста задержали на месте преступления. В декабре 1954 г. он был приговорен трибуналом Беломорского военного округа к расстрелу. Приговор привели в исполнение через 3 месяца после его вынесения¹.

Личные мотивы в связи с несостоявшейся любовью и возникшем при этом психическим расстройством, повлекшим желание «красиво умереть», стали причиной расстрела из автоматов 26 сентября 1968 г. двумя военнослужащими срочной службы внутренних войск В. Н. Коршуновым и Ю. С. Суровцевым жильцов одной из квартир, а потом и ничего неподозревающих людей на привокзальной площади г. Курска. Теракт привел к

¹ Тараканов К. Террорист Николай Романов стрелял на первомайской демонстрации [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. – 2009. – 30 апреля. URL: <https://pskov.aif.ru/society/education/141215> (дата обращения: 30.06.2023).

гибели 14 человек (включая одного из террористов), еще 11 человек получили пулевые ранения. В. Коршунова застрелил его поделщик Ю. Суровцев, поддавшись уговорам выехавшего на место преступления командира дивизии, в которой служили террористы. Самого Суровцева в ноябре 1968 г. выездная сессия Московского военного трибунала приговорила к высшей мере наказания – смертной казни¹.

Тесное переплетение политических и личных мотивов младшего лейтенанта Советской Армии В. И. Ильина побудили его к совершению 22 января 1969 г. неудачного террористического акта против Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во время торжественной встречи космонавтов. Руководителя советского государства спасла ошибка террориста, при этом погиб водитель правительственного лимузина и легко ранены два космонавта А. А. Николаев и Г. Т. Береговой.

1 сентября 1973 г. неустановленным лицом был произведен подрыв самодельного взрывного устройства в Мавзолее В. И. Ленина. В результате погибли 3 человека, включая самого террориста, а 4 детей получили тяжелые ранения. В 1976 г. ранее трижды судимый В. Г. Жвания из националистических побуждений подготовил и осуществил три взрыва самодельных взрывных устройств (СВУ) в Тбилиси перед Домом правительства, в Сухуми перед зданием обкома партии и в городском сквере города Кутаиси. СВУ были размещены в мусорных урнах. В результате преступлений один человек погиб и несколько получили ранения. 8 января 1977 г. группа армянских националистов из 3-х человек, возглавляемая С. С. Закитяном, совершила подрыв самодельных взрывных устройств в метро (на станциях «Измайловская» и «Первомайская») и на улице 25 лет Октября в центре Москвы. В результате 7 человек были убиты и 40 ранены. По предположениям некоторых руководителей КГБ СССР, к теракту была причастна международная армянская тер-

¹ Теракт на Привокзальной площади Курска: как это было // Друг для друга. 2006. 15 августа (дата обращения: 28.05.2010).

рористическая организация «Армянская секретная армия освобождения Армении» («АСАЛА»).

14 мая 1979 г. в Новокузнецке подростки М. Шаманаев и В. Бизунов под влиянием ложных представлений об американском образе жизни осуществили захват рейсового автобуса с 43 пассажирами с целью получения выкупа в размере 2 млн. рублей и обеспечения им беспрепятственного вылета за границу. Теракт был пресечен сотрудниками КГБ, но один из заложников и один из террористов погибли.

Распространенной формой террористических актов стали угоны самолетов гражданских авиалиний. Правоохранительным органам пришлось столкнуться с попытками угона воздушных судов за границу в Ленинграде и Иркутске (1973), Новороссийске (1980), Тбилиси (1983), Якутске (1985), Уфе (1986). В период с 1958 по 1984 гг. было совершено 47 попыток угонов самолетов за границу. Пять таких попыток удались. В одном случае 18 мая 1973 г. террорист Т. Рзаев взорвал самолет ТУ-104, погибли 81 человек, включая 18 детей [251, с. 469–493].

Террористические акты совершались не только на территории Советского Союза, объектами террористов становились и советские представительства за рубежом. В начале 70-х годов террористический акт был совершен в здании советского торгового представительства в Нидерландах. Многочисленные теракты совершались против советских граждан в Афганистане [61, с. 250].

В подавляющем большинстве террористы не выдвигали конкретных политических требований. Террористические акты являлись выражением четко не осознанного личного протеста против отсутствия демократических свобод (слова, печати, эмиграции и т. д.), зачастую под влиянием формируемых в сознании иллюзий о западном образе жизни. Запреты на выезд из страны приводили к захвату воздушных судов целью эмиграции.

Обращает на себя внимание, что в отличие от ранее четко выраженной классовой или социальной направленности теракты 70-х гг. стали иметь без-

адресный, деперсонифицированный характер. В качестве объектов террористических действий стали выступать случайные люди, в силу различных обстоятельств оказавшиеся в зоне совершения террористического акта.

Западноевропейские державы и США, на словах осуждая терроризм, на деле оказывали моральную поддержку террористам. Особенно ярко такой двойной стандарт проявился в деле отца и сына Пранаса и Альгирдаса Бразинкасов, угнавших 15 октября 1970 г. пассажирский самолет в Турцию. В ходе теракта была застрелена бортпроводница Надежда Курченко и ранены три члена экипажа. Турецкое правительство отказалось выдать преступников советским правоохрнительным органам. Бразинкасы пытались оправдать своё преступление «борьбой за освобождение Литвы от советской оккупации», вследствие чего они получили право проживания (без предоставления статуса политических беженцев) в США и фактически были взяты под покровительство американскими властями.

Со второй половины 80-х гг. начавшееся в ходе «перестройки» ослабление органов госбезопасности и правоохрнительных структур привели к возрождению политического терроризма. Это было обусловлено нарастанием социально-экономического и политического кризиса советского общества, ростом национализма, реабилитацией и героизацией антисоветского политического терроризма 20-х – 30-х гг. и террористической деятельности украинских и прибалтийских националистов в первые послевоенные годы.

Следствием демократизации общества стало обострение до предела межэтнических, межконфессиональных противоречий. Многопартийность позволила свободно действовать политическим партиям и организациям экстремистского толка, выступавших, в том числе и за применение террористических методов. Отмена цензуры позволила свободно пропагандировать идеи межнациональной ненависти. Все это привело к появлению ранее не виданного в СССР явления – массовому терроризму на национальной почве («этническим чисткам»). В 1990–1991 гг. эти явления проявились в Нагорном Карабахе, Баку, Сумгаите, Чечне. Массовые убийства, избиения, изнасилования и грабежи

граждан по национальному признаку были призваны запугать представителей национальных меньшинств и заставить их, бросив свое имущество, бежать из регионов. Представители же титульной нации присваивали их имущество и занимали освободившуюся престижную социальную нишу. Несмотря на героические усилия органов безопасности, в том числе контртеррористических подразделений, Внутренних войск, частей Советской Армии и Военно-морского флота подавить эти вступления полностью не удалось. Отсутствие политической воли у Союзного руководства и уступки националистам со стороны властей национальных республик и местных правоохранительных органов привели к тому, что пришлось эвакуировать представителей национальных меньшинств из охваченных массовыми беспорядками регионов¹. Эти негативные явления приобрели в дальнейшем с распадом СССР еще больший размах.

*Особенности террористической деятельности
в Российской Федерации (1992–2018 гг.)*

Очередной период развития политического терроризма в России начался после распада СССР в начале 1990-х гг., что было обусловлено главным образом сложившейся внутривнутриполитической обстановкой в стране. Радикальная перестройка существовавшей политической системы обострила межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия, усилившие рост сепаратистских и экстремистских настроений, в особенности на национальных окраинах. Широкая демократизация общества создала условия для формирования устойчивой оппозиции, в том числе из числа политических партий и организаций экстремистского толка, выступавших за разрешение возникших проблем силовыми методами политической борьбы. Ослабление государственных силовых структур, фактическая ликвидация сложившейся в течение десятилетий системы обеспечения госбезопасности привели к разрастанию организованной преступности и коррупции, незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и значительно снизили эф-

¹ Зайцев Г. Н. Спецназ «Альфа»: дела и люди. – СПб.: Славия, 2016. – С. 424–431.

фективность мер государства по противодействию терроризму. Идеологическая переориентация общества способствовала распространению идей радикализма и сепаратизма. Снятие цензурных ограничений и неразвитость законодательной базы позволяли вести неограниченную пропаганду насилия и жестокости в средствах массовой информации.

Активизации террористической деятельности на территории Российской Федерации способствовало и стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Россию и ее позицию в мире, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных субъектах нашей страны.

Вместе с открытостью миру новое государственное образование – Российская Федерация получила проблему противодействия международному терроризму, который к началу 90-х гг. вышел на транснациональный уровень и приобрел самостоятельное значение в устройстве нового миропорядка [564, с. 77]. В сентябре 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент России В. В. Путин призвал сформировать универсальный фронт противодействия терроризму – этому глобальному злу. Налаживанию подлинно коллективных скоординированных действий продолжают мешать геополитические амбиции, «скрытые повестки», двойные стандарты, а зачастую и стремление использовать радикалов для решения собственных корыстных задач на международной арене.

Например, власти США оказывали финансовую и политическую поддержку террористам в Чечне, когда Россия вела военную кампанию в регионе. В 2017 г. Президент России В. В. Путин заявил Стоуну в фильме-интервью, вышедшем на канале Showtime, что американские власти даже не скрывали оказание политической помощи боевикам. Как отметил глава Российского государства, «наши американские партнеры на словах говорят о поддержке России, говорят о готовности к сотрудничеству, в том числе в борьбе с терроризмом, а на самом деле используют этих террористов для раскачки внутривнутриполитической ситуации в России» [434].

В целом ряде зарубежных стран ежегодно фиксируются до полусотни публичных акций, направленных на радикализацию исламской молодежи и ее рекрутирование в террористические группировки, действующие в России. Во многих подобных акциях принимают участие лица, объявленные правоохранительными органами Российской Федерации в международный розыск. Эти акции широко и в основном с односторонних позиций освещаются местными информагентствами. Отмечаются попытки придать сторонникам подобных организаций и групп ореол борцов за справедливость, якобы необоснованно преследуемых в России [215, с. 12–13].

Современный политический терроризм в России формировался под влиянием начавшегося во второй половине XX в. стремительного роста националистического экстремизма, значительно увеличившего число этнических конфликтов. Конфликтные зоны, характеризующиеся крайне высокой степенью террористических угроз, сложились на Ближнем Востоке (Израиль, Западный берег реки Иордан, сектор Газа, Палестина, Ливан, Сирия, Ирак), в Южной (Шри-Ланка, Индия) и в Юго-Восточной (Индонезия) Азии, в Африке (Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго), на Балканах (Сербия, Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина), Кавказе (Армения, Азербайджан, Грузия, Абхазия, Южная Осетия).

Эта мировая тенденция в начале 1990-х гг. захватила и Россию, где начался парад суверенитетов. Оказавшаяся у кормила власти в российских национальных автономиях местная национальная интеллигенция подняла знамя «освободительной» от российской оккупации идеи, разработала собственные сепаратистские доктрины, ориентированные на получение государственного суверенитета с утверждением этнократических режимов. При этом, как правило, уровень политических и социальных притязаний этих местных элит значительно превышал уровень их компетенции. Провозглашенные ими идеи были использованы для мобилизации этнической общности, но сыграли при этом деструктивную роль (Чечня, Ингушетия, Башкортостан, Татарстан, Кабардино-Балкария, Дагестан и др.).

Как это было в первые послевоенные годы центр политического терроризма в конце XX столетия сместился на национальные окраины. Наиболее уязвимым оказался кавказский регион, что было обусловлено целым рядом геополитических, социально-политических, духовных, экономических и криминогенных факторов. В обобщенном виде их можно представить следующим образом. *Во-первых*, Кавказ всегда являлся местом пересечения геополитических интересов региональных и мировых держав, которую вели борьбу за доминирование в кавказском регионе. Распад СССР привел к обострению этой борьбы и подпитке западными державами разрастающегося сепаратистского движения. *Во-вторых*, для Кавказа характерна многонациональная пестрота, которая порождает его чрезмерную полицентричность, ведет к формированию многочисленных легитимных центров принятия политических решений и действий и, как следствие, к политическому соперничеству или противоборству. *В-третьих*, в постсоветский период общественная и политическая жизнь народов Кавказа оказалась под сильным влиянием религиозного фактора. В 90-х гг. прошедшего столетия здесь значительно усилилась активность конфессий (прежде всего ислама) с проявлением его агрессивных форм фундаментализма. *В-четвертых*, обострению социальных противоречий и использованию для их разрешения террористических методов политической борьбы способствовало сложное состояние экономики и социальной сферы в регионе. *В-пятых*, криминогенная обстановка в кавказском регионе характеризовалась высокой степенью преступности, обусловленной психологией жизни населения в зонах вооруженных конфликтов или вблизи них, разрушением общегражданских норм коллективного существования, возрождением некоторых архаичных традиций типа кровной мести и др. Наконец, *в-шестых*, свое влияние оказывала негативная историческая память, например, связанная с депортацией чеченского народа в 1944 г., использовавшаяся националистическими силами для возбуждения «вируса» сепаратизма [407, с. 225–226].

Исторически Кавказ всегда был нестабилен: трудный, временами кровавый, процесс интеграции в состав Российской империи, этнические столкновения в эпоху СССР. Закономерно, что и в начале 1990-х годов он оказался

наиболее «слабым звеном» в составе Российской Федерации. Наиболее показательна в этом отношении история так называемого чеченского» терроризма¹.

В отличие от националистического политического терроризма Западной Украины и Прибалтики во второй половине 40-х – конце 50-х гг. XX столетия *современный националистический политический терроризм имел свои особенности*, которые можно свести к следующему.

Во-первых, террористическая деятельность развивалась на основе формирования самопровозглашенного государства и нелегитимных органов власти. Своеобразие политического терроризма в России конца 90-х гг. состояло в том, что в организационном плане он вышел на создание террористических государственных структур, предвосхитив последующее образование теократического террористического «Исламского государства» (ИГ)² (деятельность запрещена на территории РФ).

Объявив 1 ноября 1991 г. о независимости самопровозглашенной Чеченской Республики (с января 1994 г. – Чеченская Республика Ичкерия), её лидер – бывший генерал-майор советских ВВС Джохар Дудаев с первых дней своего существования взял курс на выход из состава Российской Федерации. Политика политической независимости и национального суверенитета осуществлялась террористическими методами. Руководство Республики призывало порвать все отношения с Россией, а проживающих в Москве чеченцев – превратить российскую столицу в зону бедствия [446, с. 12]. Сам Дудаев неоднократно заявлял «о переносе войны в российские города» [446, с. 85, 87], тем самым превратив Чечню в центр политического терроризма на территории Российской Федерации.

¹ Впервые термин «чеченский» терроризм прозвучал еще на Координационном совещании руководителей правоохранительных органов России 7 августа 1996 г. Употребляя термин «чеченский терроризм», мы имеем ввиду ни столько этнонациональную, сколько политико-организационную и тактическую характеристики. – *Прим. авт.*

² С течением времени «Исламское государство» меняло свои названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии» (ИГИС), «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Исламское Государство Ирака и Шама» (ИГИШ). – *Прим. авт.*

Во-вторых, политика политического терроризма в отношении субъектов Российской Федерации сочеталась с политикой политического террора по отношению к представителям других, не кавказских национальностей, а также чеченцев, выступавших против выхода из состава России. С приходом к власти дудаевцев в республике начались этнические чистки. Основной удар был направлен против «лиц некавказской национальности», по факту – на русскоязычное население. Путем шантажа, угроз и насилия, как правило с применением оружия, в Грозном и прилегающих к нему районах стал осуществляться массовый захват их квартир, домов, имущества. По воспоминаниям свидетелей и невольных участников событий того времени, «проблемы начались ещё в 1990 г., тогда в почтовых ящиках появились первые «письма счастья» – анонимные угрозы с требованием убираться по-хорошему. В 1991 г. стали среди бела дня стали исчезать русские девушки. Потом на улицах стали избивать русских парней, затем убивать. В 1992 г. начали выгонять из квартир тех, кто побогаче. Потом добрались до середняков. В 1993 г. жить было уже невыносимо»¹. Гонениям подвергались и кавказцы, работавшие в советских государственных органах, партийных и общественных организация и силовых структурах Чечено-Ингушской АССР. Их обвиняли в «сотрудничестве с оккупантами». Грабежи, разбои, похищения и убийства людей стали повседневным явлением. С 1997 г., после введения властями Чечни права шариата, начали осуществляться публичные казни.

С захватом финансовой системы республики дудаевская элита получила источник финансирования для осуществления своих преступных замыслов. Одновременно происходило сращивание криминальных группировки органов власти и образование на этой основе мафиозных структур, которые устанавливали свои криминальные порядки и творили беззаконие. За три года обособления от России политический режим

¹ Забытый геноцид // Известия. – 2005. – 26 января.

Д. Дудаева создал в Чечне аномальную, ни на что не похожую особую «свободную криминальную зону».

В-третьих, чеченский терроризм значительно отличался по организационной структуре, численности и вооружению террористических организаций. Заявив о независимости Чиченской Республики, Дудаев и его окружение стали создавать собственные вооруженные силы, являвшиеся, по сути, незаконными террористическими вооруженными формированиями, в виде народного ополчения, которое комплектовалось за счет призыва и мобилизации чеченского мужского населения, а также завербованных иностранных наемников и выпущенных на свободу преступников. На базе ополчения формировались боевые отряды и группы, которые предполагалось вооружить не только стрелковым оружием, но и боевой техникой частей и подразделений Советской Армии, дислоцировавшихся на территории Чечни [43].

В феврале 1992 г. чеченцы устроили тотальные нападения на военные городки с целью их грабежа и захвата оружия. Одним из самых первых был «национализирован» 173-й окружной учебный центр. Были захвачены и разгромлены полк внутренних войск, авиационный учебный полк, полк РТВ ПВО страны [43]. Таким образом, дудаевский режим получил необходимые средства не только для совершения террористических актов, но и ведения широкомасштабных боевых действий.

В-четвертых, имея необходимые финансовые средства и учебно-материальную базу, дудаевское руководство создало развитую систему всесторонней подготовки боевиков в специализированных учебных центрах, где прошли обучение сотни террористов.

Первоначально главной базой для подготовки моджахедов стал упомянутый бывший 173-й окружной учебный центр Советской Армии. В 1996 г. при помощи чеченской общины в Иордании в районе селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечни был создан учебный диверсионно-террористический лагерь – «Кавказский институт исламского призыва» («Кавказский институт – Да'ва»), который фактически являлся филиалом

международной экстремистской организации «Братья-мусульмане». Первоначально его возглавлял иорданский шейх Абу Сальман, имевший псевдоним «Фатх», затем один из главарей чеченских террористов – А. Хаттаб. Деятельность «института» финансировала находящаяся в Саудовской Аравии организация «Международная исламская помощь» [177, с. 335].

В «Да'ва» готовились диверсанты и террористы в возрасте от 17 лет и старше. Значительное внимание уделялось их идеологической обработке в духе жертвенной преданности исламской вере. В течение двух месяцев курсанты изучали идейные положения радикального исламского фундаментализма. Хаттаб призывал к ненависти к русским. Инструктируя их, он рекомендовал: «Всех патриотически настроенных русских обвинять в фашизме. Тех же, кто из них захочет встать под святое знамя пророка, необходимо вязать кровью» [177, с. 336]. Одновременно будущие моджахеды проходили специальную военную подготовку. Хаттаб лично обучал их методам ведения партизанской войны в Чечне и проведению террористических акций в других регионах России. Из числа его «учеников» было сформировано ядро Дагестанской исламской армии, готовившейся к свержению конституционного строя в Дагестане. Некоторая часть выпускников направлялась на стажировку в зарубежные мусульманские страны. «Институт» имел свои представительства в Баку и Киеве, вербовавшие наемников, которые затем направлялись в Сержень-Юрт для прохождения спецподготовки.

Наряду с хаттабовским «Да'ва» известность в республике приобрел ваххабитский «Урус-Мартановский джамаат» во главе с «амиром» Умаром бен-Исмаилом. Спецификой этих анклавов являлось то, что они содержались на «спонсорские» деньги, поступающие из-за рубежа, и изначально являлись средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Именно из этих анклавов должны были поступать мощные импульсы, направленные на полную ваххабизацию не только Чечни, но и всего Северного Кавказа.

Изощренно применяя знания психологии, идеологи терроризма сумели создать политическому терроризму привлекательный образ, что позволил им

втягивать в свои ряды женщин и детей. Основными вербовщиками новых сторонников стали боевики, прошедшие «обкатку» в вооруженных конфликтах в Афганистане, Сирии и Ираке и возвращающиеся в страны исхода. Они становятся активными проповедниками идей «джихада» и ведут подпольную работу по подготовке и осуществлению терактов. В 2015 г. в России были установлены более 2900 человек, подозреваемых в причастности к террористической деятельности в указанных странах [83, с. 11].

Подготовка боевиков для террористических организаций, действующих на Северном Кавказе, осуществлялась и за рубежом. Международные центры их подготовки существовали и продолжают существовать в Пакистане и Афганистане. Несмотря на то, что официальные власти Пакистана заявляли о полной ликвидации боевиков на территории северного и южного Вазиристана, до сих пор в отдельных горных массивах приграничного с Афганистаном пакистанского Чатрала действуют лагеря радикально-экстремистских группировок. Именно с территории Чатрала осуществляется инфильтрация боевиков в северные и северо-западные провинции Афганистана, а оттуда и в сопредельные страны.

Сети лагерей террористической подготовки создавались на территориях, подконтрольных ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации), в Сирии и Ираке. В «Принципах администрации Исламского государства» – документе, определяющем основы его государственного устройства, целая глава была посвящена организации подготовки боевиков. Учебные центры делились на три типа: тренировочные лагеря текущей подготовки, тренировочные лагеря первоначальной подготовки и лагеря подготовки детей.

Игиловцам за довольно короткий промежуток времени удалось создать достаточно эффективную систему подготовки террористов. Тысячи боевиков прошли подготовку в этих лагерях. По оценкам Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, на 2017 г. в зарубежных полевых лагерях боевую подготовку прошли около 500 граждан Казахстана, вступивших в ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) [314, с. 248].

В результате антитеррористических операций правительственной армии Сирии, поддерживаемой силами ВКС России и армии Ирака при участии коалиционных сил, террористы понесли значительные потери. Основные базы их подготовки были ликвидированы, но при этом потенциальная способность при благоприятных условиях воспроизвести систему подготовки осталась.

В-пятых, террористы применяли самые разнообразные формы и тактику проведения террористических актов. Первоначально чеченские боевики использовали традиционный для горских народов захват заложников. В последующем наиболее широко проводились теракты с применением взрывчатых веществ с участием террористов-смертников (шахидов).

У руководства российских спецслужб особую озабоченность вызвало продвижение экстремистскими структурами тактики «автономного джихада» [138]. А данном случае террористическая атака проводится в одиночку или малой группой, которая самостоятельно выбирает время и место теракта. Максимальный эффект от подобных действий достигается за счет массовости и децентрализации таких нападений, более того, действуя скрытно и в одиночку, террористы меньше рискуют привлечь к себе внимание спецслужб на стадии подготовки теракта. При этом авторами подобных действий преимущественно являются завербованные боевиками мусульмане, проживающие в стране, на территории которой планируется теракт. Ключевым моментом для перехода к данной тактике стало обращение одного из лидеров официального представителя «Исламского государства» по работе со СМИ Абу Мухаммада аль-Аднани, в котором он призвал всех сочувствующих, которые еще не присоединились к так называемому «халифату», совершать террористические акции против врагов «Исламского государства» независимо от того, в какой стране они находятся, не ожидая каких-либо инструкций и команд от «Исламского государства» (деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

Арсенал методов террористических организаций для совершения террористических актов практически неограничен. Террористические акты, про-

веденные в странах Западной Европы, в последние годы свидетельствуют об их значительном расширении. В настоящее время для осуществления своих преступных целей террористы с успехом применяют внезапные наезды тяжелых грузовиков на группы ничего не подозревающих людей, нападения на прохожих с холодным оружием, расстрелы из стрелкового оружия посетителей кафе, увеселительных заведений и т. п. Подобные формы террористических актов не нашли распространения в России лишь потому, что российским спецслужбам своевременно удалось ликвидировать основную часть террористических организаций. Однако с учетом транснационального характера современного политического терроризма и существования международной системы подготовки террористов нельзя исключать подобные теракты и на территории Российской Федерации.

В-шестых, идеология современного политического терроризма на Кавказе имела религиозную ориентацию под флагом исламского фундаментализма. На XI Совещании руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России (Москва, 3 октября 2012 г.) отмечалось, что «при всем многообразии террористических группировок и преследуемых ими целей особую опасность сегодня представляют террористические организации, идейную платформу которых составляет религиозно-политический экстремизм с использованием исламистской фразеологии» [215, с. 11].

Идеи исламского фундаментализма (салафизма) начали проникать в Чечню в конце 80-х годов. Его сторонников в Чечне, как и в остальных республиках Северного Кавказа, стали называть «ваххабитами».

В свое время заметное влияние на процесс возрождения ислама в «мусульманских» регионах Советского Союза оказали события 1979–1989 гг. в Афганистане. Именно тогда отмечался рост в них национализма, окрашенного в исламские тона, переход ислама с позиций традиционализма на платформу салафизма (фундаментализма). Тогда же под воздействием исламских ценностей Саудовской Аравии и некоторых других государств Ближнего и

Среднего Востока в «мусульманских» регионах страны стал активно насаждаться фундаментализм в форме ваххабизма. Этот процесс с середины 80-х был подстегнут руководством СССР, взявшим курс на либерализацию общественно-политической жизни, что создало условия для повсеместного «возрождения» ислама, в том числе и в Чечне.

Распространению идеологии и практики ваххабизма здесь способствовало не только ослабление позиций традиционного ислама в советский период и распад в постсоветский период единого управления со стороны духовного управления Северного Кавказа (на его базе возникло семь самостоятельных структур, в том числе Духовное управление мусульман Чечни), но и позиция чеченских властей. Дудаевское руководство не препятствовало и даже всячески способствовало укреплению позиций исламских радикалов. Уже тогда в Грозном был открыт центр ваххабитов, который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные моления, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. Дудаевцы заявляли, что они строят исламское государство, которое нуждалось в единой идеологии. По замыслам их идеологов (М. Удугова, З. Яндарбиева и др.), таковой должен выступить ваххабизм. Можно указать как минимум несколько причин этого выбора: ставка на поддержку чеченской независимости богатыми арабскими странами, где эта идеология официально признана (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ); опора на сторонников движения, прошедших хорошую военную подготовку, а также надежда на то, что распространение «строгого», «первоначального» ислама снимет религиозные разногласия не только внутри республики, но и между мусульманскими народами Северного Кавказа в целом [483, с. 22–23].

Сыграли свою роль и внешние факторы: финансовая помощь международных исламских организаций фундаменталистского толка, идеологическая обработка эмиссарами этих организаций паломников из Чечни во время хаджа и чеченских студентов, обучающихся в зарубежных исламских универси-

тетах, распространение массовыми тиражами салафитской литературы и деятельность мусульманских проповедников в регионе.

Ваххабизм стал привлекательным в глазах определенной части населения и, прежде всего, религиозной молодежи, которая не просто искала в религии ответы на важнейшие проблемы бытия, но и желала немедленно приступить к «исправлению» общества [385, с. 40–47]. Надо сказать, этому в существенной степени способствует ваххабитская доктрина, которая отличается рационализмом и доступностью, обладает четкой, почти неопровержимой внутренней логикой, хотя многим мусульманским богословам и специалистам-исламооведам она не во всем представляется бесспорной. Декларируя строгое следование буквальным положениям Корана и Сунны, ваххабиты порой весьма умозрительно реконструируют, словно «заново изобретают», модель «чистого ислама» (особенно ее социально-политические аспекты) на базе избирательного подхода к священным текстам. Тем не менее этот своеобразный рационализм ваххабитов позволяет «модернизировать» ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека [483, с. 23]

Лидеры чеченских националистов после окончания военных действий в 1994–1996 гг. окончательно сделали ставку на ваххабизм. Такого рода «ваххабизация» Чечни была осуществлена не без воздействия со стороны прибывших в Чечню в первую военную кампанию многочисленных зарубежных «моджахедов». Характерной вехой этого процесса явилось формирование весной 1995 г. на территории Чечни отряда иностранных наемников под названием «Джамаат Ислами», которым командовал иорданец чеченского происхождения Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб.

В результате усиленной исламизации населения уже к 1996 г. на территории Чечни и Дагестана были созданы своего рода территориальные плацдармы со сформированной инфраструктурой, обеспечивающей его культурную, идеологическую и в перспективе политическую экспансию – так называемые «ваххабитские анклавы».

Провахабитски настроенные чеченские полевые командиры поддерживали курс не только на исламизацию самой Чечни, но и на экспорт «чеченской революции» в Дагестан. Одновременно ими решалась и иная задача, позволяющая направить вовне негативную энергию межчеченского противостояния различных группировок, увязнувших в борьбе за власть и передел сфер влияния. В этих целях шел процесс консолидации чеченских и дагестанских «ваххабитов», прежде всего, путем создания совместных «ваххабитских» религиозно-политических институтов: в конце августа 1997 г. в Грозном состоялся учредительный съезд общественно-политического движения «Исламская нация» во главе с М. Удуговым. Среди целей этого движения было провозглашено содействие «реальному объединению народов Кавказа» и «восстановление Дагестана в его исторических границах» (т.е. его объединение с Чечней). Аналогичную задачу – добиваться объединения двух народов в едином исламском государстве с перспективой включения в это государство остальных республик Северного Кавказа – поставил перед собой и «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» (КНИД) под председательством Ш. Басаева, созданный по инициативе «Исламской нации» в апреле 1998 г. По существу КНИД превратился в военно-политическую организацию, силовое обеспечение деятельности которой осуществлялось т. н. «исламским миротворческим батальоном» под командованием Хаттаба.

На усиление позиций чеченских «ваххабитов» повлиял также переезд в январе 1998 г. на территорию Чечни штаба и военной инфраструктуры ваххабитского дагестанского «Джамаата» во главе с его лидером – М. Багаудином (М. Кебедовым), В свою очередь, пребывание представителей дагестанского «Джамаата» в Чечне оказало мощное радикализующее воздействие на сторонников «чистого» ислама в Дагестане.

В январе 1999 г. Хаттабом из числа зарубежных добровольцев начал формироваться «иностраннный легион». В интервью корреспонденту «Вестник КНИД» он заявил: «Создание иностранного легиона продиктовано сегодняшней обостряющейся обстановкой на Кавказе, в первую очередь в Чечне.

Именно в интересах безопасности исламского государства, а также за торжество исламских идей во всем мире, будут действовать бойцы иностранного легиона, и, уверяю вас, за эти идеи наши моджахеды готовы отдать свои молодые жизни» [177, с. 341].

Стремясь усилить свое влияние на чеченское общество и закрепить ваххабизм как всеобщую идеологию, новая элита всячески раздувала идею чеченского национального величия и исламского мессианизма. Подобная идеология, тем более в условиях полного экономического краха, всегда требует лишь одного политического действия – войны. На этот раз война была нужна уже не для защиты самопровозглашенной республики, а для создания «Исламского государства северного Кавказа» от Черного до Каспийского морей и включая Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Абхазию [242].

Заявляемое первоначально как светское административно-территориальное образование «Чеченская Республика Ичкерия» достаточно быстро под воздействием ваххабитских идей и под внешним влиянием, а также теории вооруженного джихада приобрело радикальный исламистский характер. Джихад, «зародившийся» на территории Чеченской Республики, стал интенсивно распространяться как по всему Северному Кавказу, так и по другим регионам России. Эти процессы привели к тому, что Доку Умаров, являвшийся преемником полевых командиров «Чеченской Республики Ичкерия» Хаттаба и Басаева, провозгласил в октябре 2007 г. о создании «исламского государства», так называемого «Кавказского эмирата» («Имарат Кавказ»).

В-седьмых, современный политический терроризм на Северном Кавказе имел международный характер. Представляется обоснованной точка зрения некоторых отечественных исследователей, согласно которой «чеченский» терроризм новейшего времени невозможно однозначно идентифицировать как этнический или религиозный [310]. Безусловно, среди организаторов и исполнителей терактов больше всего этнических чеченцев. Однако вместе с ними в террористической борьбе за независимую Ичкерию участвовали арабы, а также граждане Российской Федерации – выходцы из Дагеста-

на, Карачаево-Черкесии, Республики Северная Осетия, Ставропольского края, в том числе и этнические русские. Несмотря на исламистскую риторику организаторов и исполнителей этих вылазок, можно отметить, что в идеологическом багаже независимой Ичкерии лозунги «защиты ислама и чистоты веры» занимали не самое главное место. Можно сказать, что там произошла «ваххабизация» радикальных национал-сепаратистов. Рассматривать, по нашему мнению, «чеченский» терроризм следует как терроризм сепаратистский с этническими и религиозными элементами.

В то же время некоторые политологи вполне справедливо видят в «чеченском» терроризме «локально-региональное ответвление исламско-фундаменталистского терроризма» [556, с. 46]. Борьба с «чеченским» терроризмом стала трансформироваться в противодействие мировому исламскому экстремистско-террористическому течению. Россия стала, таким образом, одним из основных объектов воздействия со стороны международных террористических организаций. Об этом говорит, в частности тот факт, что кровавые теракты недавнего прошлого в отношении российских граждан были совершены не уроженцами Северного Кавказа. Так, в октябре 2015 г. произошла авиакатастрофа над Синайским полуостровом. В результате заложенной в самолет бомбы потерпел крушение Airbus A321 авиакомпании «Когалымавиа», выполнявший рейс 9268 Шарм-эш-Шейх (Египет) – Санкт-Петербург. Все 217 пассажиров и 7 членов экипажа погибли. Пассажирами аэробуса были в основном граждане Российской Федерации (212 человек). Ответственность за теракт взяло на себя руководство международной террористической организации «Исламское государство» [240].

О международном характере чеченского терроризма свидетельствуют и другие факты. Так, согласно данным ФСБ РФ, уже в 2000 г. в Чечне было около трех тысяч иностранных боевиков. В 1999–2001 гг. в ходе контртеррористической операции было уничтожено более тысячи иностранцев-наемников из арабских стран: Ливана, Палестины, Египта, ОАЭ, Иордании,

Йемена, Саудовской Аравии, Афганистана, Туниса, Кувейта, Таджикистана, Турции, Сирии, Алжира [447].

Вполне очевидны и попытки проникновения международных террористических организаций в отдельные регионы Российской Федерации, которые действовали и действуют чаще всего при участии и под руководством иностранных граждан, прошедших подготовку за границей. Практически все они финансово поддерживаются источниками, связанными с международным терроризмом.

В последующие годы деятельность международных террористических организаций фиксировалась во многих регионах России. Имеются в виду подпольные ячейки таких организаций, как «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «АтТакфирваль-Хиджра», «Исламская партия Туркестана» и ряд других (все эти организации запрещены в России).

Одной из самых опасных международных террористических группировок, проводящей активную деятельность по вербовке сторонников по всему миру, в том числе и в России, стало «Исламское государство» (ИГ) (деятельность запрещена на территории Российской Федерации). Оно возникло в октябре 2006 г. в Ираке путем слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок во главе с подразделением «Аль-Каиды». В создании организации принимал активное участие Абу Мусаб аз-Заркауи, духовный лидер и ближайший соратник Усамы бен Ладена. «Исламское государство» получило широкую известность летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака, а наибольшую силу набрало во время действий на территории Сирии. В июне 2014 г. террористы объявили о создании так называемого «Халифата» с собственными законами и органами власти. Группировка снискала репутацию одной из самых жесточайших исламистских организаций. Боевики «Исламского государства» несут ответственность за многочисленные теракты против сил НАТО на территории Ирака, военные преступления, массовые казни иракских и сирийских военных, а также за геноцид иноверцев [366].

По своим организационным основам это была не группа боевиков и религиозных фанатиков, а мощная глобалистская организация исламского радикализма, располагающая не только серьезным военно-экономическим потенциалом, но также квалифицированными кадрами, освоившими и успешно применяющими на практике современные технологии дезинформации, спецпропаганды и вербовки новых сторонников. Для подтверждения эффективности их работы можно привести данные компании The Soufan Group, которая зафиксировала, что с середины 2014 г. до конца 2015 г. к «Исламскому государству» присоединилось 27–31 тыс. сторонников из 86 стран [17, Р. 4].

Руководством российских спецслужб неоднократно отмечалось расширение влияния этой группировки особенно в регионах Кавказа и Центральной Азии. Поступали документально подтвержденные сведения о планах бандглаварей, скрывающихся на территории ряда стран Ближнего Востока (Турция, Саудовская Аравия, Ливия), продолжить свою террористическую деятельность и попытаться придать новый импульс северокавказскому бандподполью [83, с. 11]. Стало известно о том, что амиры вилайатов (подразделения «Имарат Кавказ»), действующих на территории Дагестана, Чечни, Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республики, принесли присягу (так называемый байат) на верность лидерам «Исламского государства». В качестве логического продолжения описываемых процессов в июне 2015 г. функционерами ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) было объявлено о создании новой административной единицы – «Вилаят Кавказ». Активность северокавказского бандподполья удалось сковать, а крупные силы разобщить и большей частью нейтрализовать.

В пределах Центральноазиатского региона на территории бывших союзных республик и самой России террористы получают поддержку от существующих здесь исламистских организаций. Наиболее радикальные из них – это «Исламское движение Узбекистана» и «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» («Хизбут-Тахрир» оперирует в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбе-

кистане). Кроме того, в регионе функционируют ячейки Партии исламского возрождения Таджикистана, Исламского движения Восточного Туркестана, Общества социальных реформ (ОСР), «Даава Исламийя» – радикальное крыло ОСР. Комитет мусульман Азии функционирует при поддержке «Лаббан Фаундэйшн», Центр исламского развития действует в г. Ош (Киргизия), «Акромиды» – религиозное исламское течение Узбекистана, действует в Ферганской долине, «Адолатушмаси» – религиозно-экстремистская организация из г. Наманган (Узбекистан), «Исломлашкарлари» – действует в Узбекистане, «Товба» – имеет сторонников и активистов в Киргизии и Узбекистане. Все вышеперечисленные организации имеют связь с такими крупными международными террористическими формированиями, как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Братья мусульмане (деятельность всех перечисленные организации запрещена в Российской Федерации)».

Говоря о международном характере современного российского политического терроризма, следует отметить наличие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников. В первую очередь речь идет о территориях Афганистана и Пакистана, где размещаются международные террористические организации и центры, деятельность которых нацелена на соседние с Россией страны Центрально-азиатского региона.

За новейшую постсоветскую историю таджикско-афганская граница не единожды испытывалась на прочность. В первые годы после распада СССР в Таджикистане оказалась разрушена уникальная система слежения, созданная на практически необитаемых высокогорных участках границы. Кроме того, частично опустели пограничные посты. Граница, ранее надежная, перестала быть серьезным препятствием – в том числе и для вооруженных террористических группировок.

Меры, предусмотренные в начале 90-х гг. таджикско-российскими соглашениями по охране и прикрытию таджикско-афганской границы, не смогли полностью предотвратить прорывов через границу вооруженных группировок

террористов и наркоконтрабандистов. Так, одной из трагических и одновременно героических страниц пограничной истории стала оборона 12-й заставы Московского погранотряда ПГ ФПС в июле 1993 г., когда превосходящая по численности группа боевиков атаковала заставу, пытаясь прорваться на территорию Таджикистана. Бой длился 11 часов, погибли 25 военнослужащих, но атака была отбита и оставшиеся в живых боевики отступили в Афганистан.

За годы нахождения российской погрангруппы в Таджикистане (с 1992 по 2005 гг.) на таджикско-афганской границе произошло более 530 боестолкновений и 1600 попыток прорыва. В боях погиб 161 российский пограничник, 362 были ранены. Военнослужащие уничтожили около 3000 боевиков и наркоконтрабандистов, еще столько же были задержаны, изъяли свыше 30 тонн наркотических веществ, в том числе 11,4 тонны героина [352]. Обстановка на таджикско-афганской границе и в последующие годы оставалась стабильно-напряженной.

В последнее время в связи с осложнением обстановки в Афганистане на таджикско-афганской, а также на афгано-туркменской границе возросла активность боевиков террористических организаций. Они закрепляются на занятых позициях и вынашивают планы создания новых плацдармов. Террористические группы регулярно атакуют таджикские погранпосты на границе с Афганистаном. Наиболее уязвимыми участками на таджикско-афганской границе по-прежнему остаются приграничные участки в Горном Бадахшане и Халтонской области. По данным спецслужб стран СНГ, в 2017 г. на границе с Туркменией со стороны Афганистана базировались до 850 боевиков, большинство из которых составляли присягнувшие ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) талибы [314, с. 248–249].

После крушения планов главарей международных террористических организаций по созданию исламского псевдогосударства на захваченных территориях Ближнего Востока часть бандитов направилась в северные провинции Афганистана, в связи с чем возросла угроза их вооруженного прорыва в страны Центрально-Азиатского региона. Это, в частности, отмечалось на

XVII Совещании руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов в ноябре 2018 г. в Москве [87, с. 9].

Российскими спецслужбами зафиксирована нарастающая активность подразделений ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) в Афганистане, объединенных в так называемый «Вилаят Хорасан». В тесной связи с ним действуют «Джамаат Ансаруллах» и «Исламское движение Восточного Туркестана», цель которых – создание плацдарма для экспансии на пространство СНГ [60]. Это подтверждается и из других источников. Так, в январе 2019 г. иранское агентство FarsNews процитировало главу Центра стратегических исследований армии бригадного генерала Ахмада Резу Пурдастана, который сообщил, что «около 7 тыс. террористов ИГ размещено на афганских территориях» [330].

Приведенные данные свидетельствуют, что вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников не только продолжают существовать, но и активизируются очаги террористической активности.

Развитию политического терроризма в Российской Федерации способствовала финансовая поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных террористических и экстремистских организаций.

Не стоит забывать, что оказание помощи с территории стран Ближнего и Среднего Востока было одним из главных источников финансирования чеченских сепаратистов и фактором радикализации ислама на территории Чечни. Сбор средств производился в основном под прикрытием негосударственных и исламских организаций якобы для оказания помощи страдающему от продолжения военных действий чеченскому населению. Чаще всего такая помощь организовывалась через многочисленные чеченские диаспоры, находящиеся в этих странах. По оперативным данным Басаев и Хаттаб направляли в Саудовскую Аравию, Катар, ОАЭ, к талибам в Афганистан и У. бен Ладену своих представителей с просьбами о финансовой поддержке. Они ссылались на неизмеримо возросшие расходы во

время вооруженного нападения на Дагестан летом – осенью 1999 г. [483, с. 41]. В этом же году представители чеченских сепаратистов в Турции обратились через интернет к лидерам таких радикальных исламских организаций, как «Мировой фронт джихада» У. бен Ладена, «Аль-Джамаа аль-мусаллаха» (Алжир), ХАМАС (Палестина), ливийским исламским экстремистам в эмиграции с просьбой срочно выделить им финансовые средства и активизировать антироссийскую пропаганду. Считается, что указанные и другие исламские организации передали в августе 1999 г. лидеру чеченских ваххабитов Абдул Малику и чеченским руководителям около миллиона долларов [483, с. 41–42].

Финансовая помощь чеченским террористам и исламским радикалам со стороны частных лиц и организаций осуществлялась через курьеров. Так, созданная в конце 1999 г. в Кувейте неправительственная организация «Муназамат аль-игаса ли Шешен» («Организация исламского спасения Чечни») за одну только операцию в течение трех суток переправила в Чечню до 100 тыс. долл. Другая же кувейтская исламская организация – «Ихьяят-турас аль-ислами» («Возрождение исламского наследия») перечислила ваххабитскому центру «Кавказ» 40 тыс. долл. Хаттаб получал деньги через еще одну кувейтскую организацию «Socialreformsociety» («Общество социальных реформ»), которую возглавляет некий Абдалла аль-Мутаи. В Катаре активную финансовую помощь чеченским сепаратистам оказывают неправительственные организации «Джамият Катар аль-хейрийя» («Благотворительное общество Катара»). Эта организация собрала к декабрю 1999 г. для помощи Чечне около 8 млн. долл. [483, с. 41–42].

После распада СССР страны Ближнего Востока активно вмешивались в процесс религиозного возрождения мусульман. Они рассматривали мусульман России в качестве мишени для своей духовной экспансии и продвижения своих интересов. Поэтому для 1990-х гг. было характерно финансирование арабскими и турецкими фондами распространения своих идеологических течений ислама среди мусульман России, особенно на Се-

верном Кавказе, Поволжье. Эта спонсорская помощь шла фактически в открытой форме. В тот период времени в нашей стране функционировали филиалы арабских благотворительных организаций «Аль-Игаса», «Тайба», «Аль-Харамейн», «Ибрагим бин Абдулазиз аль-Ибрагим», «Международной исламской представительской организации», «Всемирной ассамблеи мусульманской молодежи» (WAMY), «Комитет мусульман Азии», «Saar Foundation», а турецкое влияние было представлено организациями «Эр-тугрул Гази», «Серхат», «Эфляк» и «Торос» [265].

Эти зарубежные некоммерческие организаций (НКО) оплачивали массовое издание религиозной литературы определенного толка (обычно арабских, пакистанских и турецких авторов), финансировали строительство мечетей, организовывали лагерей для мусульманской молодежи, создавали учебные заведения или перепрофилировали их на учебные программы своих стран. В рамках миссионерской помощи практиковалась присылка проповедников, организация обучения мусульманской молодежи из России в зарубежных странах с последующим возвратом их на родину в качестве носителей идеологической доктрины страны обучения. Обстановка того времени в России давала свободу для деятельности подобных организаций.

С началом второй чеченской кампании в 1999 г. стало видно, к чему ведет влияние арабских фондов и присланных ими преподавателей в учебные заведения: часть студентов оказывалась в рядах боевиков, которые участвовали в организации терактов в Москве в захвате заложников в школе Беслана. Поэтому деятельность арабских и турецких НКО на территории России в первой половине 2000-х гг. была свернута. С этого времени исламские радикалы реже прибегали к зарубежному финансированию, поскольку каналы для него были существенно ограничены действиями государства. В то же время до настоящего времени они не прекратились полностью [550].

Сегодня террористические и экстремистские организации в целях своего финансирования все чаще используют современные технологии, в частности денежные переводы без открытия счета и электронные платежные системы.

Установлено, что такие способы переводов денежных средств позволяют в короткие сроки собирать крупные суммы денежных средств от большого числа анонимных источников. Не менее актуальными остаются и более традиционные способы перемещения денежных средств, которые имеют высокие риски использования в целях отмывания преступных доходов и финансирования терроризма. Такими способами являются курьерские поставки наличных денежных средств. Имеющаяся информация показывает, что значительная часть из ввозимых наличных денежных средств предназначена для использования в теневых банковских схемах. Вместе с тем использование курьерских наличных денежных средств создает условия для формирования финансовой подпитки бандподполья и экстремистских структур [565, с. 64–65].

Таковы некоторые, наиболее существенные особенности современного политического терроризма в России. Его эволюция осуществлялась не равномерно и в зависимости от складывающейся обстановки протекала с различной степенью интенсивности, видоизменяясь в соответствии с изменениями приоритетными для террористов методам террористической деятельности.

Судя по количественным показателям, видам и формам совершенных террористических актов, а также с учетом масштабов террористической деятельности, в чеченском политическом терроризме можно выделить три этапа: 1 этап – первая половина 90-х гг. XX в.; 2 этап – вторая половина 90-х гг.; 3 этап – первое пятилетие XXI в.; 4 этап – с начала 2005 г. по настоящее время.

Первый этап чеченского политического терроризма в первой половине 90-х гг. был отмечен единичными террористическими актами, связанными преимущественно с захватом заложников. На данном этапе террористы проводили своеобразную «разведку боем» и проводили демонстрацию новой российской государственной власти своей силой.

Так, 9 ноября 1991 г. вооруженная группа из восьми чеченцев во главе с Шамилем Басаевым осуществила захват выполнявшего рейс по маршруту Минеральные воды – Екатеринбург и угон в Турцию самолета Ту-154 с 178 пассажирами на борту. После приземления в Анкаре на организованной турецкими

властями конференции Басаев заявил, что угнал самолет в знак протеста против чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии, а также чтобы «обратить внимание мирового сообщества на имперские действия России» в отношении их родины. Террористы требовали не допустить ввода российских войск в Чечню. Это был первый и самый бескровный теракт Басаева, который поднял свой авторитет среди дудаевцев и вошел в число их лидеров [559].

В августе 1992 г. террористом (чеченцем по национальности) был захвачен самолет Ту-154, следовавший по маршруту Грозный – Москва. Преступник, угрожая взорвать гранату, потребовал изменить курс и следовать в Турцию. В результате действий ОМОНа угонщик был убит (ликвидирован). Экипаж и пассажиры не пострадали.

В мае 1994 г. в районе населенного пункта Кинжал Ставропольского края четыре вооруженных чеченца захватили экскурсионный автобус «Владикавказ – Ставрополь» со школьниками, их родителями и учителями. В заложниках оказались около 30 человек. После переговоров с властями террористы отпустили всех детей и несколько взрослых и пересели на вертолет, который взял курс на Дагестан. Из-за изменения маршрута полета была совершена посадка на территории Чечни. Через час бандиты были обезврежены. Заложники не пострадали.

В июле того же года в аэропорту Минеральных Вод чеченские террористы захватили вертолет с заложниками. Когда отряд спецназа попытался прорваться в вертолет, один из чеченцев взорвал в салоне гранату, из-за чего 19 пассажиров получили ранения, четверо из них скончались. Все террористы были задержаны [559].

Во второй половине 90-х г. начался новый этап в развитии политического терроризма, который характеризовался значительным расширением масштабов террористической деятельности чеченских боевиков.

Характер чеченского политического терроризма изменился с декабря 1994 г., когда на территории Чечни российскими войсками началась операция по восстановлению конституционного порядка. Упор был сделан на про-

ведение широкомасштабных террористических операций с участием многочисленных бандформирований. При этом выдвигались политические требования: «прекратить кровопролитие» со стороны России с апелляцией к российскому и международному общественному мнению «остановить войну в Чечне любыми средствами».

14 июня 1995 г. чеченские боевики (группировка около 100 чел. под руководством Ш. Басаева) осуществили захват г. Буденновска (Ставропольский край). Боевики согноли и удерживали в местной городской больнице более 1200 жителей города. Тех, кто сопротивлялся или отказывался выполнять требования террористов, расстреливали на месте. На пресс-конференции с участием зарубежных журналистов Басаев заявил, что цель акции – добиться прекращения боевых действий Российской армии в Чечне. В ночь на 17 июня начался штурм больницы, и боевики начали отступать к чеченской границе, захватив с собой более двухсот заложников, в основном женщин и детей. Недалеко от горного селения Зандак заложники были освобождены. В результате бандитской акции в Буденновске погибли 130 мирных граждан, 18 работников милиции, 18 военнослужащих, свыше 400 человек получили ранения различной степени тяжести [446, с. 87; 559].

9 января 1996 г. группа боевиков из более чем 400 человек под командованием С. Б. Радуева и Х. Г. Исрапилова вошла в дагестанский город Кизляр, захватив и удерживая, как и в случае с Буденновском, больницу с заложниками. За каждого погибшего чеченца они грозили расстреливать по 15 мирных жителей. Политические требования террористов оставались неизменными – вывод из Чечни российских войск. 11 января отряд боевиков выехал в Чечню на предоставленных автобусах, используя в качестве «живого щита» более 100 заложников. Колонна была остановлена федеральными силами на границе Чечни у села Первомайское. Захватив в заложники дежуривших на блок-посту сотрудников российского ОМОН, террористы отошли в село и заняли там оборону. 15 января 1996 г. днем подразделения российского спецназа при поддержке артиллерии и авиации начали атаку на Первомайское. Решение о штурме было

принято после того, как боевики начали убивать заложников. Операция по уничтожению террористов была завершена 18 января, однако большая часть бандитов прорвалась из окружения и ушла в Чечню. В результате нападения банды Радуева на Кизляр и Первомайское погибли 78 военнослужащих, сотрудников МВД и мирных граждан Дагестана, несколько сотен человек получили ранения различной степени тяжести [517].

Чтобы оказать давление на российское политическое руководство и добиться снятия блокады с Первомайского, по прямому указанию Ш. Басаева 16 января 1996 г. в турецком порту Трабзон группа боевиков из группировки «Внуки Шамиля» во главе с Мохаммедом Точканом захватила паром «Аврасия» с более чем 200 россиянами борту. Российских граждан отделили от других пассажиров и угрожали им расправой. В отношении других пассажиров силовых действий не предпринималось. После двухдневных переговоров и проведенной пресс-конференции террористы сдались властям. Спустя несколько дней паром «Аврасия» вернулся в Сочи [310].

Обращает на себя внимание факт, что в январе 1996 г. чеченскими террористами были впервые проведены согласованные по времени масштабные террористические акты. При этом свои террористические действия они пытались сделать серьезным информационным оружием. Проведенные акции должны были доказать российской общественности уязвимость политической власти в России и, кроме того, показать международному сообществу справедливость борьбы «маленькой Ичкерии» с «большой империей».

После подписания 22 августа 1996 г. Хасавюртовских соглашений, фактически признавших независимость Чечни и превративших её в питомник экстремизма, тактика боевиков вновь изменилась. Распространенной формой проведения террористических актов становятся похищения российских и иностранных журналистов, представителей иностранных гуманитарных миссий, работавших в Чечне строителей и бизнесменов. Предпринимались провокационные убийства (например, двух врачей Красного Креста в декабре 1996 г.). В марте 1999 г. в Грозном террористы, демонстрируя свои возмож-

ности, похитили полномочного представителя МВД РФ генерал-майора милиции Г. Н. Шпигуна, нанеся тем самым символическую пощечину федеральному Центру.

Одновременно на территорию соседних с Чечней Дагестана и Ингушетии совершались вооруженные вылазки, в ходе которых захватывались заложники: милиционеры и гражданские лица. Масштаб этих вылазок изменился до военной операции в августе 1999 г. в связи с попыткой чеченских главарей реализовать на практике идею создания «Исламского государства Северного Кавказа».

2 августа 1999 г. вооруженные формирования чеченских боевиков вторглись из Чечни на территорию Цумадинского и Ботлихского районов Дагестана, захватив ряд населенных пунктов. Руководило операцией так называемое «Объединенное командование дагестанских моджахедов» (ОКДМ) во главе с Ш. Басаевым. Основные силы ваххабитов были сведены в три группировки – «Исламскую армию Кавказа» (Багаутдин), «Дагестанскую повстанческую армию Имама» (Тагаев) и «Миротворческие силы междлиса народов Ичкерии и Дагестана» (Хаттаб).

По замыслу руководства ОКДМ, на первом этапе под кодовым названием «Имам Кази-Магомед» их на территории Республики Дагестан должны были поддержать местные сторонники «чистого ислама», экстремистски настроенная часть чеченцев-аккинцев и некоторые другие силы. Ваххабиты призывали к вооруженному джихаду не только против неверных, но и мусульман, которые не разделяют их взгляды. Такая постановка вопроса дала им возможность идейно обосновать ведение вооруженной борьбы, террористические акты как против федеральной власти, так и против властей Дагестана, мусульманского духовенства, простых дагестанцев. Однако подобные действия боевиков вызвали сопротивление дагестанского населения, особенно приграничных с Чечней районов, которые оценили действия боевиков как бандитские и стали формировать свои отряды самообороны. Именно негативная реакция на вторжение со стороны подавляющего большинства населения республики и международной общественности стала одной из основ-

ных причин, по которой от участия в вооруженной борьбе отказались дагестанские «исламисты».

После неудачного завершения первого этапа по «освобождению» Дагестана руководство «ваххабитов» объявило о начале второго этапа операции под кодовым названием «Имам Гамзат-бек», цели и задачи которого официально не разглашались.

После боев с федеральными силами, которые продолжались более месяца, террористы отошли на территорию Чечни. В сентябре 1999 г. руководством «Объединенного командования дагестанских моджахедов» прорабатывались варианты нового вторжения в Дагестан, которым не суждено было сбыться в связи с начавшейся антитеррористической операцией российских войск непосредственно на территории Чечни. Тем не менее одиночные вылазки с захватом милиционеров продолжались до ноября 1997 г. в Дагестане и до декабря того же года в Ингушетии.

Параллельно с планированием и осуществлением широкомасштабных военных действий с весны 1997 г. чеченские боевики стали менять методы и тактику совершения террористических актов, преимущественно путем подрыва мощных самодельных взрывных устройств в местах большого скопления людей.

19 марта 1999 г. мощный взрыв прогремел на Центральном рынке Владикавказа (67 чел. погибли, более 100 получили ранения) [519]. 23 апреля 1997 г. боевики организовали взрыв на железнодорожном вокзале города Армавира Краснодарского края (3 чел. погибли и более 10 получили ранения). Через несколько дней, 28 апреля, в зале ожидания железнодорожного вокзала г. Пятигорска Ставропольского края произошел взрыв, в результате которого 2 человека погибли и 17 было ранено [519].

Целая серия согласованных по времени и месту терактов потрясла Россию в сентябре 1999 г. во время боев федеральных сил с боевиками Басаева и Хаттаба в Дагестане [170]. Целями террористических атак стали жилые дома как в столичном центре, так и на периферии.

4 сентября в дагестанском г. Буйнакске рядом с пятиэтажным домом 3 на улице Леваневского, в котором проживали семьи военнослужащих 136-й мотострелковой бригады Минобороны России, был взорван грузовик ГАЗ-52. В машине находилось 2,7 т. килограммов взрывчатого вещества из алюминиевого порошка и аммиачной селитры. Были разрушены два подъезда, 58 человек погибли, 146 были ранены. Позднее ещё 6 человек скончались от полученных травм.

8 сентября произошёл взрыв в Москве на улице Гурьянова. Взрывное устройство сработало на первом этаже 9-этажного жилого дома 19. Два подъезда были полностью уничтожены. Погибли 92 человека, 264 были ранены. 13 сентября прогремел взрыв на Каширском шоссе в Москве – в подвальном помещении 8-этажного жилого дома. Мощность взрыва – 300 кг в тротиловом эквиваленте. Погибли 124 человека, 9 получили ранения.

16 сентября в г. Волгодонске Ростовской области около 9-этажного дома на Октябрьском шоссе сдетонировал начиненный взрывчаткой грузовик ГАЗ-53. Мощность взрыва составила 1–1,5 тыс. кг в тротиловом эквиваленте. В результате обрушилась фасадная часть двух подъездов, на некоторых этажах возник пожар. Погибли 19 человек, всего пострадавших – 310.

Масштабы террористических актов, проведенных чеченскими боевиками в сентябре 1999 г., свидетельствовали о начале широкомасштабной террористической войны против федеративного Центра. Подобным образом боевики пытались показать неотвратимость своего ответного «возмездия» за действия федеральных сил на территории Чечни и Дагестана, повысить эффект психологического воздействия на российских граждан, сформировать атмосферу всеобщего страха и недовольства политической линией правительства в отношении Чечни.

Третий этап чеченского политического терроризма, хронологические рамки которого охватывают первое пятилетие XXI в., характеризуется изменением тактики действий боевых террористических групп. По времени он начался практически одновременно с осуществлявшейся с 7 августа

1999 г. по 16 апреля 2009 г. федеральными силовыми структурами войсковой контртеррористической операцией.

Вторжения отрядов чеченских боевиков в Дагестан, взрывы в столице и других российских городах, приведшие к массовым человеческим жертвам и масштабным разрушениям, свидетельствовали о неспособности и нежелании чеченских властей выполнять хасавюртовские соглашения. Они показали руководству страны очевидность и необходимость жестких ответных военных действий в форме контртеррористической операции для обуздания чеченского терроризма. Для её проведения была создана Объединённая группировка войск на Северном Кавказе, которая осуществила разгром основных сил бандформирований. Эти события получили название Второй чеченской войны.

Ликвидация основных центров политического терроризма на Северном Кавказе заставила чеченских сепаратистов перейти к упомянутой тактике «автономного джихада» действиям небольшими подпольными террористическими группами в разных населенных пунктах Чечни и за ее пределами. При этом стал практиковаться «жертвенный» (самоубийственный) терроризм с участием террористов-смертников, который десятки лет использовался фундаменталистскими террористическими организациями в разных странах (Ливане, Израиле, Пакистане, Индии и других). Террористы стали осуществлять точечные атаки, но по-прежнему стремились к сохранению масштабов разрушений и увеличению количества жертв терактов. При этом интенсивность террористической деятельности не снижалась.

Очередной крупный теракт с захватом заложников в Театральном центре на Дубровке был проведен по указанию Ш. Басаева 23 октября 2002 г. в Москве. Террористы захватили более 900 человек и заминировали здание. Они объявляли себя смертниками и требовали вывода российских войск из Чечни. Утром 26 октября спецназ начал штурм, во время которого был применен нервнопаралитический газ. Главарь боевиков М. Бараев и большая часть террористов были уничтожены, трое задержаны. Погибли 130 человек из числа находившихся в зале заложников.

27 декабря 2002 г. члены бандформирования Ю. Садуева по поручению Ш. Басаева организовали теракт в г. Грозном. Начиненные взрывчаткой автомобили, управляемые подготовленными для этого шахидами, взорвались у Дома правительства. В результате 48 человек погибли непосредственно на месте взрыва, ещё 23 скончались впоследствии в больницах. 640 человек получили ранения различной степени тяжести. На некоторое время была парализована работа государственных структур Чеченской республики [439].

В 2004 г. произошла новая череда террористических атак [170]. 6 февраля на Замоскворецкой линии московского метрополитена между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» был взорван вагон электропоезда. Смертоносное устройство привёл в действие террорист-смертник. В результате 41 человек погиб, около 250 были ранены. 9 мая во время праздничных мероприятий в Грозном, посвященных Дню Победы, в ходе теракта был убит президент Чечни Ахмат Кадыров. 24 августа 2004 г. практически одновременно разбились два пассажирских самолёта. Оба вылетели из Московского аэропорта Домодедово: Ту-154 авиакомпании «Сибирь» направлялся в Сочи, Ту-134 авиакомпании «Волга-Авиаэкспресс» – в Волгоград. Взрывы на бортах лайнеров произошли с разницей в минуту в 22:54 и 22:55. Взрывные устройства привели в действие террористки-смертницы. Все пассажиры и члены экипажа в обоих самолетах погибли. Число жертв – 89 человек; 31 августа смертница взорвала себя у метро «Рижская»: погибли 10 человек, 50 были ранены.

Громкий общественный резонанс в стране вызвал теракт, проведенный 1 сентября 2004 г. в североосетинском городе Беслане. Воспользовавшись митингом, устроенным руководством школы в День знаний, бандиты захватили более 1100 учащихся школы №1, их родственников и учителей. Людей загнали в спортзал и держали там три дня без еды и воды. 2 сентября после переговоров с экс-президентом Республики Ингушетии Русланом Аушевым бандиты отпустили 25 женщин и детей. 3 сентября в здании началась стрельба и взрывы, сотрудники спецслужб были вынуждены начать штурм, кото-

рый привел к значительному количеству жертв. В итоге 334 человека, включая 186 детей, погибло, более 800 получили ранения различной степени тяжести. По количеству погибших детей это был один из самых чудовищных террористических актов в истории современной России. Боевиков уничтожили, одного выжившего приговорили к смертной казни, заменённой на пожизненное заключение.

Ликвидация 2005–2006 гг. руководителей чеченских боевиков А. А. Масхадова, А. Хаттаба, А. А. Бараева, Абу аль-Валида, Ш. Басаева и многих других полевых командиров привели к резкому снижению активности террористов. Попытка боевиков возобновить масштабные операции (рейд на Кабардино-Балкарию 13 октября 2005 г.) завершилась провалом. В апреле 2009 г. режим контртеррористической операции на территории Чеченской Республики был отменен. Однако в последующие годы полностью исключить кровавые террористические акты не удалось.

Четвертый этап развития чеченского терроризма начался с конца первого десятилетия XXI в. и вряд ли может считаться завершенным в настоящее время, т. к. террористическая угроза на Северном Кавказе пока еще полностью не ликвидирована. На этом этапе политический терроризм стал носить ярко выраженный религиозный характер. Несмотря на отмену режима контртеррористической операции, в Чечне имелись все признаки распространения политического терроризма на всю территорию Кавказа.

Террористическую деятельность начали осуществлять действовавшие на Северном Кавказе исламские подпольные организации террористические организации «Кавказского эмирата». Они объединились в радикально-исламистское подполье, ячейки и вооруженные отряды которого размещались на территории Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Первые террористические акты боевики «Кавказского эмирата» стали осуществлять на территории Российской Федерации с конца ноября 2009 г., когда на 285 км Октябрьской железной дороги ими был подорван скоростной

фирменный поезд «Невский экспресс». В результате теракта три последних вагона поезда сошли с рельс, при этом погибло 28 и было ранено более 132 человек.

29 марта 2010 г. 17-летняя террористка-смертница Марьям Шарипова произвела подрыв самодельного взрывного устройства в одном из вагонов на станции метро «Лубянка». Еще один взрыв был произведен через сорок минут после первого на станции «Парк культуры». Самоподрыв осуществила шахидка уроженка Хасавюртовского района Дагестана Джанет Абдурахманова – вдова одного из дагестанских главарей «Кавказского эмирата» Умалата Магомедова по прозвищу Аль-Бара. В результате терактов погиб 41 человек, 88 ранено. Теракт был подготовлен под руководством лидера ваххабитского подполья «Кавказского эмирата» в Дагестане амиром М. А. Вагабовым [519].

В этом же году 9 сентября был совершен террористический акт во Владикавказе. Взрывное устройство вблизи от центрального городского рынка привел в действие находившийся в легковой машине террорист-смертник. Организовал теракт И. Л. Хашагульгов – лидер действовавшего на территории Ингушетии террористического исламского объединения «Джамаат Галгайче». Теракт привел к гибели 17 человек ранено и ранению, 158 человек [519].

24 января 2011 г. в Московском аэропорту Домодедово в зале международных прилётов террорист-смертник М. Евлоев привел в действие взрывное устройство. Взрыв прогремел в толпе встречающих. Погибли 38 человек, пострадали 116. Взрыв был организован по личному приказу Д. Умарова членами одной из расположенной на территории Ингушетии секций «Кавказского эмирата» [518].

В конце 2013 г. серия террористических актов была совершена в Волгограде [170]. 21 октября смертница Наида Асиялова взорвала вместе с собой рейсовый автобус. Погибло 7 человек, ранено 37. 29 декабря при попытке совершить теракт в здании железнодорожного вокзала произвел самоуничтожение террорист-смертник А. Самедов. Он был остановлен старшим сержан-

том полиции Дмитрием Маковкиным на входе у досмотровой зоны и привел в действие находившееся на нем взрывное устройство. Погибли 18 человек, 45 были ранено. Дмитрий Маковкин, предотвративший проникновение террориста в зал ожидания, был посмертно награжден орденом Мужества. На следующий день, 30 декабря, произошел ещё один теракт – в троллейбусе 15А в Дзержинском районе города самодельную бомбу взорвал террорист-смертник С. Мамедов. Погибли 16 человек, пострадали 25. Все террористы входили в террористическое подпольное объединение «Кавказского эмирата» – «Виляят Дагестан».

В конце 2014 г. Национальный антитеррористический комитет сообщил о пресечении системной террористической деятельности исламского подполья, ликвидации их организационных структур, системы управления и основной части боевиков. В 2017 г. директор ФСБ А. Бортников официально заявил о полном уничтожении террористического подполья на Северном Кавказе. Однако определенный пока еще до конца не выявленный террористический потенциал продолжает существовать на территории Российской Федерации, что не исключает проведения новых террористических актов. Свидетельством тому является взрыв в Петербургском метрополитене 3 апреля 2017 г., который унес жизни 16 пассажиров, пострадало 87 человек. Тогда ни одна террористическая организация не взяла ответственность за этот теракт, однако, по мнению источников в правоохранительных органах, террорист-смертник – 22-летний уроженец Киргизии, гражданин РФ Акбаржон Джалилов – мог быть членом ранее неизвестной террористической группировки «Катиба аль-Имам Шамиль», связанной с «Аль-Каидой» [519].

Следует учитывать, что после поражения «Исламского государства» (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) и потери практических всех захваченных территорий в 2017 г. тактика «автономного джихада» стала еще более актуальна. К ее реализации подключились террористы, которые под видом беженцев перебрасываются из Сирии и Ирака в Западную Европу, а как трудовые мигранты и на территорию Российской

Федерации. Остановить злоумышленников, желающих проникнуть на территорию Российской Федерации, очень сложно. По статистическим данным МВД, только с января по сентябрь 2018 г. в Россию прибыли на работу и официально зарегистрировались 1,745 млн. граждан Таджикистана и 1,573 млн. граждан Узбекистана. Всего случаев постановки на миграционный учет за январь – ноябрь 2018 г. зафиксировано 16 488 916, за тот же период 2017 г. – 14 590 229 [573].

Отмечаемая в последнее время активность лидеров террористов по созданию глубоко законспирированных ячеек объясняется именно ростом числа возвратившихся из зон боевых действий боевиков. Зная минно-взрывное дело и имея опыт террористической деятельности, они организывают «спящие ячейки». Лидерами террористов значительное внимание уделяется усилению боевого потенциала подконтрольных им ячеек. Они реорганизуют систему управления, создают специальные подразделения, отвечающие за координацию деятельности ячеек, подготовку и проведение террористических актов. Те, кто возвратился, обладают всем инструментарием, необходимым для совершения терактов. Просматривается четкая специализация в их среде. Некоторые из них целенаправленно ориентированы на активизацию пропаганды экстремистской идеологии или вербовку новобранцев, другие отвечают за сбор финансовых средств или осуществляют ресурсное обеспечение [87, с. 19–20].

Следует подчеркнуть, что функционеры международных террористических структур, вынужденно действуя из-за рубежа, научились достаточно эффективно управлять звеньями своих террористических сетей дистанционно, используя для этого все имеющиеся средства коммуникации: от агентов-связников до спутниковых систем связи и, конечно же, интернет.

Выводы по разделу

Таким образом, политический терроризм представляет собой противоправный метод вооруженной оппозиционной политической борьбы, предпо-

лагающий воздействие на конкретные политические институты с использованием насилия или угрозой насильственных действий против определенных личностей или групп населения с целью достижения необходимых террористам конкретных политических или социальных целей.

Политический терроризм является попыткой определенных политических кругов насильем разрешить острые социально-политические противоречия, закономерно возникающие в политической жизни любого государства. По этой причине он связан с политической историей и находил свое проявление в различных исторических эпохах. С течением времени политический терроризм получил теоретическое обоснование и как системный метод политической борьбы сформировался в 20-х гг. XIX столетия в Европе, а начиная с последней четверти XIX в. и в России. В дальнейшем он использовался политической оппозицией на всем протяжении развития российской государственности. Его генезис определялся различными социально-политическими условиями и факторами, от которых зависели идеология, организационные основы и методы террористической деятельности.

На этом основании можно говорить о трех относительно самостоятельных крупных периодах в истории российского политического терроризма: I период – политический терроризм в Российской империи в последней четверти XIX в – февраль 1917 г.; II период – антисоветский политический терроризм 1918 – 1991 г; III период – политический терроризм в Российской Федерации с 1991 г. по настоящее время. В каждом историческом периоде выделяются конкретные этапы его эволюции, в рамках которых политический терроризм проявлял себя с различной интенсивностью, отличался географией распространения, своеобразием субъектов воздействия, спецификой методов террористической борьбы.

За почти сто пятидесятилетнюю историю существования российский политический терроризм существенно видоизменялся. Кардинальные изменения произошли в его идеологии. Социально-классовые установки смени-

лись идеями национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Очевидно смещение центров организации террористической деятельности от столичных городов на национальные окраины и в сопредельные государства. Расширялась его организационная структура от малочисленных боевых организаций до крупных вооруженных бандформирований в системе непризнанной государственной власти. Наконец, современный российский политический терроризм вышел за границы национального государства и приобрел транснациональный характер.

Противодействие органов политического сыска революционному терроризму в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Появление политического терроризма в России как метода политической борьбы, представлявшего реальную угрозу существующему государственному строю, потребовало со стороны правительства ответных мер. В борьбе с нарастающей опасностью власть определила *основные направления сдерживания политического терроризма*. В рассматриваемый исторический период велась целенаправленная работа по развитию нормативно-правовой базы, совершенствовалась организационная структура правоохранительных органов и система управления ими, осуществлялся подбор, расстановка и обучение кадров, расширялся арсенал методов оперативно-розыскной работы, увеличивался масштаб и повышалась эффективность антитеррористической деятельности.

Развитие нормативно-правовой базы

Развитию существовавшей нормативно-правовой базы царское правительство придавало особое значение, рассматривая ее как одно из важнейших направлений борьбы с политическим терроризмом. В этом вопросе выделялось три важнейших аспекта: установление меры наказания за причастность или участие в преступлениях террористической направленности, правовое регулирование деятельности правоохранительных органов, а также применение особого порядка дознания и судопроизводства по делам, связанным с проявлением терроризма.

Юридическая ответственность за террористическую деятельность

Особенность действовавшей в XIX в. нормативно-правовой базы заключалась в том, что существовавшие нормы права не выделяли политиче-

ский терроризм в самостоятельный предмет правового регулирования. Террористическая деятельность рассматривалась как часть уголовно наказуемых особо тяжких государственных преступлений, направленных против особы императора или членов императорской фамилии, а также против существовавшего в стране государственного устройства. Уголовную ответственность за данные преступления определяло «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое было разработано Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии и утверждено Николаем II 15 августа 1845 г. [541]. Оно составлялось как руководство для судей и по существу представляло собой сборник статей, извлеченных из Соборного уложения 1648 г., Воинских Артикулов, императорских наказов и постановлений времен XVIII – начала XIX в. Большой объем (2224 ст.). Большой объем и казуистичность статей Уложения создавали сложность его использования в правоприменительной практике. Последующие редакции Уложения 1857, 1866 и 1885 гг. сокращались (1560 ст. в Уложении 1885 г.) за счет исключения из него недействующих статей, дополнялись новыми определениями и правилами, но основные его принципы и структура, как и предусмотренная мера наказания за государственные преступления до начала XX в. оставались неизменными.

За преступления «против священной особы Государя Императора и членов Императорского дома», начиная с Соборного уложения 1648 г., законом предусматривалось «лишение всех прав состояния и смертная казнь». Суровые меры наказания устанавливались и за различные виды преступлений против государственной власти и её представителей «при отправлении должности». Здесь в зависимости от обстоятельств и степени вины обвиняемого кроме смертной казни допускалось назначение (бессрочное или на конкретный срок) каторжных работ.

К 1903 г. с учетом изменений, происходивших в социально-политической жизни России, было разработано и 22 марта Высочайше утверждено значительно сокращенное по объему (687 статей) новое «Уго-

ловное уложение» [350]. Однако по ряду причин оно не было введено в юридическую практику. Исключение составили только главы, предусматривавшие наказания за совершение государственных преступлений. Уголовная ответственность за эти преступления практически не изменилась, но особо оговаривалась. Считались отягчающими обстоятельствами причастность или участие в преступлениях (террористических актах), совершенных с применением взрывчатых веществ или огнестрельного оружия. В этих случаях устанавливалось более суровое наказание [350, с. 43].

Регламентация деятельности политической полиции

Гораздо более мобильным было правовое регулирование деятельности правоохранительных органов, непосредственно занимавшихся борьбой с политическим терроризмом. В подавляющем большинстве случаев новые нормативно-правовые акты разрабатывались и вводились в действие как ответная мера на действия террористов. Так, например, за серией террористических актов, предпринятых в 1866 и 1867 гг. против Императора Александра II последовало принятие в 1867 г. нового «Положения о корпусе жандармов», которое определило особый статус жандармерии как самостоятельной организационной структуры политической полиции, конкретизировало решаемые ею задачи и по существу усиливало антитеррористическую деятельность на местах [425, с. 73–80].

Функциональная особенность Отдельного корпуса жандармов состояла в её многозадачности. Офицерский состав, нижние чины и гражданские чиновники корпуса занимались раскрытием государственных преступлений, выполняли обязанности общей полиции, поддерживали безопасность и общественный порядок на железных дорогах, охраняли политических преступников, осуществляли внешнюю разведку и контрразведку [591, с. 359, 718]. В качестве особенности применения корпуса жандармов можно выделить сочетание в их функционале качеств исполнительного органа политической полиции с обязанностями общей полиции, находившейся в ведении Министер-

ства внутренних дел и связанной с обычным несением полицейской службы [423]. Другая особенность деятельности жандармерии заключалась в том, что она законодательно не ограничивалась и регламентировалась указаниями руководства в виде устных распоряжений и письменных инструкций [120, Л. 15].

19 мая 1871 г. были приняты «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», согласно которым чины Отдельного Корпуса жандармов получили право самостоятельно на правах судебных следователей по уголовным делам вести дознания по государственным преступлениям. Это способствовало повышению роли жандармерии в борьбе с терроризмом. Помимо органа политического надзора она стала органом судебного расследования тяжких политических преступлений.

Новая волна террористических актов, накрывших столичные и крупные города империи в конце 70-х – начале 80-х гг., окончательно продемонстрировала власти острую необходимость в изменении общего подхода к борьбе с политическим терроризмом. Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы по противодействию политическому терроризму отмечалось тенденцией к расширению полномочий и прав государственных и правоохранительных органов в борьбе с революционными организациями. Радикальные изменения в законодательстве последовали вслед за убийством 1 марта 1881 г. Александра II. В условиях крайнего обострения внутривластной обстановки новое правительство во главе с императором Александром III пошло на резкое усиление правовой регламентации противодействия терроризму. 14 августа 1881 г. было утверждено положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое предусматривало применение особых мер борьбы с террористической деятельностью. Положение предоставило местным органам государственной власти обширные полномочия и возможность объявлять отдельные местности в «исключительном положении», путём введения в них режима «положения усиленной охраны» или «положения чрезвычайной охраны» Например, они могли «переда-

вать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, общими законами предусмотренных» [431, с. 261–266].

Помимо усиления ответственности обывателей Положение устанавливало повышенную ответственность чиновников в случае их бездействия «при исполнении ими обязанностей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия».

Последовавшая за убийством Александра II реорганизация правоохранительных органов потребовала соответствующей правовой регламентации их деятельности. На противодействие террористической деятельности были направлены регламентирующие деятельность правоохранительных органов Положения «О негласном полицейском надзоре» (1 марта 1882 г.), «О полицейском надзоре» (12 марта 1882 г.), «Об устройстве секретной полиции в Империи» (3 декабря 1882 г.), «Инструкция инспектору секретной полиции» (29 января 1883 г.), «Об охранной агентуре» (20 декабря 1883 г.) [390, с. 376–379].

Перспективным направлением в деятельности правоохранительных органов стало «предупреждение преступных деяний против существующего государственного порядка». В этом отношении особое внимание в разрабатываемых нормативно-правовых актах стали уделять гласному и негласному «полицейскому надзору». К объекту полицейского надзора могло быть причислено любое лицо, «вредное для общественного спокойствия», в том числе только на основании публичных оскорбительных высказываний в адрес императора или членов императорской фамилии. Так, например, в 1902 г. было возбуждено судебное разбирательство и подвергнут полицейскому подследственному надзору некто С. Л. Мироненко за то, что в общественном питейном заведении в пьяном виде «ругал портрет Государя Императора матерными словами» [529, с. 94]. Негласный полицейский надзор в отличие от гласного предполагал скрытое наблюдение за лицами «сомнительной благонадежности».

В 1887 г. с целью регламентации деятельности различных структур разветвлённой системы безопасности были разработаны инструкции товарищу министра внутренних дел, отделению по охране общественной безопасности и порядка в столице «О порядке службы Охранной агентуры» [376]. Однако в инструкциях слабо учитывалась реальная потребность изменений в деле борьбы с терроризмом. Так, основное внимание в инструкции «О порядке службы Охранной агентуры» уделялось службе наружного наблюдения и игнорировались возможности использования секретной агентуры.

12 августа 1902 г., после образования Отделения по охране порядка и общественной безопасности в Варшаве, министр внутренних дел В. К. Плеве подписал «Положение о начальниках розыскных отделений» [410]. Оно предусматривало создание розыскных отделений на территории империи, где усиливалось развитие революционного движения. В октябре 1902 г. особым циркуляром Департамент полиции направил на места «Свод правил», подробно раскрывавший особенности деятельности создаваемых в различных городах Российской империи охранных отделений [298]. В то же время 31 октября 1902 г. была принята отдельная «Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений», распространявшая на всю территорию России порядки, которые ранее установились в Московском охранном отделении [22, с. 43–45].

С появлением охранных отделений функции правоохранительных органов, занимающихся противодействием терроризму, разграничивались. Согласно «Положению о начальниках розыскных отделений» охранные отделения должны были осуществлять оперативно-розыскную деятельность по политическим преступлениям. Задача отделений заключалась в выявлении преступных революционных организаций и предупреждении их в первую очередь террористической деятельности. Проведение дальнейших оперативно-розыскных мероприятий и ведение предварительного следствия по уголовным делам возлагалось на жандармские управления. В результате

реформы политической сыск в губернских городах был почти полностью изъят из ведения губернских жандармских управлений и передан в руки охранных отделений.

В годы Первой русской революции в связи с расширением масштабов террористической деятельности основной упор в развитии нормативно-правовой базы был сделан на повышение роли региональных правоохранительных органов в борьбе с террористической угрозой. 14 декабря 1906 г. для координации деятельности местных органов политического сыска П. А. Столыпин утвердил специальное положение «О районных охранных отделениях», а через год новым положением «Об охранных отделениях», утвержденным 9 февраля, разрешалось в случае необходимости создавать в районах с нестабильной социально-политической обстановкой новые охранные отделения, занимавшиеся расследованием дел по государственным преступлениям. Указанные нормативно-правовые акты значительно расширяли полномочия охранных отделений, выдвигая их работу на первое место во всей системе политического сыска [22, с. 76–94]. Принятие этих нормативно-правовых актов позволило Департаменту полиции повысить оперативность работы политической полиции на местах.

По мере накопления опыта оперативно-розыскной деятельности Департамент полиции стремился к его обобщению и внедрению в практическую работу агентуры путем издания специальных инструкций. В 1907 г. были приняты совершенно секретная «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения», а также «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» и «Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения», которые упорядочили приемы, методы работы агентов политической полиции и руководство ими [462, с. 213–229; 22, с. 95–105, 120–140].

Ведомственные инструкции и циркулярные письма, регламентирующие вопросы организации и ведения наружного наблюдения для филеров, постановки агентурной работы среди учащейся молодежи, подбора и расста-

новки офицерских кадров Отдельного корпуса жандармов, усиления агентурного наблюдения за революционными организациями издавались и в последующие годы вплоть до Февральской революции 1917 г. [455, с. 164–169].

Особый порядок дознания и судопроизводства

Развитие антитеррористического законодательства во второй половине XIX в. осуществлялось по пути применения особого порядка дознания и судопроизводства по делам, связанным с проявлением терроризма. Серия террористических актов, совершенных народовольцами в 1878 г., вынудила Императора Александра II издать Указ «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени». Данным нормативно-правовым актом государственные преступления, связанные с террористической деятельностью, выделялись в отдельное делопроизводство военных судов. Уголовные дела обвиняемых в «вооруженном сопротивлении властям» или «нападении на всех вообще должностных лиц» при исполнении ими обязанностей службы в случае убийства, ранения, нанесения увечий или тяжких побоев предавались военному суду «для осуждения их по законам военного времени». При этом процесс по данным делам проходил по ускоренной и упрощенной процедуре [427, с. 89–90]. Примечательно, что под действие этого указа попадали дела, связанные лишь с «вооруженным сопротивлением властям», т. е. террористическими актами [201, с. 2].

Кроме того, были утверждены отдельные временные (действовали до 14 августа 1881 г.) правила «Об особых мерах к ограждению общественного спокойствия», которые позволяли чинам корпуса жандармов подвергать аресту «всех подозреваемых в совершении государственных преступлений лиц, не испрашивая на это санкции прокурора» [164, с. 215–216]. Данные меры положили начало принципиальным изменениям в системе противодействия политическому терроризму, в результате которых правовая база политического сыска подверглась качественному и количественному изменению.

18 июня 1892 г. был принят закон «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении» [432, с. 479–483]. Согласно статье 8 данного закона введение военного положения отменяло действие Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Данный закон наделял военные чины правом после введения военного положения применять любые чрезвычайные меры, даже вовсе не предусмотренные законом. В данном случае приостанавливалось действие общегосударственного уголовного законодательства и реализовывались нормы военного права. В связи с этим важными дореволюционными законами, позволявшими достаточно эффективно бороться с терроризмом, становились «Устав воинский о наказаниях» и «Устав дисциплинарный», а также идентичные их требованиям, документы подзаконного характера, издаваемые Военным министерством в виде приказов и распоряжений.

Значительные изменения в существовавшем порядке судопроизводства произошли в период Первой русской революции. 19 августа 1906 г. в целях сокращения срока судебного процесса по делам о политическом терроризме императорским указом было утверждено Положение Совета министров «Об учреждении военно-полевых судов». Согласно Положению уголовное дело, связанное с участием в террористическом акте, «настолько очевидное, что нет надобности в его расследовании», по решению генерал-губернаторов могло передаваться в военно-полевой суд, который применял нормы права военного времени [433, с. 813–814]. Активная деятельность военно-полевых судов продолжалась до стабилизации обстановки, после чего страна возвратилась к общегосударственным законам.

В результате целенаправленной деятельности правительства для борьбы с политическим терроризмом была создана обширная нормативно-правовая база. Законодательство в этой сфере развивалось как на общегосударственном, так и на ведомственном уровнях. Нормативные акты, регламентирующие задачи, структуру, полномочия специальных служб России, права и обязанности чинов полиции и политического розыска по борьбе с терро-

ром, принимались на общегосударственном уровне. На ведомственном уровне для правового регулирования применяли нормативные акты, детализирующие деятельность правоохранительных органов в форме положений, инструкций, циркуляров. В целом, созданный арсенал правовых средств для борьбы с терроризмом соответствовал уровню социально-политических отношений того времени.

Организационная структура и управление

В вопросах борьбы с политическим терроризмом правительство Российской империи уделяло значительное внимание *укреплению и совершенствованию организационной структуры правоохранительных органов и системы управления ими*. Этот процесс начался еще в первой четверти XIX в. Деятельность тайных организаций, возникших в российском обществе под влиянием революционных событий в Европе и заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., инициировали реорганизацию существовавшей системы политического сыска. В разработанном А. Х. Бенкендорфом и поданном 12 апреля 1826 г. на имя Императора проекте «Об устройстве высшей полиции» будущий руководитель политической полиции сформулировал основы организации политической полиции и системы управления ею. Автор считал необходимым установить систему полицейской власти, основанной на принципах строгой централизации и осуществления всеобъемлющего контроля за общественно-политической жизнью страны, внушающего одновременно «страх и уважение у подданных» [422, с. 615–616].

3 июля 1826 г. указом Николая I «О присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» был учрежден новый орган политической полиции – III Отделение С.Е.И.В. канцелярии, имевшее в составе 4 канцелярии со штатной численностью 16 человек (72 человека к моменту роспуска) [392, с. 13]. Его основной задачей являлось не только недопущение и раскрытие «злоумышленных намерений и дел», но и выяснение настроений подданных. С образованием

III Отделения произошел переход от политического розыска к системе политического контроля. Оно стало первой спецслужбой Российской империи, объединившей в себе все функции тайного сыска, контрразведки и внешне-политической разведки [210, с. 249].

Отдельный корпус жандармов

28 апреля 1827 г. с выходом императорского указа «Об учреждении пяти округов жандармского корпуса» существовавшие в стране 59 различных по своему назначению и наименованию жандармских подразделений, численностью 4099 человек [349, с. 6; 368, с. 38] были сведены в отдельную структуру политической полиции – Корпус жандармов (с 1836 Отдельный корпус жандармов) со своим руководством, штатом и местными отделениями. В новой системе организации политической полиции в России Корпус являлся правоохранительным органом, первоначально выполнявшим преимущественно охранные функции в столицах и на периферии. Шефом Корпуса жандармов был назначен главный начальник III Отделения и командующий Главной Е.И.В. квартирой генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, который таким образом сосредоточил в своих руках все нити управления политической полицией Империи.

«Положение о корпусе жандармов», принятое в 1 июля 1836 г., завершило в общих чертах процесс формирования единой жандармской организации, представив развёрнутую схему устройства и размещения всех жандармских частей. В отличие от первого «Положения» 1827 г. оно конкретизировало организационную структуру корпуса жандармов, начиная от канцелярии шефа и кончая губернской жандармской командой, а также, систему управления, комплектования и решаемые корпусом задачи [423].

К 1850 г. Отдельный корпус жандармов структурно включал 8 жандармских округов, 3 жандармских дивизиона в Москве, Петербурге и Варшаве, 121 управление штаб-офицеров, 204 команды общей численностью 5797 офицерских и нижних чинов [171, с. 164]. С 1861 г. для обеспечения безопас-

ности на железных дорогах были созданы особые полицейские управления, личный состав которых формировался из чинов корпуса жандармов [424]. Сеть жандармских органов управления и строевых подразделений была распространена по всей территории страны.

Во второй половине XIX в. с повышением террористических угроз стал актуальным вопрос о создании специального охранного подразделения, обеспечивавшего личную безопасность Императора. Через месяц после первого покушения на жизнь Александра II 4 апреля 1866 г. был утверждён проект формирования из жандармов специальной Охранительной команды, впоследствии названной Охранной стражей. Основной обязанностью Охранной стражи являлась охрана места пребывания всех членов царской семьи [115, Л. 141].

Наращение во второй половине 60-х гг. XIX в. кризисных явлений в российском обществе продемонстрировало правительству необходимость организационно усилить деятельность политической полиции. Так, в октябре 1866 г. Главноуправляющий Третьим отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии графом П. А. Шуваловым принимается решение об учреждении уездных жандармских команд в некоторых губерниях, увеличивается штатная численность Корпуса на 31 штаб- и 186 унтер-офицеров [269, с. 225–226; 245, с. 86].

В 9 сентября 1867 г. в связи с утверждением нового «Положения о Корпусе жандармов» жандармское ведомство получило более разветвленную организационную структуру. Вместо упраздненных 5-ти (из 8) жандармских округов создавались 55 губернских управлений первой и второй категорий. Также в шести Северо-западных губерниях России создавались уездные жандармские губернские управления. На них были возложены обязанности по проведению оперативно-розыскных мероприятий и дознания по открывавшимся уголовным делам, связанным с государственными преступлениями.

Резкое увеличение террористической активности народовольцев в 70-е гг. XIX в. определило роль III Отделения и Отдельного корпуса жандар-

мов как главной силы в борьбе с политическим терроризмом и наметило тенденцию к усилению тесного взаимодействия всего полицейско-административного аппарата в борьбе с этим явлением. Вследствие интернационального характера деятельности революционеров и наличия у них собственных организаций за рубежом перед политической полицией была поставлена задача воспрепятствовать проникновению в Россию радикальных революционных идей, оружия и взрывчатых веществ, а также организовать политический сыск за границей [368, с. 55].

Тем не менее существовавшая правоохранительная система оказалась малоэффективной в борьбе с массовым политическим терроризмом как из-за недостатка специальных сил и средств, так и по причине их распыления в связи с многоцелевым предназначением Отдельного корпуса жандармов.

Охранные отделения

Во второй половине XIX в. преимущественно для борьбы с революционными террористическими организациями в политических центрах Империи стали создаваться новые специальные подразделения – отделения по охране общественной безопасности и порядка (охранные отделения). Первое из них «Отделение для производства дел по охране общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге» возникло в 1866 г. после покушения Д. И. Каракозова на императора Александра II при канцелярии петербургского градоначальника. Организационно оно входило в Департамент полиции Министерства внутренних дел, но в оперативном отношении подчинялось непосредственно санкт-петербургскому градоначальнику [244, с. 23–26]. К началу XX столетия окончательно сложилась его организационная структура. В 1915 г. она включала относительно автономные собственно охранное отделение, охранную команду, центральный (филерский) отряд и регистрационный отдел.

Оперативно-розыскная и следственная работа была сосредоточена в собственно охранном отделении, состоявшем из агентурной и следственной частей, наружного наблюдения, канцелярии и архива. Охранная команда, со-

стоявшая из 300 самых опытных, политически благонадежных нижних чинов полиции, занималась охраной маршрутов проезда Императора и членов Его семьи. Центральный филерский отряд предназначался для наружного наблюдения в наиболее ответственных случаях, требующих особого внимания. Регистрационному отделу вменялось в обязанность проверять приезжающих в столицу [142, с. 55].

В 1880 г. подобное отделение было создано при московском обер-полицмейстере («Секретно-розыскное отделение при Канцелярии Московского обер-полицмейстера»). В документах Департамента полиции конца XIX–XX вв. Московское охранное отделение, возглавляемое полковником С. В. Зубатовым, которого современники называли «гением сыска», отмечалось как образцовое. При отделении работали школа агентов наружного наблюдения и летучий отряд филёров. Сфера деятельности Московского охранного отделения распространялась и за пределы столицы. Опыт московского сыска переносился в другие регионы. Положительные результаты деятельности Московского охранного отделения привели к постепенному распространению полученного опыта на всю территорию страны.

В борьбе с политическим терроризмом повышалась и роль местных органов государственной власти. В 1879 г. территория страны была поделена на шесть временных генерал-губернаторств. Возглавлявшие их генерал-губернаторы были наделены дополнительными полномочиями в деле борьбы с государственными преступлениями, сопряженными с проведением террористических актов.

Реорганизация управления в 70-е гг.

В конце 70-х гг. XIX в. успешная террористическая деятельность народолюбцев выявила серьезные недостатки *в управлении правоохранительными органами*. Стала очевидной необходимость централизации полицейского аппарата. После очередного покушения на жизнь императора, совершенного 5 февраля 1880 г. С.Н. Халтуриным в Зимнем дворце, для борьбы с полити-

ческим терроризмом именованным указом Императора Александра II 12 февраля того же года была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым.

26 февраля 1880 г. Александру II был представлен «Всеподданнейший доклад» председателя комиссии, в котором обосновывалась необходимость объединения всех полицейских властей как «единственно верный путь для достижения успехов в мерах против крамолы». В качестве «одной из главнейших причин неуспеха в борьбе с революционными силами» автор доклада определил именно разрозненность действий правительственных лиц и учреждений [128, Л. 1]. Поэтому основной задачей комиссии являлась организация «действия всех властей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [428, с. 450].

Руководителю Комиссии подчинялись все без исключения органы власти и должностные лица, отменить его распоряжения мог только он или император. Во временное подчинение начальника Комиссии было передано III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, а затем и Отдельный корпус жандармов. Были проведены и кадровые перестановки – на место генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна, отстраненного от должности шефа жандармов, был назначен генерал-майор П. А. Черевин – член Верховной распорядительной комиссии [231, с. 114]. Комиссия централизовала усилия по борьбе с политическим терроризмом и внесла огромный вклад в дальнейшее развитие органов политического сыска.

Департамент полиции

Деятельность Комиссии, а также проведённая летом 1880 г. сенатором И. И. Шамшиным проверка работы III Отделения показали необходимость проведения тотальной реформы всей системы политического сыска.

После представления 1 августа 1880 г. М. Т. Лорис-Меликовым на имя Императора Александра II соответствующей записки с предложениями по

преобразованию политической полиции императорским указом «О закрытии Верховной распорядительной комиссии и упразднении III Отделения С.Е.И.В. канцелярии, об учреждении Министерства почт и телеграфов» от 6 августа 1880 г. все дела Комиссии и III Отделения передавались в Министерство внутренних дел. Одновременно в составе министерства создавался Департамент государственной полиции (с 1883 г. Департамент полиции), который принял на себя исполнение всех функций III Отделения и просуществовал до падения российского самодержавия в феврале 1917 г.

Первоначально организационно-штатная структура Департамента полиции включала три делопроизводства (отдела) при общей численности сотрудников 125 человек. 1-е (распорядительное) делопроизводство занималось вопросами учета кадров, 2-е (законодательное) осуществляло контроль за деятельностью полицейских учреждений, разрабатывало инструкции и наставления, курировало вопросы охраны государственной границы, 3-е (секретное) занималось разработкой оперативно-розыскных мероприятий, учетом секретной агентуры, вопросами организации охраны императора и членов правительства, контролем финансирования полицейского розыска. Информационно-справочное обеспечение оперативно-розыскной деятельности возлагалось на справочную часть, имевшую в своем распоряжении фототеку лиц, причастных к революционной деятельности или находящихся под подозрением, и библиотеку нелегальной литературы, которые перешли к Департаменту полиции от упраздненного III отделения С.Е.И.В.К. [22, с. 6].

Организационно-штатная структура Департамента полиции постоянно совершенствовалась. В 1898 г. функции оперативно-розыскной деятельности и учета агентуры 3-го секретного делопроизводства были переданы вновь созданному Особому отделу, занимавшемуся исключительно оперативно-розыскной деятельностью, в том числе и за границей.

Структурные подразделения Особого отдела занимались наиболее опасными революционными организациями, осуществлявшими террористи-

ческую деятельность [400, с. 120]. Деятельность Особого отдела была полностью автономной и секретной, для чего он был изолирован от канцелярии и делопроизводства Департамента полиции [244, с. 24]. К 1917 г. функции контроля за работой всех звеньев политической полиции и важнейшими аспектами политической жизни страны были сосредоточены в десяти делопроизводствах Департамента полиции [386].

Ликвидация III Отделения и передача управления политической и общей полицией в МВД инициировали процесс объединения руководства всеми видами полиции в рамках одного ведомства. С точки зрения современных исследователей темы, образование Департамента полиции обозначило новый этап в развитии общегосударственной системы политического сыска [537, с. 41].

Отдельный корпус жандармов в 80 е гг.

В ходе реформы органов политической полиции был изменен статус жандармского ведомства. Руководство корпусом жандармов было поручено министру внутренних дел на правах шефа жандармов, осуществлявшему «высшее направление всех следственных по государственным преступлениям дел» [437, Л. 1]. Первым министром внутренних дел и шефом жандармов был назначен М. Т. Лорис-Меликов.

Жандармские управления имели двойное подчинение: в административно-строевом и хозяйственном отношении они подчинялись Штабу Отдельного корпуса жандармов, в вопросах расследования государственных преступлений – Департаменту полиции Министерства внутренних дел.

В состав Отдельного корпуса жандармов входили: штаб корпуса, 75 губернских жандармских управлений, жандармские управления в Одессе, Омске, Кронштадте, жандармские управления на железных дорогах, Санкт-Петербургский, Варшавский, Московский дивизионы, военно-городские команды в городах [54, с. 29–31].

С ноября 1880 г. жандармский корпус был переведен в полное подчинение губернской власти. Специальный циркуляр министра внутренних дел

определил новый порядок направления донесений начальников губернских жандармских управлений губернаторам, которые «по получении этих сообщений и по всем вопросам вообще, имеющим характер государственных преступлений, входили бы в непосредственное сношение с Департаментом государственной полиции» [113, Л. 15а]. Это существенно ослабило влияние жандармов на все стороны общественно-политической жизни империи. Практика ограничения прав жандармерии в борьбе с государственными преступниками не привела к улучшению общественно-политического положения в России и не способствовала снижению революционной активности.

Судебный отдел Департамента полиции

Необходимость в преодолении ведомственной разобщенности привела к созданию 15 ноября 1880 г. в структуре Департамента полиции Судебного отдела, на который вместо расформированного судебно-политического отделения Верховной распорядительной комиссии была возложена обязанность по подготовке к судебному разбирательству дел о государственных преступлениях и взаимодействию по этим делам с судебными органами Министерства юстиции.

В результате проведенной реформы МВД превратилось в ключевое звено государственного аппарата и оставалось таковым до февраля 1917 г.

Изменения в системе управления в 80-е гг.

Существенное влияние на дальнейшее развитие системы противодействия политическому терроризму оказало убийство 1 марта 1881 г. террористами Императора Александра II. В системе управления политической полицией была восстановлена независимость жандармерии на местах. Согласно циркуляру от 9 июня 1881 г. установленный М. Т. Лорис-Меликовым порядок непосредственной оперативной подчиненности жандармских губернских управлений губернаторам отменялся, и возобновлялось их прямое взаимодействие с Департаментом государственной полиции.

Для усиления централизации руководства и повышения уровня взаимодействия всех полицейских органов Империи указом от 25 июня 1882 г. в МВД вводилась новая должность товарища министра внутренних дел – заведующего полицией. Указ разграничивал права и обязанности по «предупреждению и пресечению преступлений» между министром внутренних дел и товарищем министра. Они были конкретизированы высочайше утверждённой и введённой в действие 16 июля 1882 г. «Инструкцией товарищу министра внутренних дел – заведующему полицией». Согласно инструкции на товарища министра внутренних дел возлагалось общее руководство Департаментом полиции, обер-полицмейстерами, губернаторами и градоначальниками. Одновременно он становился командиром Отдельного корпуса жандармов и руководителем подразделений общей полиции.

В результате принятых мер к концу XIX в. были расширены функции МВД и местных правоохранительных органов, ужесточалось преследование государственных преступников. Осуществлялось организационное и кадровое укрепление охранных отделений и жандармских управлений. Значительно увеличилась до 733 офицеров и 9087 нижних чинов общая численность личного состава Отдельного корпуса жандармов. Состав губернских жандармских управлений возрос на 220 человек [354, с. 329].

Охрана императора

Гибель в результате террористического акта Императора Александра II свидетельствовала о серьезных недостатках в системе личной охраны главы государства и необходимости её кардинального реформирования. С августа 1881 г. в соответствии с новым «Положением об охране Его Величества» вся служба императорской охраны была подчинена самому Императору. Непосредственное планирование и осуществление охранных мероприятий осуществлял главный начальник охраны генерал-майор П. А. Черевин. Он подчинялся лично Александру III, пользовался его безграничным доверием и имел практически неограниченные полномочия. Требования главного начальника, касающиеся

охраны Государя, были обязательны для исполнения не только политической и общей полицией, но и другими органами государственной власти. Департамент полиции представлял Черевину всю имеющуюся у него оперативную информацию о возможных террористических актах.

Наряду с личным Конвоем Императора для охраны маршрутов его передвижения в марте 1881 г. из личного состава императорской гвардии была сформирована Сводно-гвардейская рота, которая с 1883 г. была переформирована в Сводно-гвардейский батальон, а с 1907 г в Сводно-гвардейский полк. Были приняты меры к усилению безопасности Императора при переезде по железным дорогам. С этой целью на базе существовавшего с 1876 г. специального железнодорожного батальона была организована инспекция железных дорог. Кроме того, почти в 2,5 раза с 42 до 102 человек увеличивалась Дворцовая полиция, в составе которой появилась новая структура – Секретная часть [247].

Создание центров секретной агентуры за границей

Массовые аресты революционеров в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в России вызвали их эмиграцию за рубеж. Здесь формировались их новые политические центры, которые вели издательскую деятельность, закупали и переправляли в Россию оружие и взрывчатые вещества, вели агитационно-пропагандистскую работу в защиту российских террористов. Эти обстоятельства способствовали усилению роли в борьбе с политическим терроризмом российской заграничной агентуры, вели к усилению взаимодействия с европейскими спецслужбами.

В начале 80-х гг. XIX в. Департамент полиции основал в Европе постоянную секретную агентуру с центрами в Париже и Женеве, позднее в Берлине. Создание Парижского бюро Заграничной агентуры осуществлял надворный советник П. В. Корвин-Круковский под общим руководством и наблюдением русского посла князя Н.А. Орлова [469, с. 77; 368, с. 180].

Организационно заграничная агентура подчинялась 3-му делопроизводству (с 1898 г. – Особому отделу). На её финансирование выделялись

бюджетные средства. К началу XX столетия русские зарубежные агенты действовали в большинстве стран Западной Европы, а также в США и Канаде.

Заграничная агентура следила за передвижениями эмигрантов-террористов, выявляла их планы, пути транспортировки оружия и литературы, распространяла информацию о политической жизни в России. Громким делом группы заграничных агентов стала ликвидация в ноябре 1886 г. типографии «Народной воли» в Женеве [558, с. 128].

Политическая полиция в начале XX столетия

В начале XX в. основной упор в развитии организационной структуры правоохранительных органов, занимающихся противодействием терроризму, был сделан на охранные отделения. В 1900 г. при варшавском губернаторе было создано третье в стране охранные отделение («Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Варшаве»). В августе 1902 г. с резким возрастанием террористической угрозы подобные охранные отделения создаются в городах: Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове. К концу 1902 г. розыскные отделения функционировали в 14 регионах страны. Особое внимание развитию и укреплению розыскных отделений в столицах и на периферии уделял министр внутренних дел В. К. Плеве, назначенный в 1902 г. вместо убитого Д. С. Сипягина.

В структуре охранных отделений основное место занимали агентурный и наружного наблюдения отделы, занимавшиеся сбором и анализом оперативной информации. Сюда направлялись данные, полученные от секретных агентов и филеров, а также результаты перлюстрации писем, проводимой сотрудниками специальных отделений («черных кабинетов») при почтамтах. Работу этих отделов обеспечивали канцелярия и секретное делопроизводство, являвшиеся структурными элементами охранных отделений [463, с. 65].

Дальнейшее совершенствование организационной структуры и управления органов политического сыска продолжалось условиях ширококомаштабной террористической деятельности, развернутой революционными ор-

ганизациями в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. В период наивысшего подъёма революции в декабре 1906 г. для повышения гибкости системы управления сложившейся к этому времени сети охранных отделений было создано 8 районных охранных отделений, контролировавших и направлявших работу охранных отделений нескольких губерний. Районные охранные отделения представляли собой промежуточные звенья управления между центральным органом – Департаментом полиции и местными охранными отделениями. В целях координации действий местных охранных отделений и жандармских управлений должности начальников районных охранных отделений могли совмещаться с должностью начальника местного губернского жандармского управления или охрannого отделения. На должности районных охранных отделений, расположенных в столицах и ряде крупных городов центра России, временно назначались начальники губернских жандармских управлений. Начальники местных охранных отделений переходили в их непосредственное подчинение. В районные охранные отделения стекалась информация по результатам проводимых оперативно-розыскных мероприятий от местных учреждений политического сыска, что позволяло более быстро реагировать на возникающие террористические угрозы.

Районные и местные охранные отделения просуществовали до 1914 г., когда в связи с фактическим прекращением активной террористической деятельности и необходимостью сокращения финансовых затрат на содержание аппарата практически все они были ликвидированы.

Реформирование политической полиции, проведенное министром внутренних дел В. Ф. Джунковским накануне Первой мировой войны, значительно ослабило её возможности по борьбе с революционным движением и террористической угрозой. Кроме ликвидации охранных отделений, были уволены со службы наиболее опытные жандармские офицеры и чиновники, значительно сокращено количество секретных агентов и филеров, сведена к минимуму оперативно-розыскная деятельность, связанная с предупреждением новых террористических актов.

Одновременно в Государственной Думе началась разработка проекта о передаче функций обеспечения госбезопасности от политической к обычной полиции. В случае его реализации сложившаяся в течение десятилетий система политического сыска оказалась бы фактически уничтоженной. Однако данный замысел не нашел поддержки у большинства депутатов Государственной Думы.

Принятые меры по укреплению организационной структуры политической полиции значительно повысили её деятельность, но не решили всех имевшихся проблем. Усложнение задач борьбы с революционным движением в последней четверти XIX в. не позволило ликвидировать многозадачность Отдельного корпуса полиции. Личный состав корпуса по-прежнему выполнял функции политической, военной, транспортной и отчасти уголовной полиции. Кроме того, средняя статистическая численность его личного состава в масштабах страны оставалась явно недостаточной: на каждые 168 тыс. человек населения империи приходилось по 1 офицеру и 14 нижних чинов [561, с. 13].

Особенность организационной структуры политической полиции, заключавшаяся в её неоднородности, значительно снижала эффективность антитеррористической деятельности. Губернские жандармские управления и охранные отделения при общности решаемых задач имели различную подчинённость и источники финансирования, что способствовало возникновению конфликтных ситуаций, обусловленных соперничеством между этими силовыми структурами. Однако, несмотря имевшие место ошибки и просчеты, существовавшие в конце XIX – начале XX вв., организационное строение и система управления в целом обеспечивали способность правоохранительных органов контролировать деятельность террористических организаций и вести эффективную борьбу с ними [561, с. 16].

Подбор и расстановка кадров

Важнейшим направлением в деятельности органов государственного управления по укреплению политической полиции являлась кадровая работа, связанная с подбором, расстановкой и обучением кадров. Весь личный состав политической полиции делился на три категории: офицерский, нижние чины и гражданские чиновники.

Требования, предъявляемые к кадрам

Особый статус правоохранительных органов, призванных вести борьбу со всяким проявлением инакомыслия и попытками изменить существовавшее государственное устройство, определял требования к его кадровому составу. При подборе кандидатов учитывалось, что офицеры и чиновники политической полиции, выполнявшие свои обязанности в губерниях и уездах, пользовались практически неограниченными правами в отношении всех лиц губернской и уездной администрации и непосредственно могли влиять на судьбу каждого [245, с. 62].

Офицерские кадры

Особые требования предъявлялись к морально-психологическим и нравственным качествам жандармских офицеров. Важнейшими из них являлись политическая благонадежность, честность и неподкупность, нравственное превосходство над революционерами, развитое чувство офицерской чести или служебного долга. Моральное превосходство достигалось формированием чувства преданности престолу, уважения к закону, осознанием антигуманной сущности терроризма, как метода политической борьбы. От личного состава политической полиции требовалось действовать исключительно в рамках правового поля, с применением только разрешенных методов работы [561, с. 14].

Между тем, как свидетельствуют исторические исследования, на стадии формирования Корпуса жандармов подобрать офицерские кадры, полно-

стью удовлетворяющих предъявляемым требованиям, оказалось весьма затруднительным. Император и руководство Министерства иностранных дел считали политическую полицию элитной государственной структурой, в которой должны служить представители знатных дворянских и аристократических семейств. В действительности зачастую не только гвардейские, но и армейские офицеры отказывались от предлагаемых назначений по этическим соображениям. В период формирования корпуса еще оставались свежими события, связанные с разгромом декабристских тайных обществ. Поэтому многие дворянские офицеры считали голубой жандармский мундир «одеждою доносчиков», несопоставимый с офицерской честью и «производящий отвращение» даже у тех, «кои решались его надевать» [152, с. 221–222]. Назначения на офицерские должности первоначально решались исключительно по представлениям самого начальника III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии генерал-адъютанта Бенкендорфа [245, 59–63].

В 1829 г. в связи с недостатком офицерских кадров, учитывая особую важность жандармских частей, во все армейские корпуса был направлен циркуляр о представлении списков кандидатов из числа наиболее опытных и благонадёжных кавалерийских офицеров для укомплектования жандармских частей и подразделений [124, Л. 6]. Анализ архивных документов свидетельствует, что с момента образования жандармского ведомства вопросы его комплектования решались с учётом возрастного и сословного ценза, выслуги лет и характера предшествующей службы кандидатов. Как правило, в жандармерию не зачислялись лица моложе 25 лет. Официально запрещался перевод в корпус жандармов офицеров службы Генерального штаба, отдельного Гренадерского и Путей сообщения корпусов. До 1838 г. был запрещён перевод и из военно-учебных заведений [119, Л. 4–5]. После Польского восстания 1830–1831 гг. XIX в. для жандармских офицеров были введены ограничения по национальной и религиозной принадлежности. Кроме поляков к службе в Отдельном корпусе жандармов не допускались евреи, католики, мусульмане, а также офицеры, женатые на католичках.

С течением времени в решении кадровых вопросов наметилась устойчивая тенденция ужесточения требований к кандидатам на службу в жандармерии. К середине XIX столетия жандармским офицером мог быть только потомственный дворянин, окончивший военное или юнкерское училище по первому разряду и не имевший долгов. Любое служебное взыскание, не говоря уже о подозрении в политической неблагонадёжности, являлось непреодолимым барьером при зачислении офицера в корпус [123, Л. 5]. Политическая благонадёжность офицерского состава обеспечивалась их личным обязательством не участвовать в деятельности оппозиционных и революционных организаций. У кандидата в жандармы бралась подписка о его «непринадлежности» к тайным обществам – «думам, управам и прочим, под каким бы названием они не существовали» [122, Л. 5]. В 1854 г. в текст подписки было внесено изменение, и она приняла более упрощённую форму: «Даю сию подписку в том, что я во всё время продолжения службы моей не был прикосновенен ни к какому делу, могущему препятствовать переводу моему в корпус жандармов и никогда не находился ни под каким следствием» [122, Л. 5; 126, Л. 33].

Для младших офицеров, пожелавших служить в Корпусе жандармов, с марта 1830 г. устанавливался от двух- до четырёхмесячного испытательного срока, в ходе которого проверялись уровень общеобразовательной подготовки, нравственные качества, навыки в кавалерийской езде, а также выявлялись «умение и способности» к несению жандармской службы. Перед зачислением в Корпус офицерский состав, как правило, приглашался на личную аудиенцию к шефу жандармов, в ходе которой происходило назначение на должность, а кандидатам, назначаемым на должности штаб-офицеров и генералов, давались необходимые инструкции [125, Л. 12].

В Отдельном корпусе жандармов офицерские воинские чины соответствовали кавалерийским: корнет, поручик, штабс-ротмистр, ротмистр, подполковник, полковник.

В 1865 г. Александр II утвердил «Правила о комплектовании жандармских частей», ставшие первым юридическим документом, регламентировавшие кадровую работу в Отдельном корпусе жандармов. В соответствии с Правилами на командные должности жандармских частей назначались лучшие армейские офицеры, имевшие боевой опыт, приобретённый в кавказских или крымских войнах.

В 70-гг XIX в. решение о зачислении армейских офицеров в Корпус принималось на основании заключения особой комиссии под председательством помощника начальника Штаба корпуса. Порядок приема стал регламентироваться «Правилами для определения в корпус жандармов вновь поступающих лиц». Кандидаты в жандармские офицеры тщательно проверялись и в случае успешного прохождения испытаний, считались прикомандированными к Штабу корпуса для прохождения стажировки и приобретения «необходимых в его будущей деятельности познаний». Общее количество прикомандированных не должно было превышать 15 человек. После окончания стажировки кандидат в жандармские офицеры должен был сдать специальной комиссии экзамены, в ходе которых проверялись его теоретические знания и приобретенные практические навыки служебной деятельности [245, с. 73].

К этому времени статус жандармского офицера значительно повысился. Служить в корпусе было престижно. По воспоминаниям генерал-майора А. И. Спиридовича, служба в жандармском корпусе была «предметом зависти» молодых офицеров. Перевестись из полка в корпус жандармов «было очень трудно». Для поступления на жандармские курсы была необходима протекция [491, с. 28–30].

Тем не менее в период развития политического терроризма, когда служба жандармов была связана с риском для жизни, ведомство испытывало недостаток в офицерских кадрах. Так, во всеподданнейшем докладе шефа жандармов от 4 сентября 1878 г. отмечались серьезные кадровые затруднения, поскольку «вступить ныне на столь тяжкую, ответственную и даже для

жизни опасную службу, не представляющую собою достаточного вознаграждения за труд, почти не находится» [98, с. 152].

В конце XIX в. – начале XX в. правила отбора в жандармские офицеры еще более усложнились. Они регламентировались «Положением о корпусе жандармов» 1867 г., «Правилами для определения в корпус жандармов вновь поступающих лиц» от 17.05.1871 г., «Правилами...» от 23.07.1903 г. «Памятной запиской об особых условиях для комплектования состава офицерских чинов Отдельного корпуса жандармов и о повторных курсах» от 20 октября 1912 г. «Положением о приёме офицеров в Отдельный корпус жандармов» от 24.12.1913 г. [118]. Разработанные в них принципы во многом используются и в современной системе комплектования органов государственной безопасности.

Положение 1913 г. кроме образовательного ценза устанавливало возрастные ограничения кандидатов от 24 до 33 лет, а также наличие у них офицерского чина не выше ротмистра (капитана) и шестилетней выслуги в войсках. После подачи заявления биография и служебная деятельность кандидата тщательно проверялась. При этом обращалось внимание на причины, по которым офицер изъявил желание перейти в Корпус жандармов, условия и образ его жизни, семейное положение, а также наличие денежных долгов [455, с. 168].

При положительных результатах проверки кандидат в жандармские офицеры приглашался в Штаб корпуса, где выдерживал предварительные экзамены и в случае их успешной сдачи заносился в кандидатский список. Находиться в этом списке можно было несколько лет до тех пор, пока не подойдет очередь. Затем кандидат опять вызывался в Штаб корпуса, где обязан был пройти подготовительные курсы и вновь успешно сдать экзамены. Только после этого приказом по корпусу он назначался на должность. Назначение во многом зависело как от количества набранных на экзамене баллов, так и от личных пожеланий офицера.

В результате проводимой по отношению к офицерскому составу кадровой политики Корпус жандармов, по мнению современников, стал представлять собой «сильно сплочённую, компактную массу консервативного направления и убеждения людей, беззаветно преданных Государю Императору, охраняющих престол и сохранение государственного и общественного строя» [349, с. 192].

Продвижение по служебной лестнице жандармских офицеров осуществлялось в основном не по протекции, а по деловым качествам. Благодаря этому на руководящих должностях оказывались личности незаурядные, обладающие гибким мышлением и высокими профессиональными качествами. Среди них министр внутренних дел граф Д. А. Толстой (с 1882 по 1889 гг.), его заместитель генерал П. В. Оржевский, директора Департамента полиции В. К. Плеве и П. Н. Дурново, начальник Петербургского охранного отделения Г. П. Судейкин, руководитель заграничной агентуры П. И. Рачковский. Именно благодаря им в конце XIX – начале XX вв. была создана эффективная система борьбы с терроризмом [502, с. 106].

С появление охранных отделений их начальниками рекомендовано было назначать лучших офицеров Корпуса жандармов. В 1905–1914 гг. Московское охранное отделение возглавляли Е. К. Климович, М. Ф. фон Котен и П. П. Заварзин, А. П. Мартынов, которые успешно справлялись с возложенными на них обязанностями в сложное, беспокойное для России время, когда деятельность террористических и экстремистских революционных партий достигла широких размеров. Они внесли существенный вклад в усовершенствование политического розыска в Москве и предотвращение деятельности террористических партий [416, с. 16].

Нижние чины

Комплектование жандармских подразделений нижними чинами до 1828 г. осуществлялось из батальонов Отдельного корпуса внутренней стражи. Особых требований к ним не предъявлялось, поэтому, пользуясь случа-

ем, командиры батальонов стремились избавиться от нерадивых солдат. Как отмечал в своем рапорте от 21 октября 1826 г. командир московского жандармского дивизиона подполковник Дезош, «господа батальонные командиры присылают людей самого дурного поведения, <...> которые в следовании до Москвы успевают наделять разных бесчинств». Командир дивизиона просил убрать из его подразделения 56 нижних чинов, приверженных к пьянству и не способных к верховой езде. В Санкт-Петербургском жандармском дивизионе таких оказалось 37 человек [121, Л. 5, 10].

Неудовлетворенный таким положением дел Николай I указом от 27 ноября 1826 г. установил критерии отбора нижних чинов в жандармские подразделения. Основным показателем для службы в жандармском ведомстве стало «отличное поведение» при 10-летней выслуге и положительной характеристике, подписанной полковым и эскадронным командирами (батальонного и ротного командира для нижних чинов внутренней стражи). Офицеры, подписавшие характеристику, несли личную ответственность за её объективность. При этом устанавливался полугодовой испытательный срок, по результатам которого принималось окончательное решение о зачислении нижнего чина в Корпус либо на отправку его обратно в войска [121, Л. 83].

С 1828 г. подбором кадров нижних чинов для жандармских подразделений стали заниматься адъютанты по строевой части. Кадровая служба на тот период еще не сложилась.

С 1865 г. дополнительно к кандидатам из войск разрешался набор нижних чинов из запаса. Они подписывали обязательство прослужить не менее 5 лет, что фактически означало службу по контракту. «Правила о комплектовании жандармских частей» 1865 г. четко определяли требования к физическим и морально-психологическим качествам нижних чинов: рост не менее 1,6 м, наличие 3-х летней выслуги, отсутствие судимости, отличное знание службы и способностей к ней [269, с. 125].

Из армейских нижних чинов, преимущественно из унтер-офицеров, готовились агенты наружного наблюдения (филеры).

Гражданские чиновники допускались в жандармерию в исключительных случаях при острой нехватке офицерских или унтер-офицерских кадров, как правило, на должности адъютантов с присвоением звания секретаря. В этих случаях их классные чины приравнивались к обер-офицерским [423, с. 774].

Большое количество гражданских лиц нанимались в полицию агентами наружного наблюдения. Вольнонаемные филеры были представлены преимущественно выходцами из сословия сельских обывателей, гораздо реже из мещан. Так, например, в Саратовском губернском жандармском управлении вольнонаемные агенты из крестьян составляли 75%, из мещан – 8% [158].

Секретная агентура вербовалась гражданскими лицами из числа самих террористов, либо внедрялась в террористические организации под прикрытием. Они считались сотрудниками охранных отделений (жандармских управлений) и получали денежное вознаграждение за передаваемую информацию из секретных фондов Департамента полиции. В особых случаях наиболее способные секретные агенты могли включаться в штат, переводиться на легальную работу и продвигаться по службе. Показательна в этом отношении служебная карьера начальника московского охранного отделения С. В. Зубатова, благодаря деятельности которого в систему политического сыска внедрялся профессионализм, построенный на понимании причин, целей и побудительных мотивов преступной террористической деятельности и учёте психологии террористов.

С течением времени гражданскими лицами заполнялись вакансии вспомогательного персонала: фотографов, криминалистов, шифровальщиков, служащих канцелярий и др. Старшие служащие назначались на должности по представлению начальника жандармского управления (охранного отделения) Директором Департамента полиции. Прочие служащие назначались начальником жандармского управления.

Подготовка кадров

До середины 60-х гг. XIX в. вопросам обучения жандармских чинов должного внимания не уделялось. В «Положении о Корпусе жандармов» 1836 г., подробно разъяснявшем состав Корпуса, порядок его комплектования офицерами, служащими и нижними чинами, их обязанности, прохождение службы, размещение и финансирование, вопросы обучения личного состава были полностью опущены [423, с. 772–782]. Поэтому на практике система обучения офицеров и нижних чинов мало чем отличалась от армейской.

В пореформенный период в связи с активизацией деятельности революционных организаций и нарастающей в стране террористической угрозой требования к подготовке жандармов стали более жёсткими. Профессиональная подготовка офицерского состава Корпуса осуществлялась на созданных при Штабе Корпуса пятимесячных подготовительных курсах. Программа курсов предусматривала изучение организационно-штатной структуры Корпуса, должностных обязанностей, в том числе специальных прав и обязанностей чинов железнодорожных жандармских управлений, порядка ведения дознания, делопроизводства, телеграфного дела и истории революционного движения.

К началу XX столетия офицеры в курс обучения были введены основы полиграфии, криптографии, фотографии, методы идентификации личности. Большое значение придавалось изучению форм и методов работы подпольных организаций, особенно террористического толка. Изучались конкретные уголовные дела о покушениях, история революционных партий и движений [159, с. 107–108].

Для повышения квалификации офицерского состава при Департаменте полиции были учреждены Повторные курсы, окончание которых давало право на занятие должностей выше адъютанта.

В системе обучения офицерских кадров большое внимание отводилось привитию навыков практической работы при выполнении служебных обя-

занностей. В целях обмена опытом работы, повышения квалификации офицеров практиковалось проведение региональных и общероссийских совещаний сотрудников губернских жандармских, железнодорожных полицейско-жандармских управлений, охранных отделений при участии представителей Департамента полиции и штаба корпуса жандармов. Обязательным элементом подготовки офицерских кадров была самостоятельная работа по изучению приказов, циркуляров и инструкций Департамента полиции, министра внутренних дел, а также программ и уставов политических партий, решений и резолюций их съездов и заседаний ЦК.

Полученные знания в целом позволяли офицерскому составу успешно выполнять поставленные задачи. Однако некоторые из бывших руководителей Корпуса отмечали, что подготовка жандармских офицеров не отвечала духу времени, так как они «не обладали для этого необходимым образованием» и не повышали свою квалификацию после окончания подготовительных курсов [271, с. 117]. Серьезный недостаток подготовки, как полагают некоторые современные исследователи, заключался и в том, что жандармских офицеров не обучали оперативно-розыскной деятельности [561, с. 13]. Этот и другие недостатки вследствие явного ослабления профессиональной подготовки кадров стали со всей очевидностью проявляться в период Первой мировой войны. В 1916 г. Департамент полиции отмечал неподготовленность кадров местных органов политической полиции, в особенности начальствующего состава, к организации и проведению оперативно-розыскных мероприятий «в тех размерах, которых его приходится вести сейчас и который придется вести в будущем, при окончании войны» после демобилизации революционных сил» [353]. Такой вывод подтверждался, например, результатами проводимых Департаментом полиции проверок состояния подготовки офицерского состава Саратовского губернского жандармского управления [140, с. 20].

Подготовка нижних чинов и гражданских чиновников Корпуса не имела системного характера и осуществлялась в процессе практической деятель-

ности в соответствии с издаваемыми инструкциями [234, с. 204]. Со второй половины XIX в. больше внимания стали уделять общеобразовательному уровню нижних чинов. В 1859 г. специальным приказом по корпусу жандармов во всех частях и подразделениях жандармерии для них были открыты «школы грамотности», которые снабжалиськупаемыми за счет бюджетных средств учебной литературой [127, Л. 30, 38–40; 245, 69].

Несмотря на высокие требования, предъявляемые в начале XX в. к агентам наружного наблюдения, их подготовка во многом не удовлетворяла требованиям времени. В руководящих документах были сформулированы требования к филерам: крепкое здоровье с хорошим слухом, зрением и памятью, политическая благонадежность и высокая нравственность, общительность без болтливости, неброская внешность, грамотность, умение составлять словесный портрет, ношение одежды, не отличающейся от окружающих, знание истории и организационной структуры революционных партий и т. п.

Обязательным условием для работы филером была грамотность, расторопность и высокие нравственные качества [142, с. 57]. На филерскую службу старались отобрать наиболее подготовленных унтер-офицеров. Специфика этой службы требовала особой профессиональной и политической надёжности [159, с. 114–115]. Поэтому в начале XX в. филерам в обязательном порядке разъяснялись такие понятия, как «государственное преступление», «революционер», «формы и методы деятельности революционных партий», «несостоятельность учений революционных партий» и др.» [455, с. 167].

Однако на практике начальники местных охранных отделений в качестве основных недостатков филеров отмечали их «недостаточное умственное развитие, отсутствие инициативы, находчивости», недостаточное знание современных методов работы, отсутствие опытных руководителей наружным наблюдением. Поэтому Департамент полиции принимал меры по обучению филеров современным приемам наружного наблюдения. В 1906 г. активно обсуждался вопрос о создании специальных школ подготовки агентов

наружного наблюдения. Однако, несмотря на предпринимаемые в этом направлении меры, такие школы так и не были организованы [158].

Секретную агентуру в целях конспирации, как правило, учили их кураторы. В начале XX в. методы работы секретных агентов разъяснялись в инструкциях Департамента полиции.

Общая характеристика кадров в начале XX в.

В целом благодаря сложившейся системе подбора, расстановки и обучения личного состава политической полиции её кадровый состав отвечал необходимым требованиям позволяющим оказывать успешное противодействие политическому терроризму. Однако, как отмечается в некоторых современных исследованиях, накануне и в годы Первой мировой войны «низкий уровень заработной платы, падение престижа полицейской службы, объясняемой во многом мерами по дискредитации полиции со стороны противников существующего строя, привели к дефициту кадров и падению их профессионального уровня. Действия, предпринимаемые правительством по совершенствованию квалификации и улучшению материального положения той категории кадрового корпуса, не носили планомерный характер и не были выполнены в полном объеме» [140, с. 16].

Развитие форм и методов борьбы с терроризмом

Помимо развития организационной структуры органов политического сыска качественным изменениям в последней четверти XIX в. – начале XX в. подвергались формы и методы борьбы с терроризмом.

В целях получения информации о преступной деятельности террористических групп и отдельных лиц применялись внутреннее (агентурное) и внешнее (филерское) наблюдение, перлюстрация корреспонденции. Агентурные сведения подвергались аналитической обработке, по результатам которой разрабатывались новые организационно-розыскные мероприятия по поимке преступников или предотвращению новых терактов.

Наружное наблюдение

Служба наружного наблюдения использовалась Министерством внутренних дел, начиная с 1802 г. Агенты наружного наблюдения – филеры (от фр. *filer* – выслеживать) использовались как уголовной, так и политической полицией. Этот методом борьбы с политическими преступниками оставался основным в деятельности органов политического сыска до начала 80-х гг. На начальном этапе деятельность агентов была достаточно примитивной, поскольку не существовало отработанной системы отбора и подготовки филеров. Отсутствие профессиональных навыков агентов компенсировалось неопытностью самих заговорщиков [580, с. 32].

Со временем по мере получения практического опыта структура и методы работа подразделений наружного наблюдения совершенствовались. В 1894 г. при Московском охранном отделении создается «Летучий отряд филеров» («Особый отряд наблюдательных агентов»), насчитывавший в период своего формирования 30 агентов наружного наблюдения. Его первый начальник Е. П. Медников сумел создать лучшую в России школу филеров. Деятельность отряда не ограничивалась только территорией города, по указанию Департамента полиции, в целях сохранения конспирации работы местных органов филеры отряда командировались в различные регионы страны. В состав Летучего отряда набирались агенты высокой квалификации, имевшие большой опыт работы и положительно зарекомендовавшие себя в ходе проведения розыскных мероприятий.

Особое положение и повышенная оплата столичных филеров формировала среди них корпоративный дух, чувство особой значимости превосходства и над агентами местных органов политической полиции. Со временем это стало причиной возникновения частых конфликтных ситуаций с начальниками губернских жандармских управлений и местных органов власти, что отчасти послужило причиной расформирования московского отряда [390, с. 172–173].

С назначением в 1902 г. начальника Московского охранного отделения В. Н. Зубатова начальником Департамента полиции опыт работы московского Летучего отряда распространился на всю территорию России. По инициативе Зубатова при Департаменте был образован центральный Летучий отряд в количестве 75 человек под командованием Е. П. Медникова, куда были включены 20 наиболее опытных столичных филеров. К 1915 г. отряд, организационно прикрепленный к Петроградскому охранному отделению, состоял из 100 штатных наблюдателей, делившихся на две группы, двух заведующих группами чиновников, двух их помощников и небольшой канцелярии [142, с. 58].

Для ведения службы наружного наблюдения были созданы соответствующие организационные структуры во всех охранных отделениях крупных городов Российской империи: Баку, Вильно, Екатеринославле, Иркутске, Одессе, Перми, Саратове и других. Их состав колебался от 12 до 30 человек [390, с. 176–177].

До начала XX в. филеры официально не являлись штатными сотрудниками политической полиции и поэтому не могли подвергаться дисциплинарным взысканиям или привлекаться к суду за свои проступки. В 1906 г. по инициативе начальника Департамента полиции М. И. Трусевича наиболее опытных и проверенных в службе филеров было разрешено зачислять в штат полиции с присвоением чинов старших околоточных надзирателей, младших городских и урядников. Эти меры способствовали повышению социального статуса филерской службы и представляли агентам наружного наблюдения определенные социальные гарантии, предусмотренные для государственных служащих.

Служба наружного наблюдения, формы и методы работы филеров регламентировались «Инструкцией филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1902 г.), а также «Инструкцией начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1907 г.), «Инструкцией по организации

наружного наблюдения» (1907 г.), «Инструкцией жандармским и розыскным учреждениям по организации и ведению наружного наблюдения и правила для филеров» (1914 г.) [390, с. 174–175, 404–405; 455, с.167].

Содержание Инструкции 1914 г. давало четкие указания по выбору и назначению филеров, методам их работы, правилам ведения отчетности, ведению конного наблюдения, выездам в другие районы, передаче наблюдаемых и письменным соглашениям.

В зависимости от поставленных задач и сложности их выполнения определялось количество постов наружного наблюдения. Наблюдение осуществлялось как пешими филерами, так и на прикрепленных к отделению извозчицких экипажах. Для конспирации филеры с помощью париков, театрального грима и подходящей случаю одежды могли менять свою внешность.

Агенты наружного наблюдения имели при себе удостоверение с вымышленной фамилией и указанием, что он сотрудничает с полицией. В крайнем случае для предотвращения преступления филерам представлялось право производить задержание подозреваемого. При необходимости в случае недостатка доказательств агентов привлекали в качестве свидетелей в суде.

Добытые наружным наблюдением сведения филеры фиксировали в специальном дневнике («книжке»), а по прибытии в отделение отражали в рапорте («филерском листке»). В целях конспирации истинные фамилии и имена объектов наблюдения филеров в отчетных документах не упоминались, им присваивались клички, отражающие внешность или то впечатление, которое производит наблюдаемое лицо.

При необходимости наружное наблюдение включалось в планы оперативно-розыскной деятельности, предусматривавшие поиск преступников, объявленных в розыск. В этом случае филеры, снабженные фотографиями преступников, направлялись в места массового скопления людей (порты, вокзалы и т. д.). Личный состав петербургского отряда в необходимых случаях привлекался для наблюдения за обстановкой в местах проезда императора, а также для охраны наиболее важных персон.

Работа агентов наружного сыска в периоды революционных событий крайне осложнялась и нередко становилась опасной для жизни самих филеров. Это вызывало текучку кадров и дефицит опытных филеров. Тем не менее филерское наблюдение при всей его важности имело вторичное по отношению к деятельности секретной агентуры значение и предназначалось для проверки полученных агентурным путем сведений.

Агентурное (внутреннее) наблюдение

Установленная деятельностью III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии система всеобъемлющего контроля над политической жизнью страны во многом была построена на доносительстве обывателей, что позволяло успешно вести борьбу не только с проявлением коррупции и злоупотреблений чиновников, но и с политическими преступлениями. Одно из первых после восстания декабристов политических дел было связано с раскрытием в 1831 г. революционного нелегального кружка мелкопоместного дворянина Н. П. Сингурова. Руководители кружка замыслили захват тульского оружейного завода и поднятие вооруженного мятежа с целью изменения существующего в стране политического строя. Кружок был быстро выявлен и разгромлен жандармерией по доносу его члена студента Московского университета Полника [110, Л. 6]. Подобным образом по доносу студента Киевского университета А. Петрова в 1847 г. в Украине было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество [106, Л. 1].

Другим показательным в этом отношении примером может служить донос в 1849 г. связанного с полицией некоего Антонелли, случайно ставшего членом политического общества Буташевича-Петрашевского. Антонелли сумел установить основных участников сообщества и выдать их полиции. Получив денежное вознаграждение за свою работу, он получил продвижение по службе и обеспечил будущее сестёр, находившихся на его иждивении [108, Л. 47; 109, Л. 46].

Однако доносы при всей их распространенности в России в первой половине XIX в. были мало связаны с агентурной работой полиции, т. к. сами

доносители не являлись штатными полицейскими агентами и действовали либо по малодушию, либо по убеждению совести.

Между тем о наличии у жандармских офицеров собственных секретных агентов свидетельствует замечание Шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, который считал, что в данном вопросе «не следует доверять кому бы то ни было» и даже управляющий канцелярией не должен знать всех служащих и агентов [281, с. 13].

Во второй половине XIX в. секретная агентура стала использоваться в деятельности охранных отделений. Однако особых требований к подбору секретных сотрудников в данный исторический период не предъявлялось, методы их работы специально не разрабатывались, обучение не было налажено, действовали они по большей части бесконтрольно на свой страх и риск, представляя донесения от случая к случаю. Как правило, сотрудничество с политической полицией рассматривалось осведомителями как способ дополнительного заработка или возможность карьерного роста.

Агентурное наблюдение как метод борьбы с терроризмом получило наибольшее распространение в работе политической полиции в 70-е гг. XIX в. Многие руководители политического сыска считали этот метод наиболее перспективным для борьбы с революционным движением и политическим терроризмом, позволяющий наладить системную работу и получать «точные и всесторонние сведения» о готовящихся преступлениях, а не полагаться только на удачу [390, с. 196].

В конце XIX в. роль секретной агентуры в противодействии политическому терроризму продолжала возрастать. Работа секретных агентов в нелегальных организациях стала составлять основу оперативно-розыскной деятельности. К началу XX столетия, особенно в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., окончательно сложилась система работы с секретными агентами. Она нашла свое отражение в секретной «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения», принятой 10 февраля 1907 г. [462, с. 213–229].

Секретная агентура вербовалась разными методами: обещаниями материальных благ, освобождением из-под ареста, разжиганием чувства мести, убеждением и другими. Наибольшую склонность к сотрудничеству с полицией проявляли находящиеся под арестом подозреваемые в совершении политических преступлений, материально нуждающиеся или имеющие проблемы с законом. Особо эффективной оказывалась вербовка намеченных в секретные агенты людей, задержанных на основании фактов противозаконной деятельности и содержащихся под арестом [569, с. 22-34]. Как отмечал в своих записках А. И. Спиридович, причины, толкающие людей на сотрудничество с полицией, были очень различные: от самых низменных до очень высоких [491, с. 193]. Согласно инструкции о работе с секретными сотрудниками предпочтение для вербовки отдавалось «подозревавшимся или уже привлекавшимся к политическим делам, слабохарактерным революционерам, разочаровавшимся или обиженным партией» [513, с. 16].

Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов ввел психологические методы вербовки, действуя убеждением в ходе навязанной будущему агенту теоретической дискуссии о политическом устройстве государства, задачах и смысле революционной работы и т. п. Как отмечали современники, «Зубатов обладал к тому же известным «психологическим» чутьем, положительным знанием людей и умением пользоваться их слабостями. Он почти всегда бил наверняка» [296, с. 25].

Корыстные интересы очень часто выступали главным мотивом к предательству товарищей по партии. Успешные секретные сотрудники получали солидное денежное вознаграждение. Так, руководитель боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф, начиная сотрудничество с полицией, требовал за свои услуги ежемесячную оплату в размере 50 рублей, которая в 1902 г. возросла до 500 рублей в месяц. Агент Заграничной агентуры Департамента полиции З. Ф. Гернгрос-Жученко получала пожизненную пенсию в размере 200 руб. в месяц, а услуги М. А. Загорской оплачивались 3,5 тыс. франков в месяц.

Среднемесячное вознаграждение агентов Заграничной агентуры составляло 250–300 франков [154, с. 73; 227, с. 185–188].

В задачи секретных агентов входило проникновение в революционную среду, посещение тайных собраний революционеров, выявление антиправительственных действий, предоставление офицерам корпуса жандармов отчетов о проделанной работе [245, с. 100–102]. Инструкция по организации работы секретной агентуры требовала от начальников охранных внедрять секретных сотрудников в каждую революционную организацию, действующую на подотчетной охранному отделению территории. Нередко в одной организации действовали несколько секретных сотрудников, которых не предупреждали о наличии в организации других осведомителей. Этим достигались контроль деятельности агентов и перекрестная проверка достоверности предоставляемых ими сведений. «Самая верная система секретной агентуры, – отмечалось в одном из верноподданейших докладов шефа жандармов, – парная, то есть когда в одном кружке есть два агента, не знающих о службе друг друга, тогда всегда можно легко проверять достоверность их сведений» [98, с. 152].

Агенты внутреннего наблюдения классифицировались по степени их причастности к нелегальным организациям и периодичности представляемых сведений. К первой категории относились «секретные сотрудники», т. е. агенты, считавшиеся революционерами, являвшиеся членами партийных организаций и принимавшие непосредственное участие в их работе. Вторую категорию составляли т. н. «вспомогательные сотрудники» или «осведомители» – агенты, не состоявшие в партийных организациях, но имевшие контакты с её членами и имевшие возможность получать информацию об их деятельности. По периодичности представляемых в полицию сведений они подразделялись на постоянных, случайных и «штучников», т. е. получавших денежное вознаграждение за конкретную разовую информацию [220, с. 71–83].

Секретными агентами становились не только мужчины, но и женщины, в большинстве случаев молодые незамужние студентки или представители

интеллигенции. Так, например, в конце 70-х гг. XIX в. успешно сотрудничала с полицией, предавая важную информацию о деятельности народовольческой организации, слушательница Киевских высших женских курсов Н. Я. Бабичева. В 1896 г. по сведениям секретного агента Московской охраны З. Ф. Жученко-Генгросс была раскрыта террористическая организация студента И. В. Распутина, готовившая покушение на Николая II. Секретный сотрудник Московского охранного отделения А. Е. Серебрякова, проходившая в оперативных разработках под кличками «Субботина», «Дама Туз», имела 24-летний стаж работы [112, Л. 1–3; 342; 490, с. 85–206; 390, с. 198].

Руководители политического сыска стремились к постепенному и последовательному внедрению секретного агента в революционную организацию. По свидетельству бывшего начальника московского охранного отделения П. П. Заварзина и директора Департамента полиции С. П. Белецкого, наиболее ценными и надежными считались агенты, которые проходили все стадии партийной работы и ступени партийной иерархии «от низшей к высшей» [189, с. 418; 383, с. 221]. Очень часто кураторы секретных агентов способствовали продвижению своих подопечных в руководящие партийные органы, освобождая требуемые места арестом партийных руководителей.

Система работы с секретными сотрудниками предусматривала строгую конспирацию. Первоначально настоящее имя и фамилия агента были известны только куратору из числа жандармских офицеров, начальникам охранных отделений и директору Департамента полиции. В последующем руководящие документы особо акцентировали внимание на том, что подлинные сведения об агенте должны быть известны только его куратору [302, с. 77].

Агент работал только с одним офицером, осуществлявшим его вербовку и определявшим конкретные задания по получению требуемых сведений. Обращение к секретным сотрудникам было только по присвоенным им рабочим псевдонимам, которые фигурировали во всех отчетных документах, передаваемых другим чинам жандармского ведомства для анализа и принятия необходимых решений. Практически все хранящиеся в архивах донесения

секретных агентов, являлись писарскими списками с оригиналов без определения авторства, замененного условным обозначением фамилии (чаще всего буквой алфавита). То же касается и отчетной финансовой документации жандармерии, не содержащей имен и фамилий осведомителей [111].

Для встреч жандармских офицеров с секретными сотрудниками охранными отделениями нанимались конспиративные квартиры, которые оформлялись на специально подобранные подставные лица.

В конце XIX в. в работу политической полиции стали внедряться провокационные методы работы. Первоначально подобная практика руководством политической полиции признавалась полезной, т. к. предполагалось, что провокационные действия агентов подталкивали революционеров к действиям, вызывающим общественное осуждение, и в итоге должны были обратиться против них [154, с. 71]. Провокатором считалось «такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора» [22, с. 8]. Однако в дальнейшем провокация как метод работы официально был запрещен и преследовался по закону. В инструкции о работе с секретными сотрудниками разъяснялось, что умышленное создание секретным агентом обстановки, способствующей совершению преступления, является «тяжким уголовным преступлением» и подлежит уголовному преследованию на общих основаниях [513, с. 8].

Однако провокация как метод изобличения преступной деятельности революционеров продолжал иметь место в практической деятельности политической полиции. На случаи провокации со стороны негласных сотрудников розыскных органов указывалось в специальном циркулярном письме директора Департамента полиции М. И. Трусевича начальника губернских жандармских управлений и охранных отделений от 18 января 1909 г. Причина этому представлялась в «неумелом ведении дела» или «чрезмерном непохвальном усердии должностных лиц». В этой связи директор Департамента требовал «искоренить означенную практику розыска» и «тщательно прове-

рять донесения сотрудников наружным за ними наблюдением и докладами негласных агентов, работающих в тех же организациях» [22, с. 8].

Находясь в революционной среде, агенты провокаторы высказывали крайние мнения и суждения, тем самым побуждая членов нелегальной организации к совершению преступлений. В результате полиция получала необходимые основания для разгрома нелегальной организации и поголовного ареста её членов. На грани провокации, когда для отвода подозрений приходилось вести активную революционную работу, в том числе связанную с террористической деятельностью, работало большинство секретных агентов. Наиболее показателен в этом отношении случай с Е. Ф. Азефом, агентом политической полиции, который одновременно с 1903 по 1908 гг. являлся главой Боевой организации Партии социалистов-революционеров. В качестве провокационных методов использовались распространение всевозможных слухов, ложных сведений. Нередко для этих целей использовалась пресса. Подобные действия полиции преследовали цель внести раскол в ряды революционеров, дестабилизировать обстановку в их организациях.

Наибольших успехов в этом отношении полиция добилась за рубежом. В частности, руководитель Заграничной агентуры П. И. Рачковский инициировал во французской прессе настоящую травлю российских революционеров, проживавших в Париже. В результате хорошо разработанной операции ему удалось превратить бывшего народовольца Л. А. Тихомирова в убежденного монархиста [36, с. 16].

По наиболее распространенной версии Рачковский считается инициатором подготовки фальшивых «Протоколов сионских мудрецов», якобы свидетельствующих о наличии мирового еврейского заговора, преследующего цель установления мирового господства и разрушение христианского мира. Этот дискредитирующий евреев документ, являвшихся наиболее активными участниками революционных организаций, получил широкое распространение не только во Франции и в России, но и во всем мире. Он послужил идеологическим обоснованием теории «жидомассонского заговора».

Работа секретных агентов, которых в революционной среде считали доносчиками и предателями, была сопряжена с риском для жизни. Поэтому в случае угрозы разоблачения или провала секретного сотрудника его пытались вывести из-под удара членов подпольной организации, прекращая сотрудничество с ним и направляя на жительство в другую местность, или передавали наиболее опытных и квалифицированных сотрудников для агентурной работы в другие охранные отделения. Так, например, «сделавшемуся известным» (находившемуся на грани провала) секретному агенту Московского охранного отделения Варшавчику были выданы новые документы на имя «отставного канцелярского служителя Льва Ивановича Абрамова» для устройства на службу в Петербургское охранное отделение, где он помог выследить и арестовать рабочего Потапова, участвовавшего знаменосцем в демонстрации на Казанской площади в декабре 1876 г. [112, Л. 1–2]. Не всегда разоблачение секретного агента оканчивалось так благополучно. С заподозренными в связях с полицией обращались очень жестоко. Над рабочим Куриловым на основании одних лишь подозрений в доносительстве революционеры «производили опыт в том, что человек изображает, когда в него выстрелят в упор». С особой жестокостью был убит секретный агент полиции Корилович. Ему пробили голову и облили кислотой [349, с. 89, 101]. Такие явления были особенно частыми в период Первой русской революции 1905–1907 гг., когда в органах политического сыска стали распространяться упаднические, пессимистические настроения, а вербовать новых людей и удерживать старые кадры стало тяжело [327, с. 56].

Внимания охранительных органов требовало развитие агентуры за рубежом. В Европу из России направлялись проверенные агенты сыска. Известно также, что к агентурной деятельности кроме россиян привлекались иностранные граждане, главным образом журналисты и полицейские. Их основная задача состояла в сборе необходимой Департаменту информации не только о деятельности зарубежных российских партийных организациях, но

и об общественной и личной жизни известных в России личностях, проживавших за границей [238, с. 174–188].

В начале XX в. численность секретных агентов составляла около 10 тыс. чел. На развитие агентуры было израсходовано около 5 млн. рублей [348, с. 28]. В настоящее время до конца не изученным считается вопрос о численности заграничной агентуре Департамента полиции. Точно установлены фамилии только 96 агентов [227, с. 185–188].

Несмотря на разветвленную сеть секретных агентов, созданную органами политической полиции в столицах и на местах, как полагают некоторые современные исследователи, политическое руководство страны, успокоенное относительным затишьем, наступившим после разгрома народолюбцев, не сумело правильно оценить новую угрозу политического терроризма и допустило спад в работе с секретными агентами. Как результат, органы политического сыска были не готовы к новому витку в развитии политического терроризма [308, с. 19–23].

Этот пробел спешно устранился в период революционного взрыва в начале XX в., когда самым эффективным методом противодействия политическому терроризму являлась внутренняя агентура в нелегальных организациях. Филерское наблюдение окончательно утратило свою значимость как основного метода работы полиции, поскольку давало лишь внешние факты, не освещая внутренней жизни нелегальных организаций.

Перлюстрация

В борьбе с противниками самодержавия активно использовался метод перлюстрации. Негласный просмотр корреспонденции занимал значительное место в работе политической полиции и относился к противозаконным методам работы. Поэтому сведения, полученные перлюстрацией, не включались в доказательную базу.

В крупных городах при почтамтах по согласованию с руководством почтового ведомства создавались специальные перлюстрационные комна-

ты – «чёрные кабинеты». Перлюстрации подвергалась частная переписка лиц, находящихся под подозрением, первоначально с 1813 г. по личному указанию министра внутренних дел, а с 1830 г. главноначальствующего над Почтовым департаментом Российской империи. В 1881 г. после включения Почтового департамента в состав МВД перлюстрацией вновь стал руководить министр внутренних дел. Во второй половине 80-х гг. перлюстрацией руководил старший цензор санкт-петербургской Цензуры иностранных газет и журналов, который формально занимал должность помощника начальника Главного управления почт и телеграфов, но находился в прямом подчинении министр внутренних дел. Фамилии лиц, корреспонденция которых подлежала перлюстрации, заносились в специальный список «алфавит». В различное время он включал от 300 до 1000 человек, причем не только революционеров, интеллигенции или общественных деятелей, но и высокопоставленных чиновников, военных и членов Государственной Думы [211].

Усиление контроля над почтовыми отправлениями наблюдалось в годы революционных событий, происходивших на Западе [107, Л. 1–12]. В 1848–1849 гг. только на Петербургском почтамте было вскрыто и прочитано свыше 421 тыс. писем и дипломатических депеш, а секретные расходы на перлюстрацию возросли с 60 тыс. до 81 тыс. руб. серебром в год [548, с. 246].

На местах в связи малочисленностью почтовой корреспонденции «чёрные кабинеты» не создавались, а перлюстрацию осуществляли местные охранные отделения или командированные Департаментом полиции чиновники. С 1903 г. некоторые местные охранные отделения получали от Главного управления почт и телеграфов МВД Российской империи так называемые «открытые листы» о праве осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции.

Копии перлюстрированных писем с интересующей полицию информацией старший цензор ежедневно представлял министр внутренних дел, а выписки из этих писем еженедельно передавались императору [36, с. 16].

Изменение методов политического сыска в начале XX в.

В конце XIX – начале XX вв. с развитием научно-технической базы криминалистики в работу охранных отделений стали внедряться новые, прогрессивные методы работы: антропометрия, дактилоскопия, судебно-полицейская фотография, химический анализ вещественных доказательств, прослушивание телефонных разговоров. Для разработки захваченной шифрованной корреспонденции в Особом отделе Департамента полиции была создана специальная криптографическая служба [561, с. 14].

В борьбе с революционным движением и терроризмом политическая полиция стремилась перехватить инициативу у революционных организаций, выйти за рамки собственно государственных преступлений, предлагая новые концепции работы охранных отделений. В начале XX столетия начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов разработал и попытался реализовать политику т. н. «полицейского социализма», одновременно известной как «зубатовщина», в основе которой лежала идеи государственного контроля над рабочим движением и руководства его общественными и политическими организациями. В противовес революционным партиям Зубатов инициировал создание в столицах и крупных городах легальных рабочих обществ, работавших под контролем Департаментом полиции. Так, в 1901–1903 гг. под его контролем и непосредственной поддержке были созданы легальные рабочие организации: «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», «Совет рабочих механического производства г. Москвы», «Общество взаимной помощи текстильщиков», «Еврейская независимая рабочая партия» и др. Подобные общества были созданы и в других крупных городах России: Санкт-Петербурге, Минске, Одессе. Их деятельность получила массовую поддержку у рабочих, лишала социал-демократов основной социальной базы, сводила к минимуму эффективность революционной пропаганды [75, с. 96–133].

Однако это теория на тот период не оправдала себя, поскольку подконтрольные полиции рабочие организации стали принимать участие в антипра-

вительственных забастовках, что послужило основанием для их ликвидации [204, с. 208–209]. Тем не менее основные идеи «полицейского социализма» Зубатова о государственном контроле над профессиональными организациями рабочих были воплощены в жизнь большевиками в новых исторических условиях в 30-е гг. XX в.

*Превентивные методы борьбы с терроризмом
и революционными настроениями*

Важным методом противодействия политическому террору были меры, предпринимаемые полицией по предупреждению террористических актов. Антитеррористическая деятельность политической полиции не ограничивалась только выявлением террористов и их организаций. Этому способствовало установление еще в первой половине XIX в. тотального полицейского контроля за общественной жизнью Империи. При помощи секретной агентуры осуществлялось наблюдение «за духом всего населения и за направлением политических идей общества», пресекались любые попытки «к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию коренных основ государственной, общественной и семейной жизни» [245, с. 121]. Под постоянным контролем со стороны жандармов находились «школы, публичные лекции и чтения для народа, книжная торговля и вообще все подобного рода заведения, имеющие возможность сбыта книг преступного или вредного содержания» [114, Л. 2–3]. Небезосновательно наибольшую террористическую опасность органы политического сыска в то время видели в студенческой среде и сообществах ограниченных в гражданских правах национальных меньшинств, главным образом поляков и евреев. Под постоянным наблюдением находилась деятельность преподавателей университетов и школ. Органам политического сыска предписывалось «иметь бдительное наблюдение как за характером педагогических занятий сельских учителей, так и вообще за их поведением и направлением» [116, Л. 77]. В результате составлялись «особые списки неблагонадежных», которые при этом могли быть сразу

уволены с запрещением заниматься данным видом деятельности. Политическая полиция осуществляла наблюдение за деятельностью легальных либеральных организаций и периодических изданий. Полицейский контроль распространялся на высших чиновников, деятельность судов и армейское командование.

Превентивные меры, направленные на распространение политического терроризма, предусматривало принятое 14 августа 1881 г. после убийства Александра II положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое наделяло полицейские чины особыми полномочиями. Согласно положению политическая полиция могла подвергать незамедлительному аресту любого человека лишь на основе «основательного подозрения» в причастности к государственному преступлению или принадлежности к революционной организации. При этом министр внутренних дел получил чрезвычайные полномочия внесудебным порядком направлять в ссылку, заключать в крепость или в тюрьму подозреваемых в террористической деятельности только на основании сведений, полученных агентурным путем. Несмотря на временный характер Положения, его срок действия неоднократно продлевался, а состояние «исключительного положения» в начале XX в. распространилось более чем на 1/3 населения страны.

Применение террористами взрывчатых веществ повлекло за собой принятие мер, направленных на усиление контроля над ними. Были ужесточены порядок хранения, использования и транспортировки взрывчатых веществ и компонентов для их изготовления. Положение «О приготовлении и продаже азотной кислоты», принятое 7 августа 1882 г., «Временные правила о частных складах взрывчатых веществ» от 25 июня 1882 г. ставили под контроль местной полицейской власти торговлю азотной кислотой и ее реализацию. Все эти меры затрудняли террористам изготовление взрывных устройств, необходимые химические вещества для которых и оружие стали закупаться за границей и переправляться контрабандой в Россию. Поэтому

была активизирована работа заграничной агентуры с одновременным ужесточением мер охраны границы и таможенного контроля.

Предотвращению террористических актов во многом способствовала система жесткого контроля за приезжающим в столицу населением. Для этого город был разделен на специальные районы, включавшие по несколько полицейских участков. Каждый район находился в ведении специального полицейского надзирателя. Под особым наблюдением находились гостиницы, доходные дома, меблированные комнаты. Для сбора информации привлекались домовладельцы, дворники, швейцары, гостиничная прислуга и т. п. Им вменялось в обязанность докладывать полицейским чинам о всех приезжих или незнакомых личностях, вызывающих подозрение, а при необходимости проводить негласную проверку их личных вещей. Полученная таким образом информация от полицейских надзирателей поступала в регистрационный отдел петербургского охранного отделения, которым управлял жандармский офицер [36, с. 16].

Для обеспечения безопасности высочайших особ, в случаях их выезда в провинцию туда заблаговременно командировались чины регистрационного отдела, которые с местными органами политического сыска проводили тщательную проверку проживающего там населения [142, с. 58–59].

В начале XX столетия в целях предупреждения террористической деятельности революционных организаций были изменены критерии оценки деятельности охранных отделений. Согласно «Положению об охранных отделениях», утвержденному в феврале 1907 г., эффективность работы охранных отделений стала определяться не количеством произведенных ликвидаций, а количеством раскрытых преступлений на стадии их подготовки [502, с. 107].

Накануне Первой мировой войны в связи с ожиданием в руководстве Департамента полиции новых революционных выступлений и террористических актов руководство политической полицией предприняло попытку вернуться к практике начала 80-х гг. XIX в. Начальникам охранных отделений в ноябре 1913 г. было предписано проводить оперативные мероприятия и осу-

шествовать аресты подозреваемых лишь по одному доносу без дополнительных проверок и дознаний. Общее количество арестованных подобным образом достигало 46% от общего числа задержанных. Однако в новых условиях общественно-политической жизни страны подобные методы работы, нарушавшие один из основополагающих принципов демократического уголовного судопроизводства – презумпции невиновности, не были поддержаны в Государственной Думе [561, с. 16].

Аналитическая работа

Важным методом работы правоохранительных органов Российской империи в борьбе с политическим терроризмом являлся анализ оперативной информации. В Санкт-Петербургском охранном отделении аналитическая работа проводилась жандармскими офицерами и чиновниками агентурной части по направлениям революционного движения. Жандармские офицеры делились на группы, разрабатывавшие основные направления революционной деятельности: социал-демократическое, эсеровское и народных социалистов, анархическое и рабочее в целом. Каждый из офицеров имел свою агентуру, руководил ею и получал от курируемых им агентов требуемую информацию, которая перепроверялась из других источников и подвергалась аналитической разработке. По результатам анализа принималось решение о ликвидации преступной организации, а систематизированный материал с доказательной базой передавался в следственную часть, где осуществлялась подготовка дел подвергшихся аресту подозреваемых лиц для передачи судебному следователю.

Необходимые для анализа данные в охранные отделения представляли не только секретные агенты и филеры, но также сотрудники специальных отделений, занимавшиеся расшифровкой секретных писем, перлюстрацией частной переписки. Важная информация содержалась в картотеке сведений о поднадзорных революционерах и общественных деятелях. В аналитической работе использовалась нелегальная литература, хранившаяся в специальной

библиотеке. Анализу подвергались и сведения о приезжих, поступавшие в регистрационный отдел Петербургского охранного отделения от околоточных надзирателей. Сотрудники отдела перепроверяли данные паспортов, зачастую путем телеграфных запросов в местные полицейские учреждения, выдавшие регистрационные документы [142, с. 58–59].

Политическая полиция вынуждена была анализировать не только текущую оперативную информацию, но и готовить аналитические материалы по истории революционного движения и современному положению дел в политических партиях, занимавшихся политическим терроризмом [183, с. 133–144]. В Департаменте полиции была организована работа по сбору и систематизации материалов, раскрывающих историю революционных партий и движений. Специальные сотрудники тщательно следили за нелегальной литературой и на её основании делали аналитические обзоры, которые использовались не только для оперативной работы, но и для подготовки кадрового состава охранных отделений и жандармских управлений. К разработке историко-аналитических обзоров привлекались профессиональные историки. Это касалось, например, исследования революционного движения в России во второй половине XIX в., подготовленного известным историком и публицистом С. С. Татищевым, который с 1881 по 1883 гг. состоял чиновником для особых поручений при министрах внутренних дел графе Н. П. Игнатьеве и графе Д. А. Толстом [515]. В качестве источниковой базы для подготовки указанного труда использовались материалы следственных дел и библиотеки нелегальной литературы III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии. Поэтому автор определял данное произведение как «судебно-полицейскую хронику». Подготовленный Татищевым обзор предназначался для руководителей политической полиции [104, с. 109]. В курсе истории революционного движения с офицерским составом изучалась деятельность, а также изменения, происходившие в различных политических партиях, в первую очередь практиковавшие террористические методы борьбы. При этом внимание обучаемых концентрировалось на «терроре в широких размерах», «партизанском выступле-

нии и вооруженном восстании», «борьбе с Центральным Комитетом», «новейших течениях в партии социалистов-революционеров» и «партиях, призывающих к социалистам-революционерам» [455, с. 168].

Развитие международного сотрудничества

Эмиграция российских революционеров за рубеж и распространение терроризма в европейских странах обусловили необходимость укрепления международного сотрудничества в борьбе с опасными видами преступности. В связи с этим с европейскими государствами: с Испанией (1877), Нидерландами (1880) Бельгией (1881), Монако (1883) Германией, Австро-Венгрией, Румынией (1885), Португалией (1887) заключались двухсторонние договоры о выдаче политических преступников, причастных к заговорам и убийствам. В 1898 г. представители России участвовали в международной конференции служб безопасности в Риме, резолюции которой предусматривали сотрудничество со странами Европы в противодействии терроризму [558, с. 128].

Делегация Министерства внутренних дел принимала участие и в работе I Международного конгресса полиции, который работал с 14 по 18 апреля 1914 г. в Монако. На этом форуме обсуждались вопросы координации усилий разных стран в борьбе с преступностью. Участники конгресса обратились к герцогу Монако Альберту с просьбой выступить инициатором создания в Париже бюро идентификации международных преступлений с едиными принципами описания и классификации международных преступников и совершенных ими в различных странах преступлениях. Это позволяло бы сосредоточить в одном месте наиболее важную информацию для повышения эффективности борьбы с международной преступностью. Однако данное решение, являвшееся предпосылкой создания Интерпола, осталось нереализованной в связи с началом Первой мировой войны [459, с. 9].

Эффективность методов работы полиции

Одним из основополагающих аспектов противодействия политическому терроризму является определение эффективности деятельности спец-

служб. Серия террористических актов, произошедших в 1878–1881 гг., свидетельствовали, что в работе III Отделения доминировал устаревший подход, не соответствовавший новым реалиям времени и предъявляемым к антитеррористической деятельности требованиям. До начала 80-х гг. в работе органов политической полиции применялась система методов, сложившаяся в первой половине XIX в. без наличия террористических угроз, отличавшаяся шаблонностью, однотипностью и отсутствием тесного взаимодействия на местах конфликтовавших и соперничавших между собой структур политического сыска [456, с. 108]. Проводимые III Отделением меры носили по отношению к революционному движению догоняющий характер. Параллельная деятельность охранных отделений и жандармских управлений, осуществлявшаяся без должной координации из единого центра, значительно понижала эффективность принимаемых мер.

Имевшие место недостатки, не позволившие осуществлять масштабный контроль над деятельностью террористических организаций, стали главной причиной радикального реформирования политической полиции, начавшегося в 1880 г., и способствовали формированию новой системы методов противодействия политическому терроризму, основу которых составляла работа секретных агентов.

В сочетании с жесткими репрессивными мерами (приговоренным к высшей мере наказания смертные приговоры выносились путем повешения, которые приводились в исполнение публично в течение 24 часов после утверждения губернатором) новые подходы к организации работы политической полиции позволили обуздать политический терроризм, полностью ликвидировать военную организацию «Народной воли», осудить не только царевубийц, но и большинство активистов террора [502, с. 100–108].

Бескомпромиссная политика по искоренению терроризма, проводившаяся министром внутренних дел В. К. Плеве, позволила в начале XX в. добиться положительных результатов. Однако просчеты и недооценка нарастающей опасности, непоследовательность властных структур, ликвидация террористами само-

го Плеве значительно ослабили правоохранительные службы. Массированная идеологическая пропаганда в революционные 1905–1907 гг. насаждала в обществе мнение о якобы имевших место произволе, злоупотреблениях, недозволенных методах деятельности в охранных отделениях. Формировалось суждение о предосудительности, антигуманной сущности этой службы. Все это подрывало доверие общества к правоохранительным органам.

Революция 1905–1907 гг. вынудила правительство принять решительные меры по стабилизации обстановки и пресечению терроризма. Назначенный Императором на пост министра внутренних дел, а затем и Председателя Совета министров П. А. Столыпин продолжил и развил антитеррористическую политику В. К. Плеве. В 1906 г. была принята программа деятельности правоохранительных органов, направленная на укрепление охранных отделений, устранение дублирования их функций с жандармскими управлениями, дифференцированный подход к революционным партиям, организациям, социальным слоям общества, внедрение современных средств и методов оперативно-розыскной деятельности, ужесточение карательных мер в отношении государственных преступников [502, с. 107].

Общественно-политическая обстановка в стране, разгул преступности, терроризма обусловили введение чрезвычайных мер по стабилизации ситуации. Правительство вынуждено было ужесточить карательные меры. Дела государственных преступников подлежали рассмотрению в военно-полевых судах по упрощенной процедуре. Сущность этих мер, по мнению П. А. Столыпина, состояла в том, что терроризм нельзя подавить «обыкновенным способом», а «государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада» [212, с. 512].

Опора на военное законодательство позволила оперативно бороться с терроризмом в период революции 1905–1907 гг. и в последующие годы. Так, после восстания на крейсере «Очаков» по законам военного времени были расстреляны лейтенант П. П. Шмидт с группой единомышленников; за убий-

ство П. А. Столыпина повешен Д. Г. Богров; ликвидированы эсеровские ячейки боевиков в столице и повстанческие группы в Лифляндии и Грузии. Именно жесткими мерами по законам военного времени был восстановлен порядок в прибалтийских провинциях, царстве Польском и Закавказье; в Москве и на Транссибирской магистрали; в Севастополе, Кронштадте и Свеаборге и в иных областях, охваченных антиправительственными выступлениями и волнениями.

Решительные меры правительства по борьбе с терроризмом совместно с совершенствованием деятельности органов государственной безопасности позволили к 1909 г. сократить проявления массового терроризма, арестовать и осудить наиболее опасных боевиков.

За это время, несмотря на определенные ошибки и просчеты, политическая полиция накопила положительный опыт по борьбе с политическим терроризмом, который был заложен в основу становления советских органов безопасности.

Однако в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. в результате проведенных организационно-штатных мероприятий, приведших к значительному сокращению органов полиции на местах, эффективность их антитеррористической деятельности была значительно снижена. Такое положение дел не было секретом для руководителей политического сыска, которые объективно представляли сложившееся положение и констатировали количественное и качественное несоответствие имеющихся в их распоряжении сил и средств масштабам деятельности революционных организаций, а также объему и характеру решаемых политической полицией задач [353].

Именно замедление реакции политической полиции на возникающие для безопасности государства угрозы являлось одной из главных причин её системного кризиса, ставшего одной из причин крушения Российской Империи в феврале 1917 г. Можно согласиться с точкой зрения некоторых современных исследователей, согласно которой в условиях повышения активности

революционных сил старые методы работы становились все менее эффективными, а новые так и не были выработаны [327, с. 56].

Вывод по разделу

Таким образом, к концу XIX – в начале XX столетия в России в рамках обеспечения государственной безопасности стала складываться система противодействия политическому терроризму. В нормативно-правовой базе она предусматривала меры по ужесточению наказания за преступления, совершенные с применением взрывчатых веществ и огнестрельного оружия, четкую регламентацию деятельности правоохранительных органов и установление особого порядка ведения дознания и судопроизводства, предусмотренного для условий военного времени. В организационно-штатной структуре политической полиции противодействие политическому терроризму шло по пути укрепления существовавших организационных структур и создания специальных правоохранительных органов – охранных отделений, специально ориентированных на борьбу с террористическими организациями революционных партий. В кадровой работе упор делался на подбор и расстановку личного состава, обладавшего необходимыми для борьбы с терроризмом морально-психологическими и профессиональными качествами. В методах работы политического розыска для повышения эффективности противодействия политическому терроризму осуществлялся переход к наиболее рациональным приемам и способам выявления преступных сообществ и предупреждения террористических актов. В результате целенаправленной работы в деятельности политической полиции Российской империи были выработаны базовые принципы и методы противодействия политическому терроризму, которыми и до настоящего времени руководствуются специальные службы. В этом отношении имеющийся исторический опыт не утратил своей злободневности.

Борьба советских органов госбезопасности с политическим терроризмом в 1917–1991 гг.

Начало антисоветского периода (1918–1991 гг.) в развитии российского политического терроризма закономерно вызвало необходимость противодействия этому социально-политическому явлению со стороны теперь уже Советского государства.

После установления в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. в стране советской власти её внутренняя политика была направлена на слом старой государственной машины и создание принципиально нового пролетарского, в том виде, как его представляло себе партийное руководство, государственного аппарата. При этом в общей концепции развития пролетарской государственности для жесткого подавления стремящейся вернуть себе власть политической оппозиции не отрицалось установление диктатуры пролетариата.

В отличие от Временного Правительства, пошедшего по пути обновления существовавшей законодательной базы и органов исполнительной власти, советское правительство в соответствии со своими концептуальными установками полностью отменило все действовавшие в стране законы и приступило к созданию новой системы государственного управления, в том числе и правоохранительных органов, обеспечивавших государственную безопасность.

Между тем логика развития политического процесса требовала в вопросах борьбы с контрреволюцией, включавшей и противодействие политическому терроризму, опираться на уже имеющийся исторический опыт. В этих условиях советское правительство развивало те же направления анти-террористической деятельности, которые сложились в конце XIX – начале XX в. в Российской Империи.

Развитие нормативно-правовой базы.

Юридическая ответственность за террористическую деятельность

В условиях активизации с января 1918 г. контрреволюционной деятельности противников большевистского режима и возрастания террористических угроз для партийно-государственного руководства страны советское правительство пошло по пути ужесточения уголовного наказания за совершение террористических актов, которые, как и в Российской империи, стали относить к категории государственных преступлений.

В советском законодательстве не было четкого определения политического терроризма, который с момента прихода к власти большевиков в ноябре 1917 г. и до начала 50-х гг. включался в довольно широкое понятие контрреволюционной деятельности.

Контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Советов, избранных ими правительств (союзного и республиканских), а также к подрыву, ослаблению внешней безопасности государства или установленных в ходе революционных преобразований экономических, социально-политических и других основ общественной жизни.

Ответственность за контрреволюционные преступления, в том числе и террористической направленности, первоначально устанавливалась декретами и постановлениями Советской власти. Меры уголовной ответственности до начала лета 1918 г. были достаточно мягкими, основывались на решении Второго Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов об отмене смертной казни и, по-видимому, на гуманных представлениях о способах борьбы с политическими противниками, присущих части профессиональных революционеров до событий 1917 г. Как правило, они ограничивались конфискациями, выдворением, лишением продуктовых карточек, опубликованием в списках врагов народа. В этой связи уместно напомнить, что члены «Союза георгиевских кавалеров», готовившие в январе 1918 г. покушение на В. И. Ленина, после раскрытия заговора уголовному преследова-

нию не подвергались, а были отправлены на фронт, защищать революционную столицу от немецкого наступления.

Период гуманных мер, применяемых к политической оппозиции Советской власти, был недолог. V Всероссийский Съезд советов, проходивший в июне 1918 г. в условиях расширяющейся Гражданской войны, одобрил призывы Я. М. Свердлова к «массовому террору» против «контрреволюции» и «врагов советской власти», к «расстрелам контрреволюционных генералов и других врагов трудящихся»¹. Дальнейшее обострение внутреннего и международного положения, сопровождавшееся развитием политического терроризма, привело к резкому ужесточению карательной политики Советского правительства.

13 июня 1918 г. декретом советского правительства была восстановлена смертная казнь, которая приводилась в исполнение по приговорам революционных трибуналов. Через неделю смертная казнь в виде расстрела была применена к адмиралу А. М. Щастному. 2 сентября в обращении ВЦИК и 5 сентября 1918 г. Постановлением СНК РСФСР была объявлена политика Красного террора как ответная мера на террористические акты 30 августа 1918 г., совершенные эсерами против В. И. Ленина и председателя Петроградской ЧК Урицкого. Массовые казни производились без суда и следствия. Наиболее крупной акцией стал расстрел 3 сентября 1918 г. 512 бывших высокопоставленных царских чиновников, министров, жандармских генералов и старших офицеров, профессоров и других представителей, считавшихся чуждых революционному классу.

В годы Гражданской войны для предотвращения антисоветской террористической деятельности в тылу Красной Армии наряду с расстрелами широко практиковался захват заложников и размещение в конкреционных лагерях представителей дворянства, буржуазии, духовенства.

После окончания Гражданской войны в условиях НЭП с 1922 г. ответственность за контрреволюционную, в том числе и террористическую деятельность, устанавливалась в соответствии с Уголовным Кодексом РСФСР. В

¹ Рабинович А. Е. Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда? // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 3–23.

последующем с образованием СССР она развивалась в советском уголовном законодательстве в уголовных кодексах союзных республик, а также в Законе СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», который в различных редакциях (наиболее активно поправки в Закон (6 раз) вносились в 1960–1961 гг.) просуществовал практически до самого распада СССР. Статьи этого закона включались в соответствующие уголовные кодексы союзных республик, принятые в 1960 г.

В РСФСР Уголовный кодекс 1922 г. был заменен новой редакцией, принятой Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. По существу, эта редакция представляла собой новый Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в силу с 1 января 1927 г.¹

Государственные преступления, относящиеся к контрреволюционной деятельности, раскрывались в особенной части кодекса в статье 58, включавшей в разное время от 14 до 18 пунктов. За этот вид государственных преступлений с 1926 г. устанавливалась максимально возможная мера уголовного наказания. В УК РСФСР 1922 г. наиболее строгим видом наказания за контрреволюционную деятельность было лишение свободы на максимальный срок до 10 лет. Смертная казнь в систему наказаний не включалась. В новом УК РСФСР 1926 г. за большинство государственных преступлений, считавшихся контрреволюционными, предусматривалась «высшая мера социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства СССР или изгнанием из пределов Союза ССР навсегда». При наличии смягчающих обстоятельств мера наказания могла понижаться, но «не ниже 3 лет с конфискацией всего или части имущества». Пункт 8 указанной статьи распространял данное уголовное наказание за совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и

¹ См.: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР от 22 ноября 1926 г.»; «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» в редакции 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

крестьянских организаций. Действие статьи распространялось на любых участников террористического акта вне зависимости от их принадлежности к контрреволюционной организации.

Обращает на себя внимание, что в данном случае террористический акт квалифицировался законодателем как преступное деяние, направленное только против физических лиц, являющихся официальными представителями органов Советской власти или деятелями революционных (т. е. активно поддерживающих существующую власть) организаций без указания политических целей такой преступной деятельности. Это давало возможность квалифицировать как террористический акт любое противоправное действие против партийных и советских чиновников, сотрудников правоохранительных органов и т. п., в том числе совершенное и на бытовой почве.

Советское законодательство того времени не определяло основной квалификационный признак политического терроризма: совершение или угроза осуществления преступной деятельности, связанной с устрашением населения, опасностью гибели людей, причинением значительного материального ущерба для достижения определенных политических целей, хотя последнее понималось как само собой разумеющееся в самом содержании контрреволюционной деятельности.

При отсутствии четко выраженной дефиниции 58 статья позволяла значительную часть других преступлений, имевших признаки современного политического терроризма, также классифицировались как контрреволюционные. Это относилось к подрывам, поджогам или разрушениям другими способами железнодорожных путей сообщения, линий связи, водопровода, зданий и других объектов государственного или общественного назначения. К этой же категории были отнесены преступные деяния, направленные на подрыв государственной промышленности, транспорта, финансово-кредитной системы, совершенных в контрреволюционных целях. То же касалось пропаганды или агитации, содержащих призыв к свержению, к совершению пре-

ступлений, направленных на подрыв или ослабление Советской власти террористическими методами.

По сути дела, с 1926 г. в борьбе с политическим терроризмом Советское правительство стало проводить политику чрезвычайных мер, которые в конце XIX – начале XX в. применялись царским самодержавием для подавления террористической активности революционных организаций. Еще более жестко она проводилась большевиками в годы Гражданской войны. В отличие от судебной практики царизма действие 58 статьи направлялось не только против активных противников Советской власти, использовавших террористические методы политической борьбы, но и вообще против всех инакомыслящих советских граждан, которые опрометчиво высказывали критические суждения о правящей партии, Советской власти или партийно-государственном руководстве страны. В руках советского правосудия 58 статья стала орудием проведения сталинского политического террора и массовых репрессий. Упрощалось делопроизводство по вопросам, связанным с терроризмом. Вместе с тем с точки зрения антитеррористического законодательства это был существенный шаг вперед по сравнению с периодом Российской империи, в законах которой не было даже упоминания о террористических актах.

Через пять лет после смерти И. В. Сталина, разоблачения культа его личности и с началом реабилитации жертв сталинского террора пресловутая 58 статья, дававшая свободу широкого толкования антигосударственной деятельности, в том числе и политического терроризма, была отменена как не соответствующая новым реалиям советской действительности. Однако в условиях борьбы с националистическим подпольем, широко применявшем политический терроризм в Западной Украине и в советской Прибалтике, проблема уголовной ответственности за террористическую антисоветскую деятельность оставалась актуальной.

В значительной мере она была разрешена принятием 25 декабря 1958 г. уже упомянутого Закона СССР «Об уголовной ответственности за государ-

ственные преступления». В новом законе преступления, имевшие признаки политического терроризма в современном его понимании, стали считаться не контрреволюционными, а особо опасными государственными преступлениями. Тем не менее основное содержание первой части Закона: «Особо опасные государственные преступления» составили видоизмененные пункты 58 статьи УК РСФСР 1926 г. В духе происходивших в стране политических перемен были изменены не только формулировки преступлений, но и внесены существенные дополнения.

Понятие террористического акта и уголовная ответственность за его совершение в Законе 1958 г. определялись в статьях 3 и 4. Само правовое определение «террористический акт» как и в 58 статье пункте 8 применялось только в отношении физических лиц, занимавшихся государственной или общественной деятельностью или являвшихся представителями органов власти. Однако конкретизировались последствия преступного деяния, после которых применялась данная статья – убийство или нанесение тяжкого телесного повреждения объекту преступления. Одновременно в Законе был уточнен основной признак преступления, определявший его особую опасность для государства и общества – подрыв или ослабление Советской власти (статья 3). Новым в правовом понимании террористического акта стало убийство или попытка убийства с целью провокации войны или международных осложнений представителя иностранного государства (статья 4).

Политический терроризм, связанный с совершением взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо другого вреда их здоровью, на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и совершенные с целью ослабления Советского государства, в новом Законе трактовались как диверсия (статья 5). Как представляется, данная категория имела более широкую смысловую нагрузку, чем терро-

ристический акт, с помощью которого террористические организации решают задачу не столько нанести материальный ущерб или добиться больших людских потерь, сколько запугать и вызвать панические настроения у населения, чувство страха и неуверенности у правящих кругов, и, как следствие, добиться политических уступок или принятия нужного им политического решения.

В определенной мере можно говорить о некотором смягчении в конце 50-х гг. уголовного наказания за совершение преступлений террористической направленности. Смертная казнь не исключалась, но в статьях закона ставилась на последнее место, т. е. использовалась как крайняя мера. В Законе были исключены такие виды уголовного наказания, как объявление врагом народа, лишение гражданства СССР, изгнание из пределов Союза ССР навсегда. Основным видом наказания за государственные преступления террористической направленности являлось лишение свободы (максимально до 15 лет) с конфискацией или без конфискации имущества, с последующей ссылкой на различные сроки (от 2 до 5 лет) или без ссылки в зависимости от отягчающих или смягчающих обстоятельств и последствий преступного деяния.

В 1960 г. статьи Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» были включены в новую редакцию Уголовного Кодекса РСФСР, а также в уголовные кодексы союзных республик.

Регламентация деятельности органов безопасности

Одновременно с правовым регулированием мер уголовной ответственности за участие в террористической деятельности совершенствовалась и законодательная база работы самих правоохранительных органов.

Борьба с политическим терроризмом в Советской России и СССР возлагалась на советские органы государственной безопасности, которые одновременно решали широкий круг задач по охране государственного строя. Работа отечественных спецслужб, начиная с момента образования Всесоюзной чрезвычайной комиссии (ВЧК) при Совнарком РСФСР по борьбе

с контрреволюцией и саботажем (1917) до ликвидации Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР (1991), основывалась на нескольких важнейших правовых актах. Это были Конституция РСФСР (1918); декрет ВЦИК «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях (положение)» (от 28 октября 1918 г.); дополняющее это положение Постановление ВЦИК «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами» (от 17 февраля 1919 г.); Положение «О Государственном политическом управлении» (от 6 февраля 1922 г.); Положение «Об Объединённом государственном политическом управлении СССР и его органах» (от 15 ноября 1923 г.); Конституции СССР, принятые в 1924 и 1936 гг.; Положение «О Комитете государственной безопасности при Совете министров СССР и его органах на местах» (от 2 марта 1959 г.); Конституция 1977 г. Если правовые документы, принятые в 1918–1922 гг., имели юридическую силу несколько лет, то положения об Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) и КГБ – более трёх десятилетий.

С установлением Советской власти борьба с политическим терроризмом возлагалась на Всероссийскую Чрезвычайную комиссию, образованную постановлением СНК от 7(20) декабря 1917 г. Советское правительство ставило перед новой силовой структурой самые общие задачи по преследованию и ликвидации любых контрреволюционных выступлений и попыток саботажа на подконтрольной Советской власти территории России от кого бы они не исходили. С момента образования ВЧК ей представлялись широкие полномочия не только по пресечению контрреволюционных выступлений, но предварительного следствия, а также предания суду революционного трибунала участников контрреволюционных организаций. Кроме того, на комиссию возлагалась обязанность вести наблюдение за оппозиционной Советской власти печатью, политическими партиями, за «саботирующими чиновниками

и прочими преступниками, проникающими в советские организации для преступной работы в них»¹.

Через несколько месяцев в контексте общего совершенствования советских правоохранительных органов в соответствии постановлением СНК РСФСР от 13 февраля 1918 г. «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», функции ВЧК ограничивались работой «розыска, пресечения и предупреждения преступлений». Ведение следствия и передача уголовного дела в военный трибунал возлагались на Следственную комиссию при трибунале.

Процессуальные права и обязанности сотрудников ВЧК обстоятельно были определены только летом 1918 г. на 1-й Всероссийской конференции ЧК. В частности, в принятых ею «Инструкции ВЧК по борьбе со спекуляцией» и «Инструкции следователям чрезвычайных комиссий» предусматривалось, что ЧК не ведут следствия в полном объеме, а лишь проводят предварительное дознание. В соответствии с принятыми нормативными актами чекисты получили право производства ареста, обыска и выемки. Этими решениями в органах ВЧК были регламентированы методы открытой борьбы с противниками власти. Правовой статус ВЧК был окончательно определен Положением ВЦИК «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях» от 28 октября 1918 г., согласно которому она являлась органом исполнительной власти и подчинялась Совнаркому [511, с. 168–172].

Однако тяжелая внутриполитическая обстановка, вызванная широкомасштабной Гражданской войной, потребовала введения экстраординарных мер для борьбы с контрреволюцией и антисоветским политическим терроризмом. В соответствии Постановлением ВЧК от 24 апреля 1919 г. «О праве непосредственной расправы в местностях, объявленных на военном положении» и с Постановлением ВЦИК «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г., ВЧК и губ ЧК принадлежало право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) за

¹ Протокол № 21 заседания СНК от 7(20) декабря 1917 г.

принадлежность к контрреволюционным организациям и участникам заговоров против Советской власти.

С образованием НКВД в его составе стал действовать специальный орган – Особое совещание при Наркоме внутренних дел, которому было предоставлено право выносить приговоры о заключении в исправительно-трудовые учреждения, ссылке или высылке на срок до 5 лет или выдворение за пределы СССР лиц, признаваемых «общественно опасными». 27 мая 1935 г. приказом НКВД СССР в республиках, краях и областях были образованы «тройки» НКВД, в состав которых входили начальник Управления НКВД, начальник управления милиции и областной прокурор. «Тройки» принимали решения о высылке, ссылке или заключении в лагерь сроком до 5 лет. Про существовали «тройки» до 26 ноября 1938 г. и были отменены постановлением СНК и ЦК ВКП(б).

В послевоенный период целый ряд нормативно правовых актов обеспечивал правовую регламентацию противодействия политическому терроризму националистического подполья в западных областях СССР. Эти акты предусматривали широкий спектр мер от амнистии для добровольно сдавшихся рядовых участников националистических формирований до введения военного положения в мирное время и депортации активных националистов и членов их семей. Так, согласно приказу народного комиссара обороны от 28 сентября 1945 г. № 63 Станиславская, Тернопольская и Черновицкая области УССР были оставлены на военном положении [228, с. 50]. В апреле 1947 г. был издан приказ МГБ «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и его вооруженными бандами в Украинской ССР» [251, с. 318]. А 13 августа 1947 г. ЦК ВКП(б) принял решение о предоставлении органам безопасности права выселять в отдаленные районы активных националистов [323, с. 435]. В этом отношении Советская власть использовала исторический опыт царского режима и даже превзошла его, депортируя из регионов, объявленных на военном положении, местное население, подозреваемое в связях с террористами.

С созданием в 1954 г. Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР его действия по подавлению террористической активности антисоветских элементов регламентировались главным образом ведомственными наставлениями и инструкциями, которые и до настоящего времени по известным причинам остаются закрытиями. Основная тенденция в правовой регламентации деятельности органов государственной безопасности была направлена на значительное сокращение их репрессивных функций. При этом отменялись наиболее одиозные законодательные акты, дающие самые широкие полномочия органам безопасности для проведения репрессивной политики. С этой же целью были ликвидированы органы внесудебного рассмотрения дел, усилен прокурорский надзор, начат пересмотр уголовных дел, в отношении в отношении лиц, осужденных и отбывавших наказание за государственные преступления, а также пересмотр хранившихся в архивах и находившихся в производстве агентурных разработок.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. было ликвидировано Особое совещание при МВД СССР как орган внесудебного рассмотрения дел, пользовавшийся правом применения санкций уголовного закона. С ликвидацией особого совещания был восстановлен демократический принцип: никто не может быть призван виновным в совершении преступления и повергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда.

По мере развития Советского государства происходило формирование и развитие соответствующих организационных структур органов государственной безопасности и системы управления ими. Такой структурой стала Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК).

Специальные службы по борьбе с контрреволюционными организациями, мятежами и политическим терроризмом стали формироваться практически сразу после установления в стране Советской власти. Обстановка в Со-

ветской России в ноябре-декабре 1917 г. имела тенденции к обострению. За исключением левых эсеров все другие политические партии и течения настоятельно или враждебно отнеслись к сосредоточению государственной власти в руках большевиков. 5(18) декабря 1917 г. была перехвачена телеграмма «Малого совета министров» бывшего Временного правительства, призывавшая всех чиновников к саботажу во всероссийском масштабе. В этот же день в связи с выполнением своих основных задач Военно-революционный комитет (ВРК), руководивший вооруженным восстанием, принял решение о самоликвидации. Таким образом, перед лицом угрозы всероссийской забастовки служащих правительство большевиков осталось без каких-либо органов, способных предотвратить это выступление. Угроза всеобщей политической забастовки служащих, погромы и грабежи, подготовка контрреволюционного вооруженного выступления против Советской власти – все это потребовало принятия экстренных мер.

5(18) декабря 1917 г. положение в Петрограде было обсуждено на заседании СНК. По предложению Ф. Э. Дзержинского СНК поручил К. Е. Ворошилову создать специальный орган для поддержания спокойствия и порядка в столице. На следующий день в связи с создавшимся положением СНК рассмотрел вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе» (пункт 6) и поручил Ф. Э. Дзержинскому составить особую комиссию для выявления возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер для выявления способов подавления злостного саботажа.

7(20) декабря 1917 г. В. И. Ленин направил Ф. Э. Дзержинскому записку с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками. В этот же день на заседании СНК, проводившемся под председательством В. И. Ленина, был заслушан доклад Ф. Э. Дзержинского об организации и составе комиссии. СНК постановил назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности и утвердил ее состав.

В соответствии с проектом Ф. Э. Дзержинского во главе ВЧК находилась Коллегия. Кроме большевиков с 8(21) января 1918 г. по требованию левых эсеров членами Коллегии ВЧК стали два эсера и один анархист.

На первом заседании ВЧК была намечена ее структура. Было решено создать три отдела: информационный, организационный и борьбы с контрреволюцией и саботажем. 11 декабря 1917 г. В. В. Фомину было поручено организовать Отдел по борьбе со спекуляцией. В марте 1918 г. после переезда в Москву ВЧК имела следующие основные отделы: борьбы с контрреволюцией, борьбы со спекуляцией, борьбы с преступлениями по должности, иногородний, а также Информационное бюро. К концу 1918 г. в структуру ВЧК входили центральный аппарат, сеть местных комиссий и корпус войск. В период Гражданской войны организационная структура ВЧК продолжала совершенствоваться: были созданы секретный, особый, оперативный отделы, иностранный отдел (ИНО), возглавивший разведывательную работу. Затем были сформированы Управление делами (УД) ВЧК, Административно-организационное управление (АОУ), Секретно-оперативное управление (СОУ), Экономическое управление (ЭКУ). Был создан мощный аппарат ВЧК. К началу 1921 г. в 74 губернских, 22 транспортных ЧК и 29 особых отделах насчитывалось 39,8 тыс. сотрудников. Еще до 68,3 тыс. человек насчитывали войска ВЧК. В начале 1922 г. центральный аппарат ВЧК состоял из пяти управлений (СОУ, ЭКУ, УД, АОУ и Управления войск ВЧК) и трех отделов (специального (шифры), транспортного и снабжения). Кроме того, в аппарат входили следственная часть и специальное отделение (охрана руководства партии и государства) [511, с. 173–175]. Борьба с терроризмом шла в основном по линии СОУ и особых отделов. Привлекались в случае необходимости и ИНО и войска ВЧК.

*Главное политическое управление (ГПУ)
и Объединенное Главное политическое управление (ОГПУ)*

23 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о реформировании советских органов безопасности. В соответствии с ним ВЦИК РСФСР 6 февраля 1922 г. принял постановление об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР (со 2 ноября 1923 г. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР). Однако это не означало создания совершенно нового аппарата, в корне отличного от ВЧК. Сохранилась очевидная преемственность направлений, задач, средств и методов деятельности. При этом органы государственной безопасности лишались права внесудебной расправы.

В состав ОГПУ кроме органов безопасности были включены войска ОГПУ, транспортная милиция. В самих органах произошли определенные организационные изменения. Из числа наиболее опытных кадров особых отделов создали новое оперативное подразделение Контрразведывательный отдел (КРО), в котором концентрировалась вся работа по борьбе с подрывной деятельностью иностранных разведок, зарубежных антисоветских центров, а также внутренних контрреволюционных партий и групп; борьбе с белогвардейской контрреволюцией и заговорами, с бандитизмом, контрабандой и незаконным переходом границы. При этом на КРО возлагалось ведение контрразведывательной работы за рубежом и на всей территории нашей страны, в т. ч. и в расположении войск Красной Армии.

На базе другой части бывших Особых отделов ГПУ стал действовать новый Особый отдел с функциями наблюдения за обстановкой в Красной Армии, условиями жизни и настроениями военнослужащих, выявления недостатков и должностных преступлений и принятия соответствующих предупредительных мер, что в целом приближало особые отделы к специфике и уровню политических и административно-хозяйственных органов Красной Армии.

С созданием ОГПУ борьба с политическим терроризмом возлагалась на секретный отдел Секретно-оперативного управления (СОУ), основной задачей которого была борьба с подпольными антисоветскими партиями, организациями и группировками. В отделе концентрировалась информация о лицах, ранее состоявших в небольшевистских партиях, служивших до революции в учреждениях Министерства внутренних дел, монархистах, черносотенцах. В марте 1928 г. в отделе было учреждено отделение по борьбе с троцкистской оппозицией и наблюдению за исключением из ВКП (б) за оппозиционную деятельность. Основная работа в борьбе с политическим терроризмом возлагалась на контрразведывательный отдел (КРО), который вел борьбу с зарубежными разведками, белогвардейскими организациями и контрреволюционными партиями за рубежом и на территории РСФСР – на промышленных предприятиях, транспорте, в государственных учреждениях, противодействовал заговорам, бандитизму, а также незаконному переходу границы и контрабанде [511, с. 246–247]. Но 10 сентября 1930 г. контрразведывательный отдел был включен в особый отдел (ОО) подчиненный непосредственно Коллегии ОГПУ. С этого периода работа по борьбе с политическим терроризмом была сконцентрирована в этом подразделении. Другие подразделения ОГПУ все сведения о готовящихся террористических актах должны были немедленно передавать в ОО ОГПУ [562, Л. 23]

В начале марта 1931 г. из состава Секретно-оперативного отдела был выделен в качестве самостоятельной структуры Оперативный отдел с наделением его функциями наружного наблюдения, перлюстрации корреспонденции, политического надзора (аресты, обыски, выемки, оперативные установки, оперативный розыск), охраны руководителей партии и правительства, использования оперативной техники. Он тоже в рамках своей компетенции участвовал в борьбе с политическим терроризмом. В определенной степени участвовал в этой работе и Иностраннный отдел (ИНО ОГПУ) – политическая разведка.

*Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР
и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР*

10 июля 1934 г. произошла очередная реорганизация специальных служб. Постановлением ЦИК СССР был создан Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР. Этот союзно-республиканский наркомат включил ОГПУ в качестве одного из структурных подразделений, которое после реорганизации стало называться Главным Управлением государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. На него были возложены функции борьбы с политическим терроризмом.

В ГУГБ входили следующие оперативные подразделения: иностранный, секретно-политический, особый, оперативный, экономический, транспортный, учетно-статистический и специальный отделы. В последующем в 1936 г. Особый отдел ГУГБ был укрупнен за счет выделения из него Контрразведывательного отдела (КРО). В тот же период образованы за счет выделения из Оперативного отдела Оперативно-технический отдел и Специальный отдел по охране руководителей государства и дипломатического корпуса. Основная нагрузка по борьбе с политическим терроризмом лежала на КРО и СПО (позже 2-й и 3-й отделы, затем 2-е и 3-е управления) [396, с. 20–22].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата – Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР) и Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР).

8 февраля 1941 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР было принято решение о передаче подразделений военной контрразведки из системы НКВД СССР в подчинение Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского Флота СССР (третьи управления НКО и НКВМФ). Таким образом, в стране стали функционировать сразу четыре самостоятельных органа охраны государственной безопасности, общественного порядка, контрразведывательного обеспечения Красной Армии и Военно-Морского Флота: НКВД СССР, НКГБ СССР, Третьи управления НКО и НКВМФ. Все эти органы в определенной степени

привлекались к борьбе с политическим терроризмом, но главную роль играл НКГБ СССР.

Так, борьбу с практиковавшими политический терроризм националистами в западных регионах СССР в 1939–1941 гг. вели наркоматы внутренних дел прибалтийских республик и областные управления НКВД в Западной Белоруссии и Западной Украине. Также в этих целях были созданы оперативно-чекистские группы ГУГБ НКВД СССР [364, с. 173]. После реорганизации органов безопасности весной 1941 г. эти функции стали выполнять аналогичные подразделения НКГБ СССР.

К началу войны органы государственной безопасности и внутренних дел, а также третьи управления НКО и НКВМФ не смогли полностью закончить реорганизацию. Также отсутствовало должное взаимодействие между НКВД СССР, НКГБ СССР, 3-ми управлениями НКО СССР и НК ВМФ СССР.

В сложной обстановке войны остро встал вопрос о необходимости централизованного руководства обеспечением безопасности государства и его Вооруженных Сил. Борьба с политическим терроризмом в этот период отошла на второй план, а на первое место вышла борьба с подрывной и диверсионной деятельностью противника. В этих целях было признано целесообразным объединить усилия органов государственной безопасности, внутренних дел и военной контрразведки. 17 июля 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны органы военной контрразведки армии были выделены из НКО СССР и преобразованы в Управление особых отделов НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел В. С. Абакумовым. Позднее 11 февраля 1942 г. 3-е Управление НКВМФ СССР также вошло в состав Управления особых отделов НКВД СССР. Реорганизации подверглись 3-и отделы и отделения фронтов, округов, флотов, флотилий, армий, корпусов и дивизий. Особым отделам для обеспечения оперативной работы придавались вооруженные отряды войск НКВД от взвода до батальона. Руковод-

ство НКВД обязало особые отделы увязывать работу с местными территориальными органами НКВД.

Вслед за передачей органов военной контрразведки из НКО СССР в НКВД СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел. Объединенный наркомат возглавил Л. П. Берия.

В новую структуру центрального аппарата НКВД вошли 1-е управление (разведка за границей); 2-е управление (контрразведка); 3-е управление (секретно-политическое); управление особых отделов; следственная часть по особо важным делам.

18 января 1942 г. приказом НКВД в связи с расширением деятельности по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника 2-й отдел (Военно-воздушные силы, противовоздушная оборона, Воздушно-десантные войска) Управления особых отделов был преобразован в 4-е управление НКВД, начальником которого был назначен П. А. Судоплатов. На 4-е управление возлагались задачи по формированию в крупных населённых пунктах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрение агентов в оккупационные военные и административные органы, подготовка и переброска в тыл немецких войск разведывательно-диверсионных групп [472, с. 29–30].

Данная структура органов государственной безопасности просуществовала до весны 1943 г., когда военно-политическая обстановка существенно изменилась. Перед органами госбезопасности вставали новые задачи, связанные с организацией работы на освобожденной советской территории, в тылу врага и на территории других государств. В апреле 1943 г. НКВД был реорганизован и вновь образован НКГБ СССР, руководителем которого был назначен В. Н. Меркулов. Управление особых отделов и подчиненные ему органы, занимавшиеся контрразведывательной работой, были выведены из системы НКВД СССР, реорганизованы в Главное управление контрразведки «Смерш» («смерть шпионам») и переданы в ведение НКО СССР (начальник Главного управления

«Смерш» НКО В. С. Абакумов) и НКВМФ (начальник управление «Смерш» НКВМФ П. А. Гладков). В НКВД 15 мая 1943 г. также был организован отдел контрразведки «Смерш» (начальник С. П. Юхимович).

После освобождения Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины территорий от гитлеровской оккупации еще в ходе войны борьба с террористическими проявлениями антисоветского националистического подполья была продолжена. Первыми к этой деятельности подключались подразделения Главного управления военной контрразведки «Смерш» Народного Комиссариата Обороны. Пресечению терроризма на освобожденной от врага территории придавалось большое значение. Например, для руководства борьбой с националистическим подпольем в Прибалтику была командирована бригада сотрудников военной контрразведки во главе с начальником ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-полковником В.С. Абакумовым. Его штаб располагался в Литве в г. Мариамполе [542, с. 81]. Работа бригады быстро дала результат. Так, уже к концу 1944 г. УКР «Смерш» Ленинградского фронта ликвидировал несколько диверсионно-террористических групп эстонских националистов [542, с. 168–169].

Министерство внутренних дел (МВД)

и Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР

15 марта 1946 г. Совет Народных Комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров СССР, народные комиссариаты – в министерства, НКВД – в Министерство внутренних дел.

4 мая 1946 г. разведывательная и контрразведывательная деятельность были сосредоточены в созданном Министерстве государственной безопасности (МГБ) СССР. В состав МГБ вошли 1-е Главное управление по разведывательной и контрразведывательной работе за границей, 2-е ГУ по разведывательной и контрразведывательной работе внутри СССР (среди гражданского населения и иностранцев), 3-е ГУ – военная контрразведка, 4-е управление – розыскное, 5-е – оперативное, 6-е – шифровально-дешифровальное, управле-

ние охраны № 1 и 2 (охрана правительства), Следственная часть по особо важным делам. В октябре 1949 г. в МГБ передали органы милиции и пограничные войска.

С расширением масштабов политического терроризма, проводимого националистическими организациями на освобожденных Красной Армией территориях в западных регионах СССР, основная тяжесть борьбы с этим явлением легла на территориальные органы государственной безопасности. Как правило, борьбу с террористическим подпольем и бандформированиями националистов возглавляли 2-е отделы НКГБ (МГБ). Свою деятельность они координировали с Главным управлением по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД (МВД). На местах создавались объединенные оперативные группы, но подчинение двум ведомствам создавало проблемы согласованности действий. Поэтому в начале 1947 г. все управление борьбой с националистическим движением было сосредоточено в МГБ, куда были переданы подразделения МВД по борьбе с бандитизмом. Во 2-м Главном управлении появилось управление 2-Н для борьбы с националистическим террором (аналогичные управления были организованы в МГБ Украины и Литвы; в МГБ Белоруссии, Латвии и Эстонии были созданы отделы 2-н) [251, с. 318]. К борьбе с политическим терроризмом также привлекались сотрудники других структурных подразделений МГБ и силовых ведомств. Вся информация о наличии террористических замыслов или намерений их совершения незамедлительно передавалась в указанные управления и отделы и далее в управление 2-Н, которое определяло дальнейший ход расследования, – приниматься за него самостоятельно или поставить задачи подразделению, первым получившим исходные данные.

Для проведения мероприятий по ликвидации укрывающихся главарей националистического подполья в западные области Украины были направлены специальные резервные дивизионы внутренней охраны МГБ (ВВО МГБ СССР) общей численностью 3000 человек [512, с. 344]. Организуя работу по националистическому подполью, органы МГБ СССР практиковали для лик-

видации конкретных организаций или незаконных вооруженных бандформирований создание оперативных групп. Последние проводили оперативно-войсковые мероприятия, стремились обзавестись своими источниками, как среди местного населения, так и непосредственно внутри вооруженных формирований.

7 марта 1953 г. Постановлением пленума ЦК КПСС СССР и Президиума Верховного Совета СССР Министерство государственной безопасности СССР и Министерство внутренних дел СССР были объединены в один орган – Министерство внутренних дел СССР. В связи с проведенной реорганизацией борьба с националистами была сосредоточена в 1-м Главном (контрразведывательном) управлении МВД СССР, а с мая 1953 г. в 4-м (секретно-политическом) Управлении.

В борьбе с крупными националистическими формированиями, а также в охране важных объектов под оперативным управлением органов безопасности участвовали подразделения и части Красной (Советской) Армии, пограничники, бойцы истребительных батальонов, но главную роль играли стрелковые соединения внутренних войск МВД [228, с. 51, 57].

*Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР
и Комитет государственной безопасности СССР*

13 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. В его состав вошли главные управления, управления и самостоятельные отделы бывшего МГБ СССР, существовавшие до марта 1953 г. С учетом изменившейся оперативной обстановки в ряде районов были упразднены аппараты органов государственной безопасности.

18 марта 1954 г. приказом председателя Комитета государственной безопасности была определена структура нового ведомства, в котором, не считая вспомогательных и обслуживающих подразделений, были образованы три главных управления (разведки за границей, контрразведки и венной

контрразведка), шесть самостоятельных управлений и пять самостоятельных специальных отделов осуществляющих руководство по различным направлениям обеспечения госбезопасности. 2 апреля 1957 г. на КГБ СССР были возложены задачи по охране государственной границы, для чего в его состав из МВД СССР были переданы Главное управление пограничных войск с подчиненными ему пограничными войсками.

Вопросы борьбы с политическим терроризмом решались преимущественно в 4-м управлении, на местах, в Украине и Литве соответствующими 4-ми управлениями, а на остальной территории СССР – 4-ми отделами региональных органов КГБ, которые занимались антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами [466, с. 593].

В целом сложившаяся в первой половине 50-х гг. структура центрального аппарата КГБ при Совете Министров СССР до конца 60-х гг. за небольшим исключением оставалась неизменной. После покушения В. Ильина на правительственный кортеж с космонавтами в августе 1969 г. в 5 управлении КГБ СССР был создан 7 отдел. Его задачами являлись выявление и проверка лиц, вынашивающих террористические намерения [588, с. 232]. В территориальных управлениях аналогичные функции были возложены на одно из отделений 5 отдела УКГБ. [264, с. 285–286].

Совершенствование организационной структуры органов управления КГБ СССР, занимавшихся борьбой с политическим терроризмом, продолжалось и в дальнейшем. Основной упор делался на усиление информационно-аналитической работы и получения необходимой информации об антигосударственной и террористической деятельности с применением радио и электронных средств.

Развернувшиеся в стране процессы демократизации, гласности, критика деятельности органов государственной безопасности, и, особенно такого его направления, как борьба с идеологической диверсией (то есть политическим сыском), повлекли за собой преобразование в августе 1989 г. Пятого

управления в Управление по защите конституционного строя (Управление «З»). Помимо противодействия замыслам иностранных специальных служб по созданию и использованию в антиконституционных целях организованных антигосударственных группировок, предупреждения и пресечения преступных действий лиц, пытающихся насильственным путем осуществить изменение государственного и общественного строя, в его задачу входило выявление и пресечение террористических акций, а также участие в предотвращении акций экстремистского характера.

Резкое осложнение оперативной обстановки в стране к концу «перестройки» стало одной из причин создания в сентябре 1989 г. Службы оперативного анализа и информации, на основе которой образовалось в 1990 г. Аналитическое управление. Вслед за этим в центральном аппарате было создано Управление по борьбе с организованной преступностью, а 9-е Управление преобразовано в Службу охраны КГБ СССР. В 1989 г. численность сотрудников безопасности составила около 490 тысяч человек, включая 220 тысяч пограничников и 60 тысяч военнослужащих войск правительственной связи [264, с. 278, 284].

Совершенствование организационной структуры КГБ шло также по пути создания специальных подразделений, предназначенных для ликвидации террористических организаций, и физического уничтожения (захвата) боевиков во время проведения террористических актов. В 1957 г. в Прибалтике в связи с кратковременной активизацией антисоветского националистического терроризма была сформирована специальная антитеррористическая часть КГБ – особый полк оперативного назначения. Формировал полк и командовал им на протяжении всего периода существования части (1957–1959 гг.) полковник Павел Романович Назаров. В 70-х г. XX в. он занимал должность заместителя начальника Московского высшего пограничного командного краснознаменного училища КГБ при Совете Министров СССР им. Моссовета. Вот как характеризовал эту часть её командир: «К 1959 году батальоны моего полка представляли собой хорошо обученные подразделения, оснащенные по тому времени новей-

шим вооружением: автоматы, пулеметы Калашникова, плавающие танки, бронетранспортеры, хорошее снаряжение... Полк мобильный: на весь личный состав – надежный транспорт. В полку три отдельных батальона по четыре роты в каждом, школа сержантского состава, танковая рота. В стрелковой роте – три взвода по 35 человек. в полку каждая единица в состоянии выполнять определенную самостоятельную задачу... Как командир полка, согласно инструкции, непосредственно подчиняюсь только Председателю КГБ, в то время генералу армии Серову Ивану Александровичу» [339, с. 236–237].

После расформирования в 1959 г. особого полка оперативного назначения длительное время специальных антитеррористических формирований в составе КГБ не было. В 1974 г. по инициативе председателя КГБ Ю. В. Андропова для освобождения заложников, захваченных при проведении террористических актов, в рамках 7-го Управления было создано специальное антитеррористическое подразделение – Группа «А», получившая позднее неофициальное название «Альфа» [472, с. 274–286]. Основанием для создания этого подразделения стали уроки, выведенные из непрофессиональных действий западногерманской полиции во время теракта на Мюнхенской Олимпиаде в 1972 г. Трагедия Олимпиады побудила не только правительство СССР, но и другие европейские государства создать профессиональные контртеррористические подразделения. С этой целью создавались и новые типы стрелкового вооружения.

Структура «Альфы» постоянно совершенствовалась. В 1977 г. в её составе была создана группа для борьбы с подводными диверсантами и террористами [195, с. 121]. К выполнению антитеррористических задач за рубежом привлекались также группа «Вымпел», предназначенная для ведения разведывательно-диверсионных действий в глубоком тылу противника во время военных действий, а также сформированные из числа личного состава спецрезерва отряды особого назначения КГБ СССР: «Каскад», «Каскад-2», «Каскад-3», «Каскад-4» [466, с. 682–686]. По мере необходимости к борьбе с террористами привлекался личный состав других структурных подразделе-

ний КГБ: Первого главного управления, Следственного управления, Оперативно-технического управления, 16-го управления и пр.

Таким образом, организационная структура КГБ СССР постоянно совершенствовалась с учетом изменения задач и позволяла обеспечить успешное противодействие политическому терроризму. В отличие от периода Российской империи именно в составе КГБ СССР формируются первые специализированные антитеррористические подразделения. Вместе с тем необходимо отметить, что в конце 50-х годов имела место определенная недооценка перспектив террористической угрозы и были не дальновидно сокращены соответствующие подразделения, в том числе особый полк оперативного назначения. Это привело к утрате значительной части опыта антитеррористической борьбы и кадрового потенциала для её проведения.

Подготовка кадров

Важнейшим направлением борьбы с политическим терроризмом в Советской России и СССР являлась кадровая работа, проводившаяся в рамках единой кадровой политики ведомства.

В годы формирования органов государственной безопасности комплектование, обучение и воспитание сотрудников ВЧК, боровшихся с контрреволюционным политическим терроризмом, сразу приобрели особую значимость. Кадровый вопрос стоял очень остро. Первоначально даже центральный аппарат ВЧК не удалось полностью укомплектовать профессиональными и безупречными во всех отношениях сотрудниками. На местах кадровая проблема имела еще большую остроту. По идеологическим соображениям, особенно в первые месяцы своего существования, отделы ВЧК не могли привлекать к своей работе прежних служащих царской полиции и контрразведки. В этой связи следует отметить, что немало беспрецедентных фактов глумления над гражданами и их правами было связано с тем, что в органы ВЧК, как и в партию большевиков в целом, после прихода ее к власти стре-

мились проникнуть различного рода авантюристы, проходимцы, а то и обыкновенные уголовники.

Ф. Э. Дзержинский и Коллегия ВЧК пытались решать проблему кадров по-своему. Уже в феврале 1918 г. ВЧК приняла решение о привлечении на работу в чекистские органы коммунистов, левых эсеров и анархистов, а беспартийных – только в виде исключения. Это положение просуществовало до 7 июля 1918 г. После мятежа левых эсеров СНК принял постановление о выводе их представителей из Коллегии ВЧК. Я. Х. Петерсу, назначенному председателем ВЧК, было поручено «в недельный срок представить СНК доклад о личном составе работников Чрезвычайной комиссии на предмет устранения всех тех ее членов, которые прямо или косвенно были прикосновенны к провокационно-азефовской деятельности члена партии «левого социалиста-революционера» Блюмкина».

9 июля 1918 г. Я. Петерс сформировал новую Коллегию ВЧК из одних только большевиков. С этого времени до августа 1991 г. в органы ВЧК – КГБ принимались преимущественно члены коммунистической партии.

В. Р. Менжинский считал, что «ни один настоящий коммунист не может отказаться от работы в ЧК». Решение этой задачи облегчалось тем, что в годы Первой мировой и Гражданской войн начал складываться новый тип человека, преимущественно из рабочих и крестьян, подчинявшегося силе и способного на насилие. Требования к чекистским кадрам были определены решениями высших органов власти и управления и прослеживались в высказываниях и приказах руководителей ведомства. На первое место при подборе кадров ставилась идейная убежденность, но учитывалось и наличие специальных знаний и навыков, компетентность будущего сотрудника. Таких людей не хватало, и Ф. Э. Дзержинский сформулировал один из главных критериев подбора чекистов: «Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным и не совсем нашим, но более способным, у нас в ЧК необходимо оставить первого... Вся суть, по-моему, в подборе людей, безусловно, честных всех и, где нужно, умных». Как видим,

делалась ставка на сотрудника скромных интеллектуальных способностей и духовных запросов хорошего исполнителя, усвоившего простую схему объяснения современного мира, проникшегося идеей построения нового общества и готового бороться за нее. Вместе с тем органы ВЧК отличались относительно высоким образовательным уровнем сотрудников: 69,1% чекистов имели начальное образование, 19,1% – среднее, 1,3% – высшее, 8,4% – домашнее и лишь 1,6% были неграмотными. Таким образом, чекисты со средним и высшим образованием составляли свыше одной пятой всех сотрудников [405, с. 55–75].

Сформулированные в этот период требования к кадрам доминировали на протяжении всего советского периода истории органов безопасности.

Вместе с тем изменения в советском обществе, в работе спецслужб вызвали и перемены в требованиях к качеству кадров органов безопасности. Так, в послевоенный период по мере усиления социальной однородности советского общества все меньшую роль стало играть социальное происхождение. Для работы в органах отбирали в основном коммунистов и комсомольцев, у кандидатов в сотрудники не должно бы быть родственников за границей, родственников или иных связей с антисоветскими или уголовными элементами, важную роль играли направления и характеристики партийных или комсомольских организаций. Все большую роль стали играть требования к уровню образования, здоровья, физической подготовки, психологическим качествам и т. д.

Основная работа по подбору кадров велась советскими и партийными органами. После приема в ВЧК сотрудник зачислялся в резерв и прикомандировывался для изучения своих будущих обязанностей к одному из отделов. Приему в ЧК не подлежали служащие полиции, жандармерии и других правоохранительных органов царского и Временного правительств.

29 апреля 1918 г. Дзержинский от имени ВЧК подписал обращение в высшие советские и партийные с просьбой выделить для ВЧК «наиболее

идейных, ответственных товарищей для тяжелой, но необходимой работы – защиты нового строя, нашей рабочей революции».

Готовили кадры, используя систему практиканства. Практикантами становились красноармейцы и командный состав войск ВЧК, служащие фельдкорпуса, разведки, секретные сотрудники, обслуживающий персонал и, как исключение, некоторые беспартийные, «лишь из давно работающих и проверенных сотрудников наших органов».

В этот период зарождается и система специальных учебных заведений для подготовки кадров ВЧК. Первоначально они представляли собой краткосрочные курсы переподготовки и повышения квалификации. Так, 15 сентября 1918 г. начало работать первое учебное заведение ВЧК – инструкторские курсы для подготовки следователей, разведчиков и заведующих отделами чрезвычайных комиссий. Срок обучения – три недели [588, с. 33].

В работе с кадрами в органах и войсках ВЧК большое значение придавалось профессиональной подготовке и воспитанию чекистов. Система воспитания, с одной стороны, должна была сформировать убежденного сторонника и защитника коммунистической идеологии, «политического бойца», с другой – сделать его «законопослушным». В органах безопасности постоянно культивировалась обстановка неприятия всякого инакомыслия.

В воспитании чекистов много внимания уделялось политической подготовке. С января 1921 г. были введены двухчасовые занятия два раза в неделю. Существование системы политической подготовки было характерно для всего советского периода. Политическая подготовка велась параллельно с так называемой школьной работой, направленной на повышение культурного уровня и грамотности чекистов. Такая подготовка, например, в форме учебы сотрудников в вечерней средней школе продолжала существовать вплоть до 60-х годов.

Все же решающее значение в воспитании сотрудников, красноармейцев и командиров принадлежало первичным партийным организациям. Эта практика также сохранялась весь советский период. Предметом особой заботы партий-

ных организаций было нравственное воспитание, но понимание морали и норм нравственности было деформировано господствовавшей идеологией. Главным критерием морали, высшей ценностью культуры была поддержка и укрепление власти, стремившейся к установлению «общего блага» через борьбу классов. Коммунистическое учение различными методами внедрялось в сознание сотрудников и становилось их жизненным правилом. Борьба за великую цель, чувство сопричастности к общему делу обеспечивало мобилизацию всех внутренних резервов личности, но одновременно это как бы снижало персональную ответственность за содеянное. Участие в арестах, реквизициях, конфискациях, расстрелах не могло не оказывать психологического воздействия, не вызывать у чекистов деформации сознания, но в определенной степени коммунистическая идеология компенсировала их. К тому же в ВЧК, а затем в ОГПУ, НКВД, КГБ постоянно культивировался образ врага. Постоянная бдительность, непримиримая ненависть и безжалостность к противникам социализма и Советской Родины считались главным достоинством чекиста.

Воспитательная работа сочеталась с высокой требовательностью к уровню дисциплины и нравственности. Немедленному исключению из партии и увольнению из органов подлежали лица, компрометировавшие звание чекиста.

Созданную в ВЧК систему кадровой работы унаследовало ОГПУ. В 20-е годы эта система совершенствовалась. Были созданы Высшая школа ОГПУ, Высшая пограничная школа, в них направляли лучших, уже зарекомендовавших себя на практической работе сотрудников. Органы и войска ОГПУ отбирали сотрудников из числа лучших выпускников военных учебных заведений РККА и гражданских учебных заведений.

В 30-х гг. были созданы Школа специального назначения (ШОС) для подготовки разведчиков, позже стала называться 101 школой, 4 школы погранохраны и войск ОГПУ, разветвленная сеть курсов переподготовки. Курсанты в школы погранохраны и войск ОГПУ набирались преимущественно

из красноармейцев и младших командиров срочной и сверхсрочной службы. Большинство из них были коммунистами и комсомольцами.

С переходом органов безопасности в состав НКВД кадровая работа тоже не претерпела коренных изменений. В этот период создавались новые учебные заведения. В 1937 г. школы пограничной и внутренней охраны НКВД были преобразованы в военные училища НКВД [230, с. 121].

В годы Великой Отечественной войны учебные заведения НКВД перешли на ускоренное обучение, некоторые были эвакуированы. В целом система учебных заведений сохранилась. После войны были восстановлены нормальные сроки обучения, открыт ряд новых учебных заведений.

В конце 50-х гг. произошло резкое сокращение количества учебных заведений и объема подготовки кадров. К концу 60-х гг. в КГБ сохранилось только четыре высших учебных заведения – высшая школа КГБ, три пограничных училища и несколько курсов. Это вызвало необходимость вернуться к практике партийных наборов в органы безопасности и организации большого объема перевода в органы и войска КГБ офицеров Советской армии.

Существовавшая в период 70-х – 80-х годов система подготовки кадров Комитета государственной безопасности СССР в основном покрывала потребности оперативных подразделений в кадрах. Подобранные новые сотрудники, окончившие военные и гражданские высшие учебные заведения, проходили обучение на курсах, как правило, в течение 6–12 месяцев. Будущие сотрудники внешней разведки получали соответствующую подготовку в Краснознаменном институте КГБ СССР, наследнике 101 школы. Ведущим учебным заведением, готовившим кадры для контрразведки, являлась Высшая школа КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского с пятилетним сроком обучения. Кроме того, курсы КГБ СССР, готовившие специалистов различного профиля, существовали в Минске, Киеве, Ленинграде, Новосибирске и некоторых других городах Советского Союза. В учебных заведениях основное внимание уделялось изучению специальных оперативных, юридических, во-

енных, общеполитических дисциплин, а также изучению иностранных языков в объеме программы языкового вуза.

Большое внимание в рассматриваемый период стало уделяться повышению квалификации и переподготовке оперативных сотрудников и руководителей органов государственной безопасности.

Достаточно высокий уровень денежного довольствия в органах государственной безопасности позволял отбирать для работы в системе Комитета государственной безопасности лучших выпускников вузов, снижал коррупционность аппарата. В начале 80-х гг., когда различные ведомства, включая и правоохранительные органы, поразила коррупция, органам государственной безопасности удалось избежать этой болезни.

В те подразделения, которые занимались борьбой с политическим терроризмом, отбирались лучшие сотрудники, уже зарекомендовавшие себя в практической деятельности. В годы Великой Отечественной войны многие из тех, кто участвовал в борьбе с националистическим подпольем, прошли подготовку в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМС-БОН), сформированной для подготовки разведывательно-диверсионных отрядов, направляемых в тыл врага.

Особое внимание уделялось кадровой работе в особом полку оперативного назначения КГБ, сформированном в 1957 г. Туда отбирались сержанты и солдаты срочной службы со средним образованием, ростом 170 см и выше, физически крепкие, многие были спортсменами. Офицеры, сержанты и часть рядовых были направлены из состава оперативных частей внутренних войск, уже имевших боевой опыт борьбы с националистическим подпольем. Командование части состояло из активных участников Великой Отечественной войны. Личный состав занимался по особой, разработанной командованием полка программе. Подготовка включала, в том числе и практически ежедневные кроссы, стрельбы днем и ночью. Её уровень обеспечил успешную оперативно-боевую деятельность по ликвидации последних групп боевиков наци-

оналистического подполья [339, с. 236–237]. Но этот опыт был в значительной степени утрачен с расформированием полка.

Важную роль в подготовке кадров для начавших формироваться в 70-е гг. антитеррористических подразделений сыграли официально созданные в 1969 г. в составе Высшей Краснознаменной школы КГБ, но находившиеся в оперативном подчинении ПГУ КГБ, Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС). Они предназначались для подготовки командиров оперативно-разведывательных групп специального назначения органов государственной безопасности для действий в глубоком тылу противника в военное время. Выпускники КУОС зачислялись в спецрезерв КГБ, продолжая службу там, откуда прибыли на учебу. За 7 месяцев они овладевали методами агентурной разведки, минно-взрывным делом, специальной тактикой малых групп, радиошифровальным делом, самбо. Проходили также парашютно-десантную, горную, огневую и физическую подготовку. Слушателей заставляли действовать в условиях постоянного физического и психологического напряжения. Практические занятия проводились в условиях приближенных к боевым, с обозначенным противником, в том числе и на реальных объектах, при любых погодных условиях. В ходе занятий проходила адаптация к экстремальным условиям. Вступая в командование группой, её командир становился инструктором-методистом по всем специальностям своего личного состава. Если требовала обстановка, он мог обучить членов своей оперативно-боевой группы с нуля [466, с. 619–623].

Когда в 1974 г. началось формирование группы «А», выпускники КУОС стали её основой. Необходимо также отметить, что она формировалась на базе 7-го управления КГБ, и в состав группы вошло немало выпускников 2-х годичной спецшколы в Ленинграде, готовившей сотрудников для этого управления. Бывший командир «Альфы» генерал-майор Г. Н. Зайцев в своих мемуарах отмечал: «Формирование группы осуществлялось исключительно на добровольной основе. Попасть в «Альфу» могли только офицеры, прослужившие в КГБ не менее двух лет, способные выдерживать высокие физические и психологические нагрузки. Критерии отбора – самые жесткие. Учитывались спортивные до-

стижения кандидатов, хорошая огневая, физическая и общеобразовательная подготовка. Особое внимание уделялось морально-деловым и организаторским качествам будущих сотрудников Группы «А», их умению работать в команде. Выявлялись наклонности человека, его способность быстро сходить с людьми, скорость реакции, собранность, разумный риск, находчивость, сообразительность и многое другое. Конфликтность, излишняя эмоциональность могли стать серьезным препятствием [195, с. 115].

Служба в новом подразделении была организована следующим образом: одна смена находится на круглосуточном дежурстве, вторая отдыхает после боевого дежурства, третья готовится к заступлению на дежурство, четвертая – на боевой учебе.

Боевая учеба бойцов «Альфы» была направлена на формирование у них высоких физических качеств, умения быстро анализировать оперативную обстановку, принимать адекватные решения и действовать как в составе группы, так и самостоятельно. Значительное внимание уделялось изучению психологии террористов, умению грамотно вести с ними переговоры. Для спасения заложников разрабатывались и практически отрабатывались различные варианты действий. Общевоинская подготовка включала обучение стрельбе из всех видов отечественного и иностранного стрелкового оружия, гранатометов. При этом требовалось поражать цели с первого выстрела, вести огонь одиночными выстрелами или очередями на ходу, стоя, лежа, в падении, по вспышке или на звук, также отрабатывали стрельбу с качающихся рам. Кроме того, от бойцов требовалось углубленное знание минно-взрывного дела, топографии, профессионального вождения не только всех типов отечественных, но и многих марок зарубежных автомобилей, а также танков, БТР и БМП. Подготовка включала и ряд других элементов. Она осуществлялась с внесением элементов напряженности, внезапности, опасности и риска. Сотрудников приучали уходить от шаблонных действий [195, с. 117–120].

Важнейшую роль в подготовке играли учения. В их ходе обучались не только сотрудники «Альфы», но и взаимодействующих подразделений. Так,

в середине 70-х гг. в аэропорту Внуково были проведены учения по освобождению заложников. В них приняли участие 432 человека и 38 единиц спецтехники (топливозаправщики, аварийно-спасательные машины и другие). За учениями наблюдали около 250 сотрудников центрального аппарата, представители 22 территориальных органов и Высшей школы КГБ. По итогам действия бойцов группы «А» и всего оперативного штаба получили отличные оценки. Они стали основой для разработки наставления по проведению антитеррористической операции «Набат» [588, с. 232–233]. Такие учения проводились систематически.

Таким образом, можно сделать вывод, что к 80-м г. XX в. в СССР была создана достаточно эффективная система подготовки кадров для борьбы с терроризмом.

Развитие форм и методов борьбы с терроризмом

В борьбе с политическим терроризмом советские органы государственной безопасности постоянно совершенствовали методы антитеррористической деятельности. После установления в стране Советской власти её противники очень быстро перешли к скрытым, конспиративным способам и приемам организации и проведения террористических актов. В этих условиях бороться с ними можно было лишь специальными, наиболее приспособленными для этой цели средствами и методами разведки и контрразведки (агентурой, наружной разведкой и т. д.). Многие из этих методов сложились и показали свою эффективность в работе политической полиции Российской империи. Они перенимались, адаптировались с учетом новых социально-политических условий и совершенствовались советскими органами госбезопасности. Одновременно разрабатывались и внедрялись в практическую деятельность принципиально новые методы противодействия политическому терроризму.

Наружное наблюдение

В первые годы своего существования ВЧК активно использовала внешнюю (наружную) разведку деятельности антисоветских террористических организаций, которая велась методом наружного наблюдения за контрреволюционерами. Она осуществлялась штатными сотрудниками комиссий – разведчиками-наблюдателями. Использование этого метода происходило менее болезненно, чем становление агентурных методов работы, имевших своих противников. Это объяснялось тем, что наружное наблюдение не требовало скрытого проникновения в среду подпольной организации и не считалось противниками агентурных методов работы провокацией.

В основу организации службы наружного наблюдения были положены принципы работы царской тайной полиции. Однако в силу малочисленности самой ВЧК, отсутствия необходимых структурных подразделений, строгой специализации штатных сотрудников в первые месяцы оперативные работники сами осуществляли наружное наблюдение за своими объектами, проводили мероприятия по установке, производили обыски и аресты. Это ненормальное в целом положение было устранено на заседании Коллегии ВЧК от 18 марта 1918 г., постановившей образовать наружную разведку в каждом отделе и, кроме того, общую для всей комиссии.

Конкретные задачи наружной разведки были сформулированы в инструкции по наружному наблюдению, утвержденной I Всероссийской конференцией ЧК. В ней, в частности, говорилось: «В целях выяснения лиц, занимающихся контрреволюционной деятельностью, а также их квартир, домов или посещающих лиц, имевших с ними отношения, и вообще всех связей – за ними устанавливается секретное наружное наблюдение, называемое разведкой». Необходимо также отметить, что инструкции, закреплявшие основы организации наружного наблюдения, составлялись на основе документов филерской службы полицейских органов дореволюционной России.

Позаимствованы были не только организационные принципы и терминология, но и конкретные методы работы. Например, в годы Гражданской

войны в прифронтовую полосу и в места, захваченные повстанческим крестьянским движением, направлялись с разведывательными поручениями так называемые «летучие группы» сотрудников ВЧК. Подобные действия активно практиковались ранее политической полицией самодержавной Россией, когда группу филеров Департамента полиции направлялись в различные города страны для оказания помощи местным жандармским органам. В целом наружное наблюдение в силу своей неоспоримой необходимости и хорошо налаженной преемственности в использовании опыта политической полиции довольно быстро сформировалось в самостоятельное средство с четко обозначенными функциями и задачами и сыграло огромную роль в практической деятельности ВЧК. К примеру, в середине августа 1919 г. в Особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии пришла учительница и сообщила, что к директору 74-й московской школы Алферову часто приходят подозрительные лица. Ф.Э. Дзержинский распорядился установить за зданием школы наружное наблюдение. В результате проведенного наблюдения, а также благодаря материалам, полученным Особым отделом Всероссийской чрезвычайной комиссии, удалось выяснить, что в помещении школы находится явочная квартира «Национального центра», куда приходят курьеры от Колчака и Деникина. 29 августа чекисты начали операцию по ликвидации «Национального центра» в Москве [549, с. 120].

Наружное наблюдение широко применялось в течение всего периода деятельности советских органов безопасности. Методы его использования постоянно совершенствовались.

Агентурное (Внутреннее) наблюдение

В арсенале методов борьбы советских органов государственной безопасности с политическим терроризмом широко использовалось апробированное в деятельности политического сыска Российской империи агентурное (внутреннее) наблюдение или как её стали называть внутренняя (агентурная) разведка. Первоначально по опыту политической полиции Российской импе-

рии её предполагалось осуществлять путем вербовки отдельных элементов (агентуры) из контрреволюционной среды. Однако в связи с началом военных действий летом 1918 г. в организацию разведки были внесены существенные коррективы. От использования в оперативной работе лиц, завербованных из контрреволюционной среды, пришлось временно отказаться. Поэтому наружная разведка оставалась основным негласным средством деятельности чрезвычайных комиссий.

Вместе с тем сложившаяся оперативная обстановка требовала дальнейшего налаживания внутренней разведки. Для пресечения деятельности контрреволюционных террористических организаций чрезвычайным комиссиям приходилось устанавливать внутреннее наблюдение во всех важных хозяйственных, административных и военных учреждениях силами внедренных в них чекистов.

Кроме этого, органы Всероссийской чрезвычайной комиссии для разработки контрреволюционеров начали использовать в качестве осведомителей отдельных граждан из среды интеллигенции, стоящих на прогрессивных позициях и добровольно предложивших свои услуги чекистам, и лиц, перешедших на сторону Советской власти из лагеря контрреволюции.

В новой исторической обстановке перехода от войны к условиям мирного времени, когда изменились стратегия и тактика подрывной деятельности контрреволюционных организаций, на первый план в деятельности ГПУ – ОГПУ выдвигались новые тактические приемы борьбы, логически взаимосвязанные с внутренней разведкой. Эти методы получили разработку в советских органах госбезопасности и ранее не использовались политической полицией Российской империей, поскольку балансировали на грани провокации, осуждавшейся руководством Департамента полиции. Однако в условиях формирования классовой морали, основное внимание обращалось не на нравственность, а эффективность работы по пресечению деятельности антисоветского подполья, основные центры которого переместились за границу.

Одним из самых успешных приемов было легендирование на территории СССР мнимых подпольных антисоветских организаций. Ярким примером использования этого тактического приема является операция «Трест». В конце 1921 г. – начале 1922 г. была нейтрализована подпольная антисоветская «Монархическая организация центральной России» (МОЦР). Руководство ОГПУ решило использовать уже несуществующую организацию для оперативной игры с целью проникновения в зарубежные контрреволюционные центры, которые наряду с другими формами борьбы с Советским государством пытались организовывать террористические акты. Основным действующим лицом всей оперативной игры был бывший действительный статский советник монархист А. А. Якушев. Разработанная легенда, подбор участников, распределение ролей были так продуманы, что в «Трест» поверили бывший великий князь Николай Николаевич, руководитель РОВСа генерал Кутепов, Б. Савинков и английский шпион С. Рейли [472, с. 180].

Применялся и такой прием, как дезинформированные руководства подпольных антисоветских центров. Например, легендированные организации использовались для убеждения руководителей белой эмиграции в необходимости отказа от террористических актов в целях накопления сил для организации массового восстания внутри страны. Это позволило предотвратить многие террористические акты [581, с.148–152].

Применялся также вывод за границу для подставы на вербовку иностранным спецслужбам наиболее опытных и проверенных сотрудников и агентов контрразведки.

Другим приемом был захват и перевербовка (или использование втемную) забрасываемых на советскую территорию эмиссаров и агентов зарубежных антисоветских и националистических центров.

Применялся перехват и оперативное использование в своих интересах каналов проникновения эмиссаров террористических организаций на советскую территорию и способов их связи со своими центрами.

Широко использовалась компрометация за границей через агентов контрразведки организаторов политического терроризма (Кутепова, Врангеля и др.).

Применялся и такой прием, как вывод на территорию СССР наиболее активных представителей террористических организаций для их последующего ареста и осуждения (например, вывод Б. Савинкова в ходе операции «Синдикат-2 и С. Рейли в ходе операции «Трест»).

В 1920-е гг. указанные тактические приемы широко и активно использовались в подготовке и осуществлении крупных контрразведывательных операций: «Трест», «Синдикат-2», «Дело № 39», «Академия», сыгравших важную роль, в том числе и в борьбе с организуемым из-за границы антисоветским терроризмом.

Массовые репрессии на селе в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. во время коллективизации, установки политического руководства страны на ликвидацию «антисоветского подполья свергнутых эксплуататорских классов» резко усилили карательную деятельность ОГПУ – НКВД по отношению к собственному народу. Основные силы и средства контрразведки направлялись не на борьбу с подрывной деятельностью иностранных спецслужб и зарубежных подрывных центров, а на борьбу с «враждебной средой» внутри страны. В 1936–1938 гг. репрессии принимают еще более массовый характер. Теперь их острие направлено против Вооруженных Сил, государственного аппарата и общественных организаций. Для выявления скрытых «врагов народа» активно использовалось наушничество и доносительство «сознательных советских граждан», большинство которых добровольно или по принуждению становились нештатными секретными агентами НКВД.

Частая реорганизация и смена руководства накладывали свой отпечаток на результативность работы органов госбезопасности. Если до середины 1930-х гг. еще просматривалось некоторое развитие оперативного мастерства и искусства в ходе проведения крупномасштабных операций против иностранных разведок и зарубежных подрывных центров: «Синдикат – 4», «За-

морское», «Консул», то в дальнейшем оно снижается, вытесняясь более упрощенными репрессивно-розыскными действиями массового характера.

Неоценимый опыт борьбы с политическим терроризмом агентурными методами был получен в послевоенный период в ходе борьбы с националистическим подпольем.

Органы государственной безопасности практиковали для ликвидации конкретных организаций или банд создание оперативных групп. Последние разрабатывали и осуществляли агентурно-оперативные и другие мероприятия, самым распространенным из которых было внедрение в бандитские формирования агентов органов государственной безопасности.

Активное использование агентуры в борьбе с националистическим подпольем началось примерно с конца 1945 г. Ее задачи заключались в сборе информации о планах и намерениях главарей бандитских формирований, местах дислокации банд, их количественном составе, вооружении, пособниках из числа местных жителей. С помощью агентуры осуществлялись также оперативные мероприятия по выводу банд на засады, разложению националистического подполья посредством убеждения, распространения листовок, создания в среде националистов атмосферы недоверия, склонения участников банд к явке с повинной. Физическое же уничтожение осуществлялось посредством последующего проведения чекистско-войсковых операций.

Следует, однако, отметить, что организация агентурной работы по националистическому подполью и его вооруженным формированиям была связана с большими трудностями и нередко с риском для жизни для агентов и для оперативного состава органов государственной безопасности. Националистические организации, в особенности ОУН, имели собственные службы безопасности, которые тщательно проверяли всех новых участников подполья, проводили собственные расследования происходивших провалов и арестов органами государственной безопасности и внутренних дел националистов. При малейшем подозрении агенту грозило физическое уничтожение со стороны националистов.

Условно всю агентуру, которая использовалась органами государственной безопасности в борьбе с националистическим подпольем, можно разделить на несколько категорий: агенты, непосредственно внедренные в бандитские формирования и подполье; агенты – «маршрутники»; агенты из числа связей националистов; агенты из числа жителей контролируемых бандитизмом районов; агенты – «боевики».

Органы государственной безопасности активно работали со всеми перечисленными категориями агентуры, но наиболее сложной и в то же время в случае успеха наиболее эффективной была работа по внедрению агентов непосредственно в бандитские формирования и националистическое подполье.

В качестве кандидатов на вербовку органы государственной безопасности привлекали в основном явившихся с повинной националистов, давших откровенные и правдивые показания о подполье, лиц, которые имели родственные или иные связи среди участников бандитских формирований.

Вербовка непосредственно члена бандитского формирования позволяла достигнуть поставленной цели в достаточно короткие сроки. Сложнее обстояло дело с внедрением агентуры «со стороны», которое готовилось и проводилось с особой тщательностью. В этом отношении советские органы государственной безопасности пошли дальше своих предшественников. Фактически каждое внедрение представляло собой целый комплекс взаимосвязанных оперативных мероприятий. Так, к примеру, на первом этапе агенту органов государственной безопасности отрабатывалась соответствующая строго индивидуальная легенда и линия поведения, затем он переводился на нелегальное положение, имитировался его розыск оперативными сотрудниками правоохранительных органов за совершенные ранее преступления. Лишь после проведения этих мероприятий он непосредственно принимал меры к установлению контакта с националистическим подпольем. Особое внимание уделялось при этом конспирации в работе с агентом. Как показала практика, при расшифровке агента опасности подвергалась и жизнь оперативного сотрудника, которого бандиты могли захватить или уничтожить, назначив ему

встречу от имени агента. В целом, несмотря на отдельные неудачи, органы государственной безопасности достаточно успешно внедряли свою агентуру в националистическое подполье.

«Маршрутная» агентура органов государственной безопасности нашла свое применение в основном на втором и третьем этапах борьбы с националистическим подпольем, когда особо остро стояла задача по выявлению мелких разрозненных групп и бандитов-одиночек. Такие агенты с ранее отработанной надежной легендой командировались в определенные районы, где им предстояло, выдавая себя за участников разгромленных банд и т. п., выявлять бандитских пособников и через них устанавливать связь с местными участниками националистического подполья.

Агентура органов государственной безопасности из числа родственных и других связей националистов, а также местных жителей использовалась, прежде всего, в «сигнальном» режиме, то есть сообщала о появлении в населенных пунктах бандитов, выявляла бандитских пособников, склоняла отдельных участников подполья к явке с повинной [208, с. 332–392].

В работе по националистическим вооруженным формированиям не последнее место занимали и оперативные мероприятия по компрометации лидеров националистического движения. Для достижения этой цели оперативные сотрудники государственной безопасности использовали различные способы: направляли письма специального содержания; «теряли» пакеты с «оперативными документами», компрометирующими главарей националистов и т.д. [263, с. 269–270].

Основным средством борьбы с националистическим подпольем являлись агенты, внедренные в подпольные организации и группы или завербованные среди националистов. Большой эффект имели оперативные игры по захвату, перевербовке и использованию агентов иностранных специальных служб, засылавшихся в националистическое подполье, а также эмиссаров зарубежных националистических центров. Большое значение в разгроме националистического подполья на Украине имело проведение таких оперативных

игр, как «Трасса», «Комета», «Звено», а в прибалтийских республиках «Дуэль», «Вента», «Метеор» и другие. Последняя оперативная игра КГБ Украины с ЗЧ ОУН – «Бумеранг» началась в 1960 г. и велась до 1988 г. [460, с. 172–173; 512, с. 353–355].

Перлюстрация и применение технических средств перехвата сообщений

Помимо агентуро-осведомительной деятельности советские органы безопасности использовали опыт перлюстрации корреспонденции лиц, подозреваемых в антисоветской деятельности. С развитием средств связи этот метод получил дальнейшее развитие.

Перлюстрация внутриреспубликанской корреспонденции в первые же месяцы существования ВЧК производилась по согласованию с Народным комиссариатом почты и телеграфов. Нормативно это было закреплено декретом СНК от 5 апреля 1918 г. Негласная проверка международной корреспонденции входила в компетенцию Военно-почтово-телеграфного контроля (ВПТК) при Народном комиссариате по Военным делам. С этим ведомством со стороны ВЧК было налажено взаимодействие и сотрудники ВПТК направляли в ВЧК почтовые отправления, представлявшие возможный интерес, а также знакомили соответствующих работников комиссии с методами и средствами тайнописи и шифрами, используемыми противниками Советской власти в переписке с зарубежными корреспондентами. Позднее нормативная база этой работы, как и сама техника ее постоянно совершенствовались.

Из имеющихся архивных документов видно также, что в первой половине 1918 г. по договоренности с комиссариатом почт и телеграфа осуществлялись оперативно-технические мероприятия по контролю за телефонными переговорами между лицами, подозреваемыми в проведении враждебной деятельности. В первую очередь, такому контролю подвергались сотрудники дипломатических представительств, аккредитованных в Петрограде и в Москве.

Уже в ВЧК происходило становление таких оперативных методов получения оперативной информации, как радиоразведка и радио контрразведка.

Создание их началось в первой половине 1921 г., когда В. И. Ленин поручил органам ВЧК и РВС сформировать совместные, то есть действующие при воинских частях, но подчиненные ВЧК специальные подразделения радиоразведки. В мае того же года сначала в штабах Московского и Тверского, а затем в ряде пограничных городов были образованы подразделения Особого назначения (ОСНАЗ), которые были оснащены мощными приемными станциями и занимались перехватом радиопереговоров. Полученные ОСНАЗом материалы направлялись в созданный в мае 1921 г. специальный отдел ВЧК, который возглавлял и направлял всю эту работу.

В дальнейшем масштабы этой работы значительно увеличились. В период борьбы с националистическим подпольем используются и радиоперехват, применяются радиоигры с использованием захваченных органами безопасности радистов [460, с. 172–173]. Оперативные игры с применением радиосредств впервые стали применяться в практике контртеррористической борьбы именно в этот период.

Аналитическая работа

В своей работе ВЧК предприняло шаги по организации оперативного учета враждебных элементов как важнейшего средства борьбы с терроризмом. Однако на первых порах эта работа велась без какой-либо единой системы. Учет антисоветски настроенных лиц, в том числе возможных участников террористических организаций, осуществлялся, как правило, самостоятельно местными чекистскими органами, согласно местным условиям и порядкам.

Чекистско-войсковые операции

На первом этапе борьбы с националистическим подпольем (1943 – конец 1944 гг.) советские правоохранительные органы встретились с многочисленными и достаточно хорошо вооруженными формированиями. В этих условиях органы госбезопасности и внутренних дел вынуждены были сначала активно прибегать к помощи войск по охране тыла Действовавшей Армии,

а затем по мере продвижения фронта на запад к помощи внутренних войск НКВД. Основным видом оперативных мероприятий в этот период были чекистско-войсковые операции, которые перерастали в ряде случаев в настоящие бои с крупными вооруженными формированиями националистов.

Чекистско-войсковая операция – это комплекс оперативных, режимных, войсковых и других мероприятий, проводимых войсками НКВД в установленные сроки на ограниченной территории, по общему замыслу и под единым руководством.

Наиболее показателен опыт проведения таких операций на Западной Украине. Операции по поиску и уничтожению вооруженных формирований националистов проводились следующими способами: блокирования, окружения, поиска в блокированном (неблокированном) районе. При слабости местных органов власти, отсутствии агентурной сети первоначально ограничивались прочесыванием населенных пунктов, что не давало результатов, но вызывало озлобление среди местного населения. Главным недостатком было отсутствие мобильности и скрытности действий [496, с. 180–181].

С 1945 г. стали осуществляться блокады, большие и малые облавы. В больших облавах обычно участвовали сразу несколько частей и подразделений внутренних войск с привлечением подразделений Красной Армии. Как правило, такая облава охватывала большой лесной массив или один – два района. Территорию брали в кольцо и прочесывали её шаг за шагом. Руководили этими операциями областные УНКВД (УМВД) или УНКГБ (УМГБ).

Тактика таких облав была следующей. За несколько дней до начала облавы на территорию действий повстанцев проникали небольшие подразделения внутренних войск (обычно силой до роты), которые вступали в боевое столкновение с отрядами националистов. Завязав бой, они отступали. Подтягивались артиллерия и танки, вызывалась авиация, и начиналось одновременное концентрическое наступление со всех сторон. В одном месте создавался «мешок». С его стороны наступали всегда меньшими силами, чтобы заманить националистические отряды в приготовленную ловушку. Операция

продолжалась обычно неделю, в течение которой внутренние войска успевали прочесать всю территорию окружения.

Малые облавы проводились обычно силами одной роты или батальона войск НКВД, после того как окрестности уже прочесали большой облавой. В этом случае главной задачей становилось преследование разделившихся отрядов противника, поиск в селах раненных боевиков, а также проведение в селах разъяснительной работы среди местного населения.

Блокады осуществлялись крупными силами войск НКВД возле тех лесов, где, по разведанным, находились отряды националистов. Главной целью было разрушение контактов боевиков и местных жителей, особенно в части поставок продовольствия. Сначала в зоне блокады во всех населенных пунктах расквартировывались постоянные гарнизоны войск НКВД численностью 25–100 бойцов (взвод – рота) на село и 2–5 тысяч – на район. В каждом райцентре создавались оперативные отделы НКВД численностью 100–300 человек.

Одновременно с появлением гарнизонов в каждом заблокированном населенном пункте вводилось чрезвычайное положение. Это означало, что местным жителям запрещалось выходить ночью из своих домов без специального письменного разрешения. В случае нарушения следовал немедленный арест. Каждый местный житель должен был ночевать только в своем доме. Каждый дом и подворье периодически подвергались тщательным обыскам. Помимо перекрытия входов и выходов в селах, на всех лесных дорогах, тропах, просеках выставлялись заставы. В самом лесу постоянно находилась Войсковая часть НКВД, военнослужащие которой непрерывно искали следы повстанцев, вели наблюдение, устраивали засады и прочесывания.

Со второй половины 1945 г. помимо блокад проводились специальные операции в населенных пунктах. По прибытии в населенный пункт подразделения внутренних войск становились в них на постой. Затем несколько дней велась разведка: военнослужащие наблюдали за окрестностями, следили за людьми, контактировали с осведомителями и агентами, выставляли ночные

секреты, арестовывали и допрашивали подозреваемых в связях с националистами, минировали дороги и тропы, уничтожали антисоветские и националистические лозунги.

Затем собрав необходимые данные, одна-две специальные группы численностью по 8–15 бойцов каждая начинали проводить в селе обыски. Отдельные группы из 6–20 сотрудников НКВД искали схроны, используя щупы длиной до двух метров, прочесывали окрестности и подворья. Иногда брали заложников. После проверки населенного пункта наступала очередь его окрестностей. Розыск вели неспешно, внимание обращалось даже на незначительные мелочи: пожухлую траву, засохший куст и т. п.

Прочесывание лесов проводилось обычно ночью, с использованием крупных подразделений, а также частей Красной Армии (задачей последних было, как правило, держать заставы вокруг леса, на дорогах и просеках) [228, с. 57–60]. Одновременно проводились мощные агитационно-пропагандистские компании среди местного населения.

На Западной Украине в период 1947–1953 гг. достаточно активно органами государственной безопасности проводились чекистско-войсковые операции силами специальных групп агентов-«боевиков». Эти группы создавались из явившихся с повинной или захваченных и перевербованных органами государственной безопасности бывших членов банд, иногда в их состав включались оперативные сотрудники государственной безопасности. Соответствующим образом экипированные такие группы в составе от 3 до 50 человек обычно действовали под видом участников националистического подполья. Они устанавливали контакт с мелкими настоящими бандитскими формированиями и впоследствии их ликвидировали. Они также захватывали или уничтожали руководителей подполья, вели разведку, подводили отряды УПА под удар сил НКВД, уничтожали систему живой связи националистов, путем разгрома пунктов связи, уничтожения или захвата связников и шэфов связи. Командовал спецгруппой один из бывших главарей отрядов УПА, оперативное руководство осуществлял влитый в её состав оперативный ра-

ботник НКВД. В связи с тем, что комплектование спецгрупп проводилось по принципу подбора агентов боевиков, которые были проверены при выполнении заданий по ликвидации националистических отрядов, – со стороны участников спецгрупп за все время их существования не было ни одного случая измены. В Ровенской и Волынской области в состав специальных групп вливались также бывшие партизаны-ковпаковцы, хорошо знавшие местные условия, имевшие большой опыт борьбы с ОУН–УПА. По своему внешнему виду и вооружению, знанию местных бытовых особенностей, языку и конспиративному способу действий личный состав спецгрупп ничем не отличался от боевиков УПА и вводил их в заблуждение [208, с. 230–231].

Таким образом, чекистско-войсковые операции были важнейшим средством реализации агентурной информации и ликвидации террористических вооруженных отрядов и групп. Они проводились с привлечением и в тесном взаимодействии сил и средств разнородных силовых структур, координацию которых осуществляли органы безопасности. Метод чекистско-войсковой операции стал по сути дела предшественником будущих контртеррористических операций.

Превентивные методы борьбы с терроризмом

Не умоляя вклада советских спецслужб в борьбу с политическим терроризмом, необходимо отметить, что успех этой борьбы был обеспечен в немалой степени проведением комплекса политических и социально-экономических мероприятий. Борьба с националистическим сепаратистским подпольем потребовала принятия не только оперативно-войсковых мер, но и проведения в западных регионах страны целого комплекса политических, хозяйственных и других мероприятий. Так была объявлена амнистия добровольно сдавшим оружие, улучшено материальное положение жителей этих регионов.

Важнейшую роль играла пропаганда и агитация. Широко использовались возможности средств массовой информации, системы образования, личные выступления партийных и государственных руководителей, штатных

и не штатных пропагандистов и агитаторов, командиров Красной Армии и сотрудников органов безопасности. Как правило, одновременно с чекистско-войсковыми операциями проводилась мощная пропагандистско-политическая обработка населения. Главным аргументом пропаганды зачастую являлось обвинение националистов в сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами. Подкрепленные очевидными доказательствами эти обвинения достигали своей цели. Утверждалось также, что цели заявленные националистами Советская власть выполняет успешнее их. Например, в Западной Украине объясняли населению, что только коммунисты сумели объединить в одном национальном государстве все украинские земли [73, с. 22–23].

В процессе ликвидации подполья и его незаконных вооруженных формирований в конце 1940-х – начале 1950-х гг. были осуществлены массовые операции по выселению из советской Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии членов семей установленных националистов, так называемых банд пособников и кулаков. Эти мероприятия были призваны подорвать базу националистического движения, лишить его поддержки местного населения. В результате их проведения десятки тысяч жителей Украины, Белоруссии, Прибалтики, в том числе старики и дети, были высланы на поселение в отдельные районы страны. Только с Западной Украины было выслано более 250 000 человек [208, с. 6]. Это было жестокая антигуманная акция. Вместе с тем необходимо признать её эффективность как средства лишить националистическое подполье поддержки населения.

Изменение методов борьбы с терроризмом в 70 -е годы XX в.

Применение методов агентурного проникновения не позволяло в полной мере предотвратить действия террористов-одиночек или небольших террористических групп не связанных между собой и с зарубежными центрами. Расследование совершенных ими террористических актов также было весьма сложной задачей. Приходилось разрабатывать новую методику выдвижения и проверки оперативных версий.

В качестве примера такой методики можно привести расследование убийства в конце 70-х гг. Киргизии в курортном пос. Чолпон-Ата на берегу оз. Иссык-Куль председателя Совета министров республики Ибрагимова, его водителя Фогеля и охранника Конуратова. Для раскрытия преступления был создан коллектив из 13 оперативно-следственных групп представлявших разные ведомства, которые обрабатывали самостоятельные версии. Штаб по расследованию возглавил заместитель начальника 5-го управления КГБ СССР И. П. Павлов. Работа коллектива стояла на контроле в ЦК КПСС, за расследованием ежедневно лично следил Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов. Расследование затянулось на месяцы, вызывая недовольство руководства. Пришлось осуществить большой объем сложной и кропотливой работы. Сотрудники КГБ Киргизии провели разработку всех лиц покинувших Чолпон-Ата после происшествия. Из числа срочно выехавших из поселка обратили особое внимание на местного жителя Смагина, поведение которого проследили до самой Москвы. Причем были допрошены все пассажиры вагона поезда Фрунзе – Москва, которые общались с ним в пути. А также были установлены его связи в Москве. Подозрения в отношении Смагина отпали, так как по заключению дактилоскопической экспертизы смазанные отпечатки пальцев, оставленные убийцей на месте преступления, не совпадали с отпечатками пальцев подозреваемого. Не опознала его и жена жертвы, которая видела преступника, выходявшего с оружием в руках из спальни расстрелянного мужа. Убийца её не тронул, хотя они перебросились фразами. Отсюда возникли подозрения, что она может знать убийцу и по каким-то причинам не раскрывает его. Решающим фактором в раскрытии преступления явилось обращение молодого майора милиции Чернова к участнику расследования начальнику 2-го отдела 5-го управления КГБ Н. М. Голушко. Чернов поделился с ним своей догадкой, что есть некоторые признаки сходства со смагинскими, но как начинающий эксперт он не осмелился говорить о своих выводах своему руководству, тем более опровергать официальное заключение старших опытных специалистов. Была организована комплексная дактило-

скопическая экспертиза в Москве с привлечением самых квалифицированных экспертов страны и применением компьютерной графики. Она сделала заключение о принадлежности отпечатков Смагину. Под давлением улик отец подозреваемого рассказал о преступлении сына. Было найдено и орудие преступления. Смагин – младший был объявлен во всесоюзный розыск. Через некоторое время был найден труп человека, покончившего жизнь самоубийством. Им оказался Смагин. При дополнительном обыске в доме Смагиных была обнаружена тетрадь, в которой несколькими годами ранее ученик 10-го класса Смагин на двух страницах описал преступление, близкое к реальному: «Я возьму винтовку и буду убивать киргизов...» [156, с. 54–57].

Другим показательным примером использования такой методики было расследование взрывов в Московском метрополитене (на станциях «Измайловская – «Первомайская), на улице 25 лет Октября (площадь Дзержинского, Красная площадь), совершенных членами националистической группы, состоявшей из 3 армянских националистов во главе с ранее судимым Затикином 8 января 1977 г. Дело принял к производству заместитель начальника следственного отдела УКГБ по Москве и области полковник Ю. Б. Смирнов. По мере пополнения и уточнения собиравшейся следственно-оперативной группой информации планировались и осуществлялись все новые проверочные мероприятия, в том числе направленные на скорейшее обнаружение преступников в случае их повторного появления в столице (версия о совершении преступления иногородними жителями очень скоро стала одной из доминирующих). Помимо этого оперативно отрабатывались все сигналы, содержавшие малейшие указания на их возможную связь с террористами.

В той или иной степени все сотрудники управления приняли участие в розыске преступников: начиная от следователей и экспертов, работавших непосредственно на месте преступления, до оперативных работников, «отрабатывавших» все оперативные версии. Террористы действительно оказались приехавшими в Москву жителями Еревана.

В сентябре 1977 г. благодаря бдительности пассажиров, находившихся в залах ожидания на Курском вокзале, было не только обнаружено новое, еще более мощное взрывное устройство, но и получены разрозненные, отрывочные сведения о предполагаемых преступниках.

Именно сотрудники транспортного подразделения УКГБ провели все возможные оперативно-разыскные мероприятия, позволившие быстро создать облик предполагаемых террористов, что и привело к их оперативному задержанию в поезде Москва – Ереван, даже не успевшем прибыть к конечной цели маршрута. При обыске у них были найдены вещественные доказательства, и в ноябре 1978 г. они были преданы суду [588, с. 237].

Развитие международного сотрудничества

Важнейшим направлением в работе советских органов государственной безопасности в борьбе с политическим терроризмом являлось международное сотрудничество со спецслужбами других, преимущественно социалистической ориентации, стран. Возникновение Советского государства было враждебно встречено абсолютным большинством иностранных государств. Террористические акты в отношении его представителей оправдывались. Поэтому вплоть до окончания Второй мировой войны никакого международного сотрудничества в борьбе с терроризмом не было. Когда в 1923 г. белогвардейцами Конради и Поллуниным был убит генеральный секретарь советской делегации на Лозаннской конференции Воровский, террористы были не только оправданы швейцарским судом, но и возведены западной печатью в ранг героев [323, с. 90]. Сотрудничества осуществлялось лишь с дружественными государствами: Монгольской народной республикой и Танну-Тувинской народной республикой. Положение изменилось только после Второй мировой войны, когда образовался блок социалистических государств. Со спецслужбами этих стран было налажено эффективное сотрудничество. Особо следует отметить взаимодействие с органами безопасности Польской народной республики в борьбе с националистическим подпольем в послевоенные годы.

Западные же государства, осуждая терроризм на словах, продолжали поддерживать террористов-антисоветчиков. Западные двойные стандарты особенно ярко проявились в деле отца и сына Пранаса и Альгердаса Бразинкасов, о которых уже упоминалось ранее. Они были признаны «жертвами коммунистического режима» и оказались в США, где были взяты под защиту американскими спецслужбами. Положение изменилось только в период «перестройки». Так, в конце 1988 г. в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) трое вооруженных бандитов захватили автобус с большой группой школьников – более 30 детей – вместе с учительницей и, угрожая их убийством, потребовали предоставить самолет для вылета за рубеж. Самолет им был предоставлен, но по прилете в столицу Израиля Тель-Авив, террористы были арестованы и выданы СССР. Руководство Израиля потребовало гарантий, что среди угонщиков нет евреев и что к ним не будет применена высшая мера наказания – смертная казнь [264, с. 285–289].

Таким образом, геополитические и идеологические разногласия в течение всего исследуемого периода мешали организовать эффективное международное сотрудничество в борьбе с терроризмом.

Эффективность методов работы органов безопасности

Следует отметить, что действия советских органов государственной безопасности при всех имевшихся недостатках и перегибах оказались достаточно эффективными, хотя в годы Гражданской войны и сразу после её окончания определить степень её эффективности достаточно сложно. В этот период шел сложный процесс становления органов ВЧК – ОГПУ, им не хватало ни опыта, ни подготовленных кадров. Вряд ли можно признать эффективным методом борьбы с антисоветским террором – «красный террор». Он скорее способствовал пополнению рядов террористов из числа пострадавших от репрессий. Тем не менее органы безопасности сумели провести ряд успешных операций против антисоветского подполья. Политическим терроризмом против советских и партийных работников, а часто и против рядовых

рабочих и крестьян – сторонников Советской власти – сопровождались многочисленными крестьянскими восстаниями. Подавление их осуществлялось силами Красной Армии, войск и органов ВЧК – ОГПУ. В ходе этих действий также был проведен ряд успешных операций органов безопасности. Решающими факторами ликвидации террористической угрозы были победа Красной Армии в гражданской войне и проведение Советской властью новой экономической политики. Это лишило противников Советской власти надежды на то, что теракты вызовут восстание внутри страны и сделало террор бесперспективным. Было очевидно, что запугать и руководство Советского государства и добиться от него новых уступок не удастся, свою же политику в отношении крестьянства оно уже изменило.

В 20-е гг. эффективность борьбы с политическим терроризмом органами безопасности значительно возросла. Крупные контрразведывательные операции, такие как «Трест», «Синдикат-2», «Дело № 39», «Академия», ставшие новым словом в оперативно-разыскной и агентурной работе, сыграли едва ли не решающую роль в разгроме базировавшихся за границей центров антисоветских террористических организаций. Именно они не позволили им использовать массовое недовольство крестьян коллективизацией для организации крупных восстаний и проведения массовых акций организованного террора.

В 30-е гг. деятельность органов безопасности по борьбе с политическим терроризмом оценить однозначно представляется затруднительным. В это время под политический терроризм часто подводили общеуголовные преступления, имевшие не политические, а бытовые причины. Например, убийство С. М. Кирова. Органы НКВД зачастую сами фабриковали не существующие террористические организации, противозаконными методами выбивали у задержанных ложные признания в подготовке террористических актов. Явно надуманными являлись сфабрикованные НКВД уголовные дела о «контрреволюционной троцкистской-террористической и диверсионно-вредительской» организации на ленинградском торпедном заводе № 181,

«возглавляемой» директором завода Абрамовым и техническим директором Виленским; «фашистской террористической организации» научных работников в Западносибирском крае, «возглавляемой» профессором Томского индустриального института Галаховым Ф. В.; «правотроцкистской шпионской диверсионно-вредительской организации» на Дальнем Востоке, «возглавляемой» первым секретарем Далькрайкома ВКП(б) Л. Ч. Лаврентьевым, начальником краевого управления НКВД Т. Д. Дерibasом, маршалом М. В. Блюхером и др., по которому прошли тысячи обвиняемых и о раскрытии которых Н. И. Ежов докладывал И. В. Сталину весной и летом 1937 г. и многие другие [300, с.122, 132, 217]. Это не означало полного отсутствия террористической угрозы. Сегодня выявить, какие из раскрытых организаций были реальными, а какие фиктивными, очень трудно. Массовая фальсификация дел и применение мер физического воздействия на подсудимых делают документы этого периода недостоверными. Тем не менее массовые репрессии полностью сломали в СССР организованную политическую оппозицию и значительно снизили террористические угрозы.

О высокой эффективности деятельности органов безопасности СССР можно говорить и в связи с их противодействием националистическому терроризму в западных регионах страны в послевоенный период. В результате многолетней ширококомасштабной борьбы с привлечением подразделений и частей войск НКВД и Красной Армии органами государственной безопасности были ликвидированы руководящие звенья националистического подполья, захвачены или уничтожены наиболее видные главаря: командующий Украинской повстанческой армии Р. Шухевич, его приемник Р. Кравчук, вождь ОУН С. Бандера, главаря литовского националистического движения Э. Чап, Жемайтис и многие другие. Путем оперативных действий и чекистско-войсковых операций были ликвидированы все националистические формирования. Необходимо признать, что массовые репрессии против националистических повстанцев и их пособников сегодня способствуют развитию антироссийских настроений населения этих

регионов и являются идеологической основой русофобской политики правительств стран Балтии и Украины.

Достаточно эффективно противодействовал политическому терроризму КГБ СССР в 1970-е – 1980-е гг. Созданная в 70-е гг. в Москве система противодействия терроризму на длительное время избавила москвичей и жителей Подмоскovie от террористической угрозы [588, с. 237].

Выводы по разделу

Таким образом, в период становления и развития Советского государства противодействие политическому терроризму, как и в предшествующий период российской истории, оставалось одной из важнейших задач в системе обеспечения государственной безопасности. Несмотря на принципиально новые подходы к проблемам государственного строительства, декларативного отказа от связи с прежним политическим режимом, логика развития исторического процесса предопределила основные направления противодействия политическому терроризму с учетом ранее сложившихся в работе правоохранительных органов Российской империи.

Основным инструментом в борьбе с политическим терроризмом являлись советские органы госбезопасности. Как и в период существования Российской Империи, борьба с политическим терроризмом решалась в общем контексте обеспечения государственной безопасности и не выделялась в самостоятельное направление.

Вместе с тем в рассматриваемый исторический период явно прослеживалась специфика антитеррористической деятельности. В развитии антитеррористического законодательства она проявилась в чётком определении меры уголовной ответственности за совершение террористических актов.

В организационно-штатной структуре и системе центральных органов управления специально для борьбы с терроризмом стали создаваться отделы, а в войсках специальные подразделения.

Повышению эффективности антитеррористической деятельности способствовало совершенствование старых и разработка принципиально новых

форм и методов, в особенности с применением технических средств разведки и контрразведки.

В подготовке кадров органов государственной безопасности, сложилась сеть специализированных учебных заведений, курсов переподготовки и повышения квалификации, в том числе учитывавших специфику борьбы с политическим терроризмом.

Повышению эффективности работы органов государственной безопасности в борьбе с политическим терроризмом способствовало их тесное взаимодействие с партийными и советскими органами по подавлению активной политической оппозиции и укреплению единства советского общества, хотя в этом вопросе не удалось избежать очевидных просчетов, ошибок и явных нарушений действовавшего законодательства.

Государственные органы Российской Федерации в борьбе с политическим терроризмом в конце XX – начале XXI в.

После распада СССР в последнее десятилетие XX в. борьба с политическим терроризмом приобрела особую значимость в связи с резким возрастанием масштабов этого одновременно политического и криминального явления, трансформировавшегося в серьезную угрозу национальной безопасности. Как и в предыдущие переломные периоды российской истории, сопровождавшиеся развитием социально-политического кризиса, противодействие политическому терроризму стало проблемой общегосударственной значимости. В новых исторических условиях потребовалось срочное её разрешение по всему спектру назревших вопросов.

Опираясь на исторический опыт, накопленный в борьбе с политическим терроризмом в период Российской империи и СССР, российское правительство развивало уже сложившиеся и апробированные временем направления. Главная особенность рассматриваемого исторического периода состояла в том, что политический терроризм, по-прежнему рассматриваясь в совокупности государственных преступлений, был выделен в самостоятельный объект воздействия со стороны государства. Работа по противодействию политическому терроризму приобрела целенаправленный, специализированный характер и характеризовалась складыванием целостной системы антитеррористической деятельности органов государственного управления и силовых структур со своей спецификой функционирования.

Развитие нормативно-правовой базы.

Общее антитеррористическое законодательство

В создании системы противодействия политическому терроризму важнейшее место отводилось созданию законодательного аппарата или, можно

сказать, нормативно-правовой базы, на которую должны опираться субъекты антитеррористической деятельности.

До середины 1990-х гг. в этом вопросе существовали существенные пробелы, поскольку юридическая основа борьбы с терроризмом была ограничена лишь нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, что не отражало потребностей времени. В отличие от предшествующих исторических периодов политический терроризм получил всестороннюю правовую оценку в специальных законодательных актах.

Отдельный закон «О борьбе с терроризмом» впервые появился в России в 1998 г. В его разработке законодатели учитывали зарубежный опыт, получивший отражение в законах «О предупреждении терроризма» (1974, 1976 гг. – Великобритания), «О борьбе с терроризмом» (1986 г. – ФРГ); – «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» (1986 г. – Франция), «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» (1996 г. – США). К моменту принятия своего национального антитеррористического закона Россия ориентировалась на Европейскую конвенцию о пресечении терроризма, принятой государствами-членами Совета Европы в Страсбурге, 27 января 1977 г. и присоединилась к Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 г. [62].

В Законе 1998 г. впервые в истории России были установлены правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, вопросы координации и порядок взаимодействия органов власти в борьбе с терроризмом, а также права, обязанности и гарантии прав граждан. В частности, на законодательном уровне сформулированы такие бывшие ранее спорными понятия, как террористическая организация, террористическая деятельность, международный терроризм и другие [552].

После трагических событий 11 сентября 2001 г. в США, взрывов в Испании и других подобных актов в зарубежных государствах был принят ряд законов, стали создаваться новые механизмы противодействия терроризму. В

частности, ужесточена ответственность за совершение терактов, пересмотрены и расширены полномочия специальных служб и правоохранительных органов. По этому пути шла и Российская Федерация.

Первые радикальные изменения в антитеррористическом законодательстве последовали после теракта на Дубровке, начавшегося 23 октября и продолжавшегося по 26 октября 2002 г. Уже 1 ноября 2002 г. в третьем чтении принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и в статью 15 Федерального закона «О борьбе с терроризмом».

Если в статью 4 закона о СМИ была внесена небольшая поправка, то в статью 15 антитеррористического закона внесены изменения более существенные. Подпункт 3 пункта 2 был дополнен запретом распространения информации, содержащей высказывания лиц, направленные на воспрепятствование проведению контртеррористической операции, пропаганду и (или) оправдание сопротивления проведению контртеррористической операции [34].

Через три недели последовало принятие сразу в трех чтениях Федерального закона «О внесении дополнения в Федеральный закон "О борьбе с терроризмом"» [545]. Законом устанавливалось, как поступать с уже убитыми «террористами». Этому был посвящен и принятый в тот же день в первом чтении проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнения в Федеральный закон "О погребении и похоронном деле"».

Поправкой в закон «О борьбе с терроризмом» определялось, что «погребение террористов, умерших в результате пресечения террористической акции, осуществляется в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. При этом их тела для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается». Аналогичное дополнение было помещено в закон о похоронном деле.

Следующая волна реформ антитеррористического законодательства началась после трагедии 1–3 сентября 2004 г. в Беслане. 6 марта 2006 г. был

принят новый закон «О противодействии терроризму» [546]. В соответствии с документом и сопровождающим его Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» главной ответственной структурой за борьбу с терроризмом была определена Федеральная служба безопасности. Кроме того, создана координационная межведомственная структура – Национальный антитеррористический комитет (НАК).

В этом законе были по-новому определены принципы, понятийный аппарат, в том числе дано определение терроризма, механизмы противодействия ему. Закон дал четкое понимание, что противодействие терроризму – это не только деятельность спецслужб, а целый комплекс мер, реализация которых возлагается на многие федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах их полномочий.

Впервые был прописан конкретный правовой механизм, позволяющий привлекать Вооруженные Силы Российской Федерации для борьбы с терроризмом, в том числе и за пределами страны. Переработаны с учетом полученного нового опыта и реальных условий подходы к проведению контртеррористических операций.

Существенное отличие этого закона – четко установленная персональная ответственность должностных лиц за принятие решений, связанных с осуществлением мер по противодействию терроризму.

Политический терроризм определялся как многостороннее явление, направленное на достижение отдельными лицами или группами лиц тех политических целей, которые они преследуют и стремятся достичь насильственными, преступными способами.

Определение «противодействие терроризму» обрело четкую структуру. В нем были выделены три основных направления: профилактика терроризма, борьба с ним, минимизация и ликвидация его последствий. Под профилактикой предполагалось устранение во всех областях жизнедеятельности общества и государства условий, порождающих терроризм и позволяющих со-

вершать террористические акты. Борьба с терроризмом определялась как комплекс силовых мероприятий, связанных с недопущением и пресечением террористических актов.

Законом определялось понятие контртеррористической операции как комплекс мероприятий, в том числе специальных, направленных на пресечение террористического акта, обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также минимизацию последствий террористического акта.

Разработчики нового Закона постарались в максимальной степени использовать международный опыт в этой области. Основу международных усилий по противодействию терроризму составляют универсальные международно-правовые документы, касающиеся предотвращения и пресечения террористических актов, а также ряд конвенций и соглашений в формате региональных организаций. Определения «террористическая деятельность» и «террористический акт» отражают тенденции международного права и отвечают принципам, заложенным в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 1999) и ряде резолюций ООН.

Новое законодательство относило к террористической деятельности подстрекательство к совершению преступления террористического характера, а также распространение информации или материалов, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость ее осуществления. Законодательное закрепление такой нормы показывало намерение России четко выполнять положения принятой 16 мая 2005 г. Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, которая была подписана от имени Российской Федерации 17 ноября 2005 г. в Страсбурге (Ратифицирована Федеральным законом РФ от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ).

Заслуживает внимания также обстоятельство, что в законе содержится важное положение, посвященное международному сотрудничеству Российской Федерации в области борьбы с терроризмом.

Вместе с тем, как показывала многолетняя практика применения норм российского законодательства, существовали серьезные проблемы по возмещению вреда жертвам терроризма, с определением круга лиц, пострадавших в связи с применением мер по пресечению террористической деятельности. Принятый закон в достаточной степени позволил разрешить эти проблемы.

Надо сказать, что кроме закона «О борьбе с терроризмом», российское законодательство к этому времени располагало и другими нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность по предотвращению терактов – закон № 40 «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995), постановление правительства Российской Федерации № 1302 «О Федеральной антитеррористической комиссии» (принято в 1998 г.). Обеспечить противодействие финансированию терроризма и экстремизма был призван Федеральный закон № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (принят в 2001 г.), Постановление Правительства РФ № 27 «Об утверждении Положения о порядке определения перечня организация и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом» (принято в 2003 г.).

30 декабря 2008 г. был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму» [553]. В документе речь, в частности, шла о том, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 205 УК РФ («террористический акт»), статьей 206 («захват заложника»), статьей 208 («организация незаконного вооруженного формирования»), ранее рассматриваемые судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией из 12 присяжных заседателей, в соответствии с принятым законом теперь стали рассматриваться коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

5 октября 2009 г. Президентом РФ утверждена «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», определяющая основные

принципы государственной политики в области противодействия терроризму в России, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации. В ней были раскрыты основные тенденции современного политического терроризма, внутренние и внешние факторы, обуславливающие возникновение и распространение политического терроризма в Российской Федерации либо способствующие ему причины и условия, основы общегосударственной системы противодействия терроризму, направления противодействия, вопросы правового, информационно-аналитического, научного, материально-технического, финансового и кадрового обеспечения, также международного сотрудничества в области противодействия терроризму [253].

14 июня 2012 г. был подписан Указ Президента РФ «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» [540].

Юридическая ответственность за террористическую деятельность

2 ноября 2013 г. Президент РФ подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», предусматривающий новые наказания за террористическую деятельность. Согласно закону обязанность по возмещению вреда, в том числе и морального, причиненного в результате теракта, возлагается на родственников и близких террористов «при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества». Документ также установил механизм проверки законности происхождения имущества родственников террористов. Помимо этого нормативный акт внес поправки в ряд российских законов, включая Уголовный кодекс. В частности, за прохождение обучения с целью занятия террористической деятельностью предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет и штрафа до 500

тыс. рублей. Лица, уличенные в создании террористической организации или сообщества, будут наказываться лишением свободы от 15 до 20 лет и штрафом до 1 млн. рублей. Участие в террористическом сообществе или организации влечет за собой лишение свободы от 5 до 10 лет и штраф до 500 тыс. рублей [481, ст. 5641].

5 мая 2014 г. Президент РФ В. В. Путин подписал пакет законов, направленных на борьбу с терроризмом. Поправками в различные законодательные акты было расширено понятие «террористического акта». За совершение преступлений террористической направленности, а также за финансирование терроризма наказание было увеличено до 15–20 лет лишения свободы. Для предотвращения финансирования терроризма была введена обязательная идентификация для платежей, превышающих 15 тыс. руб. Тогда же был утвержден так называемый «Закон о блогерах», который регламентировал обязательное хранение в течение шести месяцев информации о пользователях и их активности сети, а также разрешал органам правопорядка получать их для оперативной деятельности без разрешения суда [373].

В этом же году вышло еще два закона, связанных с противодействием терроризму. Так, 25 ноября Президентом РФ был подписан закон, направленный на усиление мер противодействия незаконному обороту взрывчатых средств и взрывных устройств. В частности, за их изготовление было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет и штрафом до 500 тыс. руб. [547]. А 31 декабря 2014 г. вышел закон, запрещающий руководителем общественных или религиозных объединений, ранее признанных экстремистскими или террористическими, возглавлять или входить в органы других юридических лиц в течение 10 лет [373].

С учетом складывающихся обстоятельств государство постоянно вело поиск формирования тех правовых методов противодействия терроризму, которые были бы наиболее адекватны и эффективны. При этом основные усилия направлялись на более четкую регламентацию деятельности органов государственного управления, правосудия и спецслужб в данном вопросе.

Так, в апреле 2016 г. депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ И. А. Яровой, членом Совета Федерации ФС РФ В. А. Озеровым был внесен пакет законопроектов, состоящий из двух законов: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Оба закона были приняты Федеральным Собранием РФ довольно оперативно.

В соответствии с депутатской законодательной инициативой была расширена компетенция органов местного самоуправления в области противодействия терроризму. Так, органы местного самоуправления теперь организуют и проводят в муниципальных образованиях информационно-пропагандистские мероприятия по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, а также по формированию у граждан неприятия идеологии терроризма, в том числе путем распространения информационных материалов, печатной продукции, проведения разъяснительной работы и иных мероприятий; участвуют в мероприятиях по профилактике терроризма, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий его проявлений, организуемых федеральными органами исполнительной власти и (или) органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации; обеспечивают выполнение требований к антитеррористической защищенности объектов, находящихся в муниципальной собственности или в ведении органов местного самоуправления и др.

Согласно внесенным поправкам изменялись условия проведения контртеррористической операции. Ранее условием проведения КТО была исключительность (статья 12 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О про-

тиводействию терроризму» закрепляла – «если его пресечение иными силами или способами невозможно»). Сейчас статья 12 предусматривает: «Контртеррористическая операция проводится для пресечения террористического акта и преступлений террористической направленности в случае принятия решения о ее проведении в порядке, предусмотренном настоящей статьей».

По предложениям Яровой – Озерова в целях противодействия терроризму устанавливался новый вид оперативно-розыскных мероприятий – получение компьютерной информации (статья 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Нельзя сказать, что ранее получение компьютерной информации было вне правового поля. Законодательство и раньше предусматривало такой вид оперативно-розыскных мероприятий, как «снятие информации с технических каналов связи», которое трактовалось достаточно широко и вызывало некоторые нарекания.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополнен главой III.1 «Миссионерская деятельность». Так, в соответствии со статьей 24.1 упомянутого Закона № 125-ФЗ миссионерской деятельностью признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, интернета либо другими законными способами. Теперь было введено значительное число ограничений для осуществления миссионерской деятельности, в частности, запрещалась деятельность религиозного объединения по распространению информации о своем вероучении в принадлежащих другому религиозному объединению помещениях, зданиях и сооружениях, а также на земельных участках, на которых

расположены такие сооружения, без письменного согласия руководящего органа соответствующего религиозного объединения.

Были внесены поправки в Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи», согласно которым операторы почтовой связи получили право использовать технические средства для контроля почтовых отправлений в целях недопущения к пересылке предметов и веществ, запрещенных в гражданском обороте.

Значительные изменения коснулись правового регулирования мобильной связи. На операторов связи возлагалась обязанность хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий. При этом текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовая информация, изображения, звуки, видео, иные сообщения пользователей услугами связи должны были сохраняться до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Аналогичные обязанности возлагались на организатора распространения информации в интернете. Изменены сроки хранения – 1 год и 6 месяцев.

Новые законы ужесточали уголовную ответственность за совершение преступлений террористической направленности. В частности, был снижен возраст наступления уголовной ответственности до 14 лет по некоторым преступлениям (в частности, участие в террористическом сообществе, участие в деятельности террористической организации, несообщение о преступлении, участие в незаконном вооруженном формировании, участие в массовых беспорядках).

Уголовный кодекс РФ приобрел более репрессивный характер за совершение и участие в совершении террористического акта. Расширена объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или пуб-

личное оправдание терроризма». Ранее по части 2 наказывались данные действия с использованием СМИ, сейчас – также с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе интернета. Расширено понятие террористической деятельности, причем к ней теперь стали относиться такие деяния, как угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава – статья 211 УК РФ, незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами – статья 220 УК РФ.

Одновременно в Уголовный кодекс были внесены два новых состава преступления: несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ) и «акт международного терроризма» (статья 361 УК РФ) [51, с. 30–35].

С 1 сентября 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" и статьи 8 и 14 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"», согласно которому допускалась отмена решения о приобретении гражданства Российской Федерации в отношении лиц, целью которых было осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя нашей страны [551].

Постоянное усложнение характера террористических угроз диктовало необходимость систематически совершенствовать нормативную правовую базу в сфере противодействия терроризму. В российское законодательство были внесены новые нормы, которые ужесточили уголовную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности. Юридически было закреплено определение пропаганды терроризма и установлена уголовная ответственность за данное деяние. Была усилена уголовная ответственность за заведомо ложные сообщения об акте терроризма. Для недопущения использования телекоммуникационных технологий в целях координации деятельности международных террористических организаций и предотвращения актов теле-

фонного терроризма в Федеральный закон «О связи» были внесены поправки, обязывающие операторов связи передавать в неизменном виде номер звонящего или отправляющего сообщения абонента по запросу органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Введена процедура прекращения оказания услуг связи в случае несоответствия персональных данных фактических пользователей и сведений, заявленных в абонентских договорах. Предусмотрено прекращение оказания соответствующих услуг в целях предотвращения и пресечения преступлений с использованием сетей и средств связи.

Как подчеркивал директор ФСБ России А. В. Бортников, необходимость совершенствования антитеррористического законодательства и разработка юридического института профилактики терроризма является одной из проблем, от решения которых напрямую зависит эффективность антитеррористической деятельности [82, с. 6].

Организационная структура и управление

В рассматриваемый период совершенствовалась организационная структура и управление системой противодействия терроризму.

Согласно принятому в 1998 г. закону «О борьбе с терроризмом», субъектами, непосредственно осуществляющими борьбу с терроризмом, в России являлись:

Федеральная служба безопасности, которой предписывалось осуществлять борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, в том числе преступлений, преследующих политические цели, а также посредством предупреждения, выявления и пресечения международной террористической деятельности, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством проводить предварительное расследование по уголовным делам о таких преступлениях;

Министерство внутренних дел – осуществляло борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели;

Служба внешней разведки и другие органы внешней разведки Российской Федерации, которые вели борьбу с терроризмом посредством обеспечения безопасности учреждений Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации, их сотрудников и членов семей указанных сотрудников, а также осуществляют сбор информации о деятельности иностранных и международных террористических организаций;

Федеральная служба охраны осуществляла борьбу с терроризмом посредством обеспечения безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов;

Министерство обороны РФ обеспечивало защиту находящихся на вооружении оружия массового поражения, ракетного и стрелкового оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, защиту военных объектов, а также принимало участие в обеспечении безопасности национального морского судоходства, воздушного пространства Российской Федерации, в проведении контртеррористических операций.

Особое внимание уделялось совершенствованию и развитию организационно-штатных структур органов государственной безопасности и созданию центров по координации действий государственных и силовых структур по противодействию терроризму. Еще в мае 1991 г. в соответствии с решением Съезда народных депутатов России был создан Комитет государственной безопасности РСФСР, имевший статус союзно-республиканского государственного комитета. В ноябре 1991 г. КГБ РСФСР был преобразован в Агентство.

В январе 1992 г. вышел президентский указ об образовании Министерства безопасности Российской Федерации на базе упраздняемых Агентства Федеральной безопасности и Межреспубликанской службы безопасности. В

декабре 1993 г. министерство было упразднено, вместо него возникла Федеральная служба контрразведки.

Наконец, в апреле 1995 г. вышел закон «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации», на основании которого ФСБ стала правопреемником ФСК. Одной из основных задач Службы является борьба с терроризмом [554].

В Министерстве безопасности, а затем Федеральной службе контрразведки, Федеральной службе безопасности Российской Федерации в 1992–1995 гг. существовала специальная организационно-штатная структура – Управление по борьбе с терроризмом (УБТ).

После захвата заложников в Буденновске на базе УБТ был создан Антитеррористический центр (АТЦ). В 1997 г. уже на его основе сформировали Департамент по борьбе с терроризмом, который объединили с Управлением конституционной безопасности и на этой основе создали Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (ДЗКС и БТ). Эта структура была воспроизведена и на местном уровне, в региональных управлениях ФСБ появились соответствующие отделы.

Для координации борьбы с терроризмом в рамках СНГ в 2000 г. был создан Антитеррористический Центр СНГ со штаб-квартирой в Москве, его руководитель приравнен по статусу к первому заместителю директора ФСБ.

Ранее говорилось о созданных еще в советское время группах «Альфа» и «Вымпел». Они стали основой Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ, созданного осенью 1998 г. по инициативе В. В. Путина, занимавшего тогда пост директора Федеральной службы безопасности. Главной задачей ЦСН определялась борьба с международным терроризмом, как в России, так и за ее пределами. Речь шла как о выявлении, предупреждении, пресечении, а также раскрытии и расследовании терактов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий.

Время доказало правильность решения о создании ЦСН. За почти 20 лет своей работы сотрудники Центра как самостоятельно, так и во взаимо-

действии с оперативными подразделениями провели множество оперативно-боевых мероприятий, в ходе которых изъято значительное количество оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, освобождены сотни захваченных боевиками заложников.

С января 2001 г. в самом «горячем» регионе – на Северном Кавказе – действовали два координационных центра борьбы с террористами и незаконными вооруженными формированиями: Региональный оперативный штаб по проведению контртеррористической операции на территории Северного Кавказа (РОШ) и подчиненная РОШ Объединенная группировка войск (сил) на Северном Кавказе (ОГВ). Первоначально руководство РОШ было возложено на заместителя директора ФСБ – руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Однако с июля 2003 г. ответственность по руководству Региональным оперативным штабом была передана Министерству внутренних дел России. Кроме того, на территории Южного федерального округа решали свои задачи несколько подразделений ФСБ центрального подчинения, ответственные за сбор информации о террористических группах. Главная роль среди них принадлежала Оперативно-координационному управлению по Северному Кавказу ФСБ (ОКУ).

Прорыв боевиков в Ингушетию (июнь 2004 г.) и захват заложников в Беслане (1–3 сентября 2004 г.) совпали с периодом реформ в ФСБ, которые проходили в рамках административной реформы Правительства РФ. Кроме того, сразу после Беслана Президент В. В. Путин фактически приказал учесть при реформировании этих ведомств опыт трагедии в Северной Осетии, подписав уже упоминавшийся нами Указ № 11671 «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом». Согласно Указу Правительству РФ, силовым министерствам и ведомствам было поручено «в двухнедельный срок разработать и представить предложения по созданию новой системы взаимодействия сил и средств, участвующих в урегулировании ситуации на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, и

по созданию системы предотвращения и ликвидации кризисных ситуаций на территории Российской Федерации» [539].

К весне 2005 г. структурные реформы ФСБ по большей части были закончены. Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом в 2004 г. был преобразован в одноименную Службу (Вторую службу). На новую службу возлагалось решение большого круга разнородных, но равнозначных по степени важности задач, связанных как с борьбой с политическим терроризмом, экстремизмом, межнациональными и межрелигиозными конфликтами, так и с охраной политического режима от внутривнутриполитических угроз. Вторая Служба считается преемницей Пятого «идеологического» управления КГБ. Кроме уже имевшегося в Департаменте (ДЗКСиБТ) управления по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом (УБТПЭ) было создано самостоятельное Управление по борьбе с международным терроризмом (УБМТ ФСБ).

Созданная к началу 2000-х гг. система борьбы с политическим терроризмом имела ряд существенных недостатков, связанных с отсутствием системного подхода к формированию единой государственной стратегии антитеррористической деятельности и долгосрочных программ ее реализации. Неотработанной являлась система контроля и надзора (в том числе в связи с отсутствием соответствующих структурных подразделений) за выполнением установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных требований в сфере противодействия терроризму. Созданный на межведомственном уровне механизм координации деятельности субъектов, осуществлявших борьбу с терроризмом, пока еще не мог решать весь спектр возникающих в этой сфере задач. Отсутствовали единый управляющий центр в сфере противодействия терроризму, четкое распределение задач и функций, а также упреждающие начала в этой сфере. Одновременно отмечалось наличие параллелизма в работе правоохранительных органов в сфере борьбы с терроризмом, недостаточное их ресурсное и научно-техническое

обеспечение и, что самое важное, вся система была направлена на борьбу с терроризмом, в то время как обстановка, в том числе и в Южном федеральном округе, и в Чеченской Республике, в частности, настоятельно требовала комплексного подхода к решению данной задачи: перехода от методов борьбы к комплексным мероприятиям по противодействию терроризму [217, с. 26].

С учетом перечисленных недостатков в сентябре 2004 г. Президентом Российской Федерации было принято решение кардинально изменить подходы к антитеррористической деятельности, в том числе путем привлечения к решению данной задачи всех министерств, ведомств и гражданского общества страны. «Борьба с терроризмом должна стать в полном смысле общенациональным делом, и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества», – сказал Президент России на расширенном заседании Правительства в сентябре 2004 г. [96].

С 2006 г. Федеральным законом «О противодействии терроризму» и Указом Президента России «О мерах по противодействию терроризму» было положено начало созданию качественно новой общегосударственной системы противодействия этому опасному явлению [508, с. 21–22]. В основу ее формирования был положен переход от преимущественно силового подавления очагов терроризма (борьбы с терроризмом) к комплексной работе на данном направлении (противодействию терроризму). Созданная на этой основе современная система противодействия политическому терроризму включает меры по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов, деятельность по профилактике терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений.

Ключевое место в общегосударственной системе противодействия терроризму занимала и продолжает занимать Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Председателем Национального антитеррористического комитета, как отмечалось, и руководителем Федерального оперативного штаба (ФОШ) является Директор ФСБ России, руководителями оперативных штабов в

субъектах Российской Федерации – руководители территориальных органов безопасности ФСБ России, а аппараты НАК и ОШ входят в структуру ФСБ России.

Учитывая изменения в социально-политической обстановке на территории Российской Федерации, тактике действий боевиков и их пособников, ФСБ России строило системную работу по стабилизации ситуации в стране, устранению пробелов в контртеррористическом законодательстве. В настоящее время общемировые процессы формируют достаточно напряженную и подверженную быстрым изменениям политическую обстановку. В этих условиях ФСБ России продолжает не только своевременно реагировать на новые вызовы и угрозы, но и действовать наступательно, с упреждением, чтобы не дать противнику возможности нанести ущерб безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

10 марта 2006 г. в качестве основной организационной координирующей структуры для ведения этой работы был образован Национальный антитеррористический комитет (Комитет, НАК), а для организации межведомственного взаимодействия при пресечении террористических актов и управления контртеррористическими операциями в его составе был создан Федеральный оперативный штаб (ФОШ, Штаб). В эти государственные органы вошли руководители Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Министерства транспорта, Министерства здравоохранения и других государственных структур.

Важной особенностью Комитета явилось то, что в него помимо руководителей федеральных органов исполнительной власти входили также представители руководства обеих палат российского парламента, Администрации Президента и Правительства России.

Председателем Национального антитеррористического комитета по должности являлся Директор ФСБ России. Работа по противодействию терроризму организовывалась во всех регионах страны, где создавались соответствующие антитеррористические комиссии (АТК), возглавляемые главами субъектов, и оперативные штабы (ОШ), руководителями которых выступали

начальники территориальных органов безопасности. Были созданы соответствующие структуры и в первичном звене управления – муниципальных образованиях, что позволило завершить в полном объеме формирование единой вертикали антитеррористической системы от федерального до местного уровня.

Для обеспечения функционирования Комитета и Штаба на постоянной основе, анализа состояния общегосударственной системы противодействия терроризму, подготовки необходимых предложений по ее оптимизации, а также для осуществления контроля и оказания практической и методической помощи антитеррористическим комиссиям и оперативным штабам в регионах России в составе Федеральной службы безопасности был создан аппарат Национального антитеррористического комитета.

Таким образом, организационная основа противодействия терроризму была представлена в виде двух взаимосвязанных вертикалей, осуществляющих управление антитеррористическими мероприятиями в Российской Федерации. Первую из них составили структуры, осуществляющие координацию деятельности органов исполнительной власти по профилактике терроризма, а также минимизации и ликвидации его проявлений: Комитет и АТК. Вторую вертикаль – структуры, осуществляющие управление мероприятиями по борьбе с терроризмом: ФОШ и ОШ.

Создание НАК, ФОШ и соответствующих структур (антитеррористических комиссий и оперативных штабов) в субъектах Российской Федерации позволило объединить усилия силового блока и «гражданских» ведомств по противодействию терроризму как на федеральном, так на региональном и местном уровнях.

Как уже отмечалось, в октябре 2009 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации – основополагающий документ, дополнивший положения Федерального закона «О противодействии терроризму» и сформулировавший ключевые подходы нашей страны к организации дальнейшей антите-

рористической деятельности. Содержание концепции учитывало новые тенденции в развитии современного политического терроризма связанные с расширением его географии, увеличением количества и численности террористических организаций, их интернационализацией, развитием инфраструктуры и повышением уровня организованности террористической деятельности, стремлением субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения и т. п.

Существенное место в Концепции было уделено ресурсному обеспечению антитеррористической деятельности. Предусмотренная в качестве одного из основных подходов концентрация материально-технических и финансовых ресурсов на приоритетных направлениях обеспечения деятельности субъектов противодействия терроризму достигалась в рамках реализации соответствующих федеральных целевых программ (ФЦП). Это позволило унифицировать систему подготовки сотрудников различных ведомств, специализирующихся на борьбе с терроризмом, совершенствовать имеющиеся и создавать новые современные специальные технические комплексы и способы получения упреждающей информации о действиях и намерениях террористических группировок, разработать новое оборудование и вооружение для пресечения террористических актов, а также значительно повысить антитеррористическую защищенность критически важных объектов и одновременно решить иные, не менее важные задачи.

В результате были устранены системные недостатки ранее действовавшего антитеррористического законодательства и разработан юридический институт профилактики терроризма, которая ранее рассматривалась как вспомогательное средство при пресечении террористических проявлений. Появилось понимание того, что терроризм – это сложное социально-политическое явление, а не обычное уголовно наказуемое правонарушение и в борьбе с ним не может преобладать один силовой подход [508, с. 26].

Важнейшей особенностью новой системы стало четкое разделение компетенций в области противодействия терроризму между различными ор-

ганами исполнительной власти. Состав Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба формировался исключительно из руководителей заинтересованных министерств и ведомств, наделенных правом единолично принимать окончательные решения. Руководители всех координационных структур (Комитета, Федерального оперативного штаба, антитеррористических комиссий, оперативных штабов) были наделены необходимым объемом полномочий. Они были вправе и обязаны единолично, без предварительного согласования с федеральными властями, принимать на местах решения и организовывать их реализацию в рамках предоставленных им полномочий. Одновременно усиливалась персональная ответственность соответствующих руководителей (в сфере противодействия терроризму – глав субъектов Российской Федерации, в сфере борьбы с терроризмом – руководителей территориальных органов федеральной службы безопасности).

Системный характер противодействия терроризму, сложившийся на основе Концепции и Федерального закона «О противодействии терроризму» предполагал заблаговременную разработку порядка действий и планов антитеррористических мероприятий, а также их практическую реализацию в ходе антитеррористических тренировок (не менее четырех в год для каждого субъекта Федерации) и регулярных международных учений, на которые в качестве наблюдателей приглашались представители различных зарубежных государств и международных организаций.

Важным этапом в развитии современной системы противодействия политическому терроризму стало установление в 2012 г. на основе соответствующего Указа Президента РФ уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства.

В зависимости от складывающейся ситуации предусматривалась возможность установления трех уровней террористической опасности: повышенный – «синий»; высокий – «желтый»; критический – «красный». Решение

об установлении, изменении либо отмене повышенного и высокого уровней террористической опасности в пределах территории субъекта Российской Федерации принимал председатель антитеррористической комиссии в соответствующем субъекте Российской Федерации по согласованию с руководителем территориального органа госбезопасности. Установление критического уровня террористической опасности находится в исключительной компетенции Председателя Национального антитеррористического комитета по представлению председателя антитеррористической комиссии в соответствующем регионе. Уровень террористической опасности может устанавливаться на срок до 15 суток. При установлении уровней террористической опасности принимаются дополнительные меры по обеспечению безопасности личности, общества и государства в пределах установленной компетенции по заранее разработанным планам.

Профилактика терроризма

Относительно новой областью общегосударственной системы противодействия терроризму стало проведение профилактической работы, которая раньше рассматривалась как вспомогательное средство, а в настоящее время является одним из важнейших элементов системы. Профилактика политического терроризма предусматривает выполнение комплекса мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности. В этой области сложилось два основных направления. Первое – включало противодействие идеологии политического терроризма, второе – обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических атак.

Идеологическое противодействие политическому терроризму стало обязанностью органов, реализующих государственную политику в сферах образования, культуры, спорта и воспитания молодежи. На федеральном уровне разрабатывались основополагающие организационные документы, различные методики профилактики, программы подготовки специалистов и

осуществлялась координация усилий всех заинтересованных органов власти и общественных организаций по их исполнению. На региональном уровне в субъектах Российской Федерации апробировались и адаптировались к местным условиям общероссийские методики, стали проводиться профилактические информационные кампании. На уровне муниципальных образований преимущественно проводилась практическая реализация спланированных мер, таких как вовлечение уязвимых к воздействию идеологии терроризма категорий граждан в общественно полезную деятельность, проведение индивидуальных профилактических бесед авторитетных лиц и духовных лидеров с молодежью, содействие в трудоустройстве выходцев из неблагополучных семей, оказание гражданам помощи в решении социально-бытовых проблем.

С целью координации работы по противодействию политическому терроризму с 2009 г. каждые 5 лет стал разрабатываться и утверждаться Президентом России «Комплексный план противодействия идеологии терроризма». Выполнение плана на 2013–2018 гг. позволило сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма, организовать кадровое, методическое и научное обеспечение данной деятельности, привлечь к ее осуществлению органы местного самоуправления. Кроме того, проведение в образовательных организациях культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, в повестку которых включается антитеррористическая тематика, способствовало разъяснению подрастающему поколению преступной сущности терроризма. Заметно возрос объем и действенность подготовленных информационно-пропагандистских материалов антитеррористической направленности. Совершенствование механизмов защиты информационного пространства обеспечило ограничение возможности для проникновения в интернет материалов, содержащих идеи, пропагандирующие и оправдывающие террористическую деятельность. Проводимая субъектами противодействия терроризму работа способствовала созданию условий для снижения уровня радикализации различных групп населения, прежде всего, молодежи. Значительное количество лиц склонено к от-

казу от террористической деятельности. Реализация комплекса адресных профилактических мероприятий способствовала сокращению количества российских граждан, выезжающих за рубеж для участия в деятельности международных террористических организаций.

В декабре 2018 г. Президентом России был утвержден «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на очередной период – с 2019 по 2023 гг. Основной целью нового Комплексного плана определена защита населения от пропагандистского воздействия террористических организаций, сообществ и отдельных лиц [87, с. 37].

Вторым основным направлением профилактики терроризма стало обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств. К таким объектам отнесли транспортную инфраструктуру, топливно-энергетический комплекс, социальную инфраструктуру (учебные заведения, больницы) и места массового пребывания людей.

Система антитеррористической защищенности объектов, территорий и мест массового пребывания людей стала создаваться с 2013 г. В указанный период Правительством Российской Федерации утверждено более 40 обязательных для исполнения требований к антитеррористической защищенности объектов и территорий в различных областях и сферах деятельности, в том числе образования, здравоохранения, культуры, торговли. Требованиями к антитеррористической защищенности объектов устанавливались меры, направленные на решение вопросов инженерно-технической защиты объектов, их категорирования, контроля за выполнением требований и разработки паспорта безопасности объектов, ограничения доступа должностных лиц к информации, содержащейся в паспортах безопасности, и сроки завершения указанных мероприятий. Реализация требований к антитеррористической защищенности на федеральном уровне осуществлялась министерствами и ведомствами, которые формируют единые подходы к этой деятельности. В субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях органами власти и местного самоуправления ор-

ганизуется выполнение требований к антитеррористической защищенности объектов, находящихся в их собственности.

Несмотря на необходимость и важность организации и проведении профилактической работы, главной в системе противодействия терроризму является борьба с терроризмом. Весь постсоветский опыт дает понимание этой борьбы как деятельности уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, осуществляемой с использованием разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, следственных, войсковых и специальных мероприятий, направленных на решение задач, во-первых, по выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности и, во-вторых, по раскрытию и расследованию преступлений террористического характера.

Действия террористических и экстремистских групп на территории Северного Кавказа относилось к числу основных факторов, дестабилизирующих ситуацию в стране, и поэтому борьба с ними являлась одной из приоритетных задач Федеральной службы безопасности. В свою очередь с 2006 г. на решение этой первоочередной задачи была нацелена деятельность Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба.

Формы и методы работы

Повышение результативности борьбы терроризмом достигалось созданием соответствующих условий и целым комплексом мер, форм и методов действий.

Таким условием, например, являлось оперативное проникновение в террористические структуры, получение упреждающей информации об их планах по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма и экстремизма, об источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности.

Также важным условием эффективной организации борьбы была заблаговременная подготовка сил и средств органов безопасности и других структур к пресечению террористического акта.

В ходе реализации комплекса мер по борьбе с терроризмом использовались в приоритетном порядке методы выявления, предупреждения и пресечения террористической деятельности с целью адресного силового и психологического воздействия на конкретные субъекты терроризма.

Борьба с терроризмом осуществлялась в форме различных оперативно-боевых, оперативно-поисковых, оперативно-розыскных, блокирующих, фильтрационных, правоприменительных и иных действий.

Контртеррористическая операция

Наиболее действенной формой борьбы с политическим терроризмом стала контртеррористическая операция – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Прообразом контртеррористической операции являлись чекистско-войсковые операции, применявшиеся против украинских и прибалтийских националистов на завершающем этапе Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг. и в первое послевоенное десятилетие. В Российской Федерации режим контртеррористической операции впервые был введен президентом РФ Борисом Ельциным на территории Чечни 23 сентября 1999 г. после массового вторжения боевиков в Дагестан. Он продолжался десять лет до 16 апреля 2009 г. После завершения в 2000 г. активной фазы боевых действий в Чечне боевики, как уже отмечалось, перешли к проведению террористических актов на территории Российской Федерации. В январе 2001 г. руковод-

ство контртеррористической операций было возложено на ФСБ России и образован региональный оперативный штаб.

С течением времени стали проводиться целые серии контртеррористических операций, объединенных единым замыслом ФОШ. Новая тактика борьбы с политическим терроризмом в форме контртеррористической операции была отработана в республиках Дагестан и Ингушетия, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках.

Благодаря принятым мерам, несмотря на продолжающиеся вылазки боевиков, обстановка в республике стала меняться в лучшую сторону. Однако оценка боевого и диверсионно-террористического потенциала бандитов свидетельствовала, что на территории СКФО действовало все еще значительное количество бандгрупп, имеющих различное стрелковое вооружение. Указанные обстоятельства потребовали внесения коррективов в деятельность оперативных штабов и входящих в их состав подразделений силовых ведомств.

Были свернуты широкомасштабные «зачистки», все спецмероприятия против бандитов стали более тщательно готовиться и носить «адресный» характер. Успешно действовали сводные специальные группы РОШ Оперативного управления ФСБ, состоявшие из оперативников региональных управлений ФСБ и бойцов отрядов спецназначения внутренних войск.

В результате удалось ликвидировать многих одиозных банд главарей и значительное количество опытных боевиков. К примеру, на одном из этапов подобных боевых действий (с октября 2009 г. по март 2010 г.) комплекс оперативно-розыскных мероприятий, реализованных в ходе КТО, войсковых спецопераций, оперативно-боевых и разведывательно-поисковых мероприятий позволил достичь существенного роста их результативности. Были уничтожены более 220 боевиков, в т. ч. ряд банд главарей. Задержаны свыше 80 активных членов банд групп, а также около 120 лиц, обоснованно подозреваемых в причастности к бандподполью. Указанные данные более чем в два раза превосходили аналогичные показатели за осенне-зимние периоды 2007–2008 и 2008–2009 гг.

Международное сотрудничество

Развитию антитеррористической системы мер в Российской Федерации способствует и изучение передовых зарубежных практик в сфере профилактики и борьбы с терроризмом, а также укрепление международного антитеррористического сотрудничества.

Подчеркнем еще раз, что Российская Федерация стала первым в мире государством, ратифицировавшим все 13 универсальных антитеррористических конвенций ООН.

Международное сотрудничество в области противодействия терроризму является важнейшим элементом формирования комплексной системы безопасности как всего мирового сообщества, так и Российской Федерации, являющейся его активным участником. В связи с этим Россия последовательно оптимизировала теоретические, идеологические и правовые основы своего участия в международном сотрудничестве по данному направлению с тем, чтобы в максимальной степени реализовать потенциал всех государственных органов при осуществлении единой внешнеполитической линии Российского государства.

В рамках исполнения решения оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации, заседание которого прошло 30 июня 2006 г. под руководством Президента Российской Федерации, аппаратом НАК были разработаны и утверждены на VIII заседании Национального антитеррористического комитета концептуальные и организационные основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в рамках участия в международном антитеррористическом сотрудничестве [259, с. 23–26; 81, с. 68].

В октябре 2012 г. состоялся визит экспертной группы Контртеррористического исполнительного директората Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН для оценки имплементации нашей страной отдельных положений базовых антитеррористических резолюций Совета Безопасности ООН 1373 и 1624. По итогам миссии эксперты Совета Безопасности ООН охарактеризовали созданную общегосударственную систему противодействия тер-

роризму как достаточно эффективный инструмент, позволивший сократить масштабы террористической активности в России, дали положительную оценку принимаемым в нашей стране мерам по реализации антитеррористических конвенций ООН, высоко оценили наш вклад в разработку и продвижение международных стандартов антитеррористической безопасности.

Сотрудничество России и ее органов безопасности в борьбе с террористической угрозой на пространстве СНГ осуществляется в рамках Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ) и в двустороннем формате. Решение о создании Центра принято на саммите СНГ в июне 2000 г. Положение о нем утверждено Советом глав государств (СГГ) СНГ в декабре 2000 г. Он является самостоятельным постоянно действующим отраслевым органом Содружества, призванным обеспечить координацию взаимодействия спецслужб и правоохранительных органов государств-участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. В его компетенцию входит содействие профильным органам стран Содружества в проведении оперативных мероприятий и комплексных операций по борьбе с международным терроризмом, в осуществлении межгосударственного розыска преступников, а также в организации подготовки специалистов антитеррористических подразделений. В своей деятельности Центр руководствуется регулярно утверждаемыми решениями СГГ СНГ трехлетними Программами сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. 16 сентября 2016 г. на заседании СГГ СНГ в Бишкеке была утверждена Программа на 2017–2019 гг.

В целях согласования подходов и координации позиций на основных международных площадках Россия проводит регулярные двусторонние консультации с ключевыми партнерами по СНГ по борьбе с терроризмом. По инициативе и под председательством России в Москве ежегодно проходят межмидовские консультации государств Содружества с участием представи-

телей компетентных российских ведомств и профильных структур СНГ по актуальным вопросам противодействия новым вызовам и угрозам.

Международное сотрудничество российских органов безопасности по борьбе с терроризмом осуществляется в формате Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС, учреждена в соответствии с Соглашением между государствами-членами ШОС от 7 июня 2002 г.), в рамках Диалогового партнерства Россия – АСЕАН, Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) и Рабочей группы Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) по борьбе с терроризмом (РГБТ) [442].

Федеральная служба безопасности в 2002 г. выступила с инициативой проведения Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов. На первое Совещание, которое состоялось в Санкт-Петербурге, прибыли партнеры ФСБ России из 37 стран мира.

Важным этапом становления Совещания стало налаживание конструктивного диалога с основным профильным контртеррористическим органом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

С первого заседания в 2002 г. участники Совещания обсуждают наиболее актуальные аспекты антитеррористического сотрудничества спецслужб: противодействие деятельности международных террористических организаций, финансированию терроризма, радикализации населения, использованию интернета в террористических целях, обеспечение антитеррористической безопасности объектов критической инфраструктуры.

Важным элементом повестки дня Совещания с 2008 г. стал обмен оценками современных террористических угроз. В рамках форума, на котором представлены спецслужбы и правоохранительные органы государств всех регионов мира, такой обмен позволил получить наиболее полный перечень террористических угроз.

В последние годы рассматривались следующие проблемы: опасность появления новых очагов вооруженных конфликтов и дальнейшего расширения географии терроризма; беспрецедентный рост террористической активности в мире, угрозы, исходящие от иностранных боевиков-террористов, возвращающихся из зон вооруженного конфликта в страны исхода для осуществления террористической деятельности; активно применяемую террористическими группировками тактику «автономного джихада»; продолжающиеся процессы радикализации населения и бесконтрольное распространение идеологии терроризма, в том числе в интернет-пространстве, окологлобальных структурах и социальных сетях; использование террористами современных средств коммуникации, обеспечивающих криптографическую защиту передаваемых данных; рост количества и повышение технического уровня компьютерных атак на информационные инфраструктуры государств, угрозы террористического характера проведению крупных международных мероприятий; изменения стратегии действий террористов на Ближнем Востоке, переноса террористической активности в страны, активно противостоящие международным террористическим организациям; расширения террористического «плацдарма» ИГИЛ в северных провинциях Афганистана; роста угрозы осуществления бандитами террористических атак с применением химического оружия; активизации использования террористами инструментов информационно-телекоммуникационной сферы и анонимайзеров для пропаганды, координации террористической деятельности и управления своими сторонниками, создание собственных «киберподразделений» [85, с. 5–22; 87, с. 5–23].

Одним из важных проектов Совещания стал Международный банк данных по противодействию терроризму (МБД), который был создан аппаратом Национального антитеррористического комитета в соответствии с решениями IV и V Совещаний и начал функционировать с 2008 г. Этот уникальный инструмент предназначен для повышения уровня многостороннего антитеррористического взаимодействия спецслужб в информационной сфере.

В 2018 г. к Банку была подключена уже 41 зарубежная спецслужба из 34 государств Европы, Азии и Африки, а также 7 специализированных структур международных организаций, включая антитеррористические подразделения ООН, СНГ, Интерпола и ШОС. В Банке содержатся сведения о 104 террористических организациях, 40 тыс. лиц, более 14 тыс. анкет на иностранных боевиков-террористов, около 500 информационных сообщений о средствах террора, тактике деятельности боевиков, различные аналитические материалы, в том числе по проблемам противодействия идеологии терроризма [87, с. 10].

С 2009 г. и по настоящее время наиболее актуальной считается проблема противодействия использованию интернета в террористических целях. В решении данной проблемы, когда стали актуальными задачи выработки единых системных подходов против использования интернета в террористических и экстремистских целях, западные страны предпочли выстраивать сотрудничество в данной сфере в своем узком кругу. Не видно было их желания подключать такие страны, как Россия и Китай, к работе по формированию правил и стандартов для крупнейших мировых IT-компаний. Хотя на саммите «Группы двадцати» в июне 2019 г. в Осаке (Япония) было принято Заявление о предотвращении использования Интернета в целях терроризма и экстремизма, но это всего лишь первый шаг в этом направлении [101].

В условиях широкомасштабного наступления международного терроризма на Российскую Федерацию актуальным стал вопрос о привлечении Вооруженных Сил РФ к участию в борьбе с международным терроризмом. В 2012–2013 гг. Россия оказывала твердую поддержку правительству Ирана и Сирии, которые подвергались массированному давлению со стороны Запада и открытой интервенции со стороны международных террористических организаций.

26 августа 2015 г. между Россией и Сирией было заключено Соглашение о размещении авиационной группы Вооружённых Сил Российской Федерации на сирийской территории. В соответствии с договором по просьбе правитель-

ства Сирии на аэродроме Хмеймим была бессрочно размещена российская авиагруппа. Сам аэродром безвозмездно передавался российской стороне.

В августе – сентябре 2015 г. в СМИ появились сообщения об увеличении российского контингента, включая отправку значительного количества военной техники и личного состава. Полные данные о силах, привлекаемых для ведения боевых действий в Сирии, являются закрытыми. Состав российских войск на территории Сирии и перечень соединений и воинских частей, подразделения которых направлялись в Сирию, не подлежит разглашению и составляет государственную тайну.

С 30 сентября 2015 г. по февраль 2016 г., когда начались переговоры о прекращении огня, российская авиация совершила более 7,2 тыс. вылетов с авиабазы Хмеймим, уничтожив свыше 12,7 тыс. объектов. Поддержка российских ВКС позволила сирийским правительственным войскам остановить территориальную экспансию террористических группировок и начать наступление в провинциях Хама, Идлиб и Алеппо. Кроме того, благодаря российским ударам террористы лишились более половины доходов от незаконно добываемой на сирийской территории нефти. Боевые потери ВС РФ составили три человека, один самолёт и один вертолёт.

11 декабря 2017 г. Президент России неожиданно прилетел в Сирию на аэродром Хмеймим, где поздравил российских военнослужащих с победой над террористами и объявил о своем решении вернуть значительную часть российского воинского контингента, находящегося в Сирийской Арабской Республике, в Россию. На Родину возвращались 25 летательных аппаратов, из них 23 самолета различной модификации, 2 вертолета, а также воинский контингент в составе отряда военной полиции Российской Федерации, отряда специального назначения, военно-полевого госпиталя, отряда центра разминирования.

За два с небольшим года Вооружённые Силы России вместе с сирийской армией разгромили наиболее боеспособную группировку международных террористов. Было освобождено более 67 тысяч км² территории, более 1000 населенных пунктов, 78 нефтегазовых полей и 2 месторождения фос-

фатных руд. Потери российской армии в Сирии, по официальным данным, составили 38 человек убитыми (среди них – ни одного призванного). Потеряны 3 самолета, 5 вертолетов. Потери самого противника оцениваются российской стороной в количестве более 32 тыс. человек убитыми.

С точки зрения задействованных сил, понесенных потерь и достигнутых результатов, сирийская кампания является одной из самых успешных за всю историю отечественных Вооруженных Сил. Именно Россия внесла основной вклад в разгром ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации). До вмешательства в войну России Запад лишь имитировал борьбу с «халифатом», а Турция и монархии (особенно Катар) ему напрямую помогали. Именно Россия начала ломать «халифат» всерьез, заставила западную коалицию бросить свое порождение и даже против него воевать.

22 августа 2018 г. Министерство обороны России опубликовало видеоотчет о результатах операции ВС РФ в Сирии под названием «Итоги в цифрах». В ходе военных действий в Сирии был апробирован 231 образец новых боевых платформ и систем вооружений, которые показали высокую эффективность.

Боевой опыт в Сирии получили 63 012 российских военнослужащих, из них почти половина (25 738 человек) – офицеры. Также в операции в Сирии участвовали 434 генерала. Через группировку войск в Сирии прошли все командующие войсками военных округов, общевойсковых армий и армий ВВС и ПВО, командиры дивизий, а также 95% командиров общевойсковых бригад и полков. Незаменимый боевой опыт получили почти все экипажи армейской и оперативно-тактической (фронтальной), а также более половины экипажей Дальней авиации Российской Федерации. Свыше 14 тыс. военнослужащих отмечены государственными наградами.

С апреля 2019 г. российскую группировку войск в Сирии возглавлял командующий Воздушно-десантными войсками (ВДВ) генерал-полковник Андрей Сердюков (сменил главнокомандующего Воздушно-космическими силами (ВКС) генерала Сергея Суровикина). На территории Сирии продол-

жает функционирование российский Центр по примирению враждующих сторон, в Сирии началась реализация программы по восстановлению мирной жизни и возвращению беженцев, для координации которой в России, Сирии, Ливане и Иордании созданы межведомственные координационные штабы.

Таким образом, международное сотрудничество в области противодействия терроризму стало важнейшим элементом формирования комплексной системы безопасности как всего мирового сообщества, так и Российской Федерации, являющейся его активным участником. В связи с этим Россия последовательно оптимизирует теоретические, идеологические и правовые основы своего участия в международном сотрудничестве по данному направлению с тем, чтобы в максимальной степени реализовать потенциал всех государственных органов при осуществлении единой внешнеполитической линии Российского государства

Эффективность действий спецслужб

За годы, прошедшие со дня образования Национального антитеррористического комитета, проведена большая работа по созданию и совершенствованию общегосударственной системы противодействия терроризму. Принятые входящими в состав НАК субъектами противодействия терроризму правовые, организационные и практические (оперативно-боевые и профилактические) меры позволили значительно сократить количество террористических актов и преступлений террористической направленности в Российской Федерации, а также существенно стабилизировать обстановку в республиках Северного Кавказа. Итогом реализованных межведомственных мер на территории Северного Кавказа стало последовательное снижение числа совершенных преступлений террористической направленности, связанных с обстрелами, подрывами и нападениями бандитов.

В результате проведения контртеррористических операций значительно снизилась численность террористических бандформирований. Только за 1999–2002 гг., по данным штаба ОГВ, было уничтожено 15,5 тыс. боевиков

[232]. Это привело к значительному, с 770 в 2010 г. до 32 в 2015 г. (в 2011–360, в 2012–311, в 2013–214, в 2014–83), снижению количества преступлений террористической направленности, совершенных в Северо-Кавказском федеральном округе. К 2015 г. деятельность террористов стала носить менее скоординированный характер.

Всего же оперативными штабами в субъектах Российской Федерации в СКФО за десять лет проведено более 500 контртеррористических операций и более 70 тысяч специальных мероприятий [87, с. 10]. В качестве отдельных примеров наиболее эффективных контртеррористических операции следует привести операции в Ингушетии в феврале – марте 2010 г. (ликвидировано в общей сложности 24 боевика, 10 бандитов задержано) и в марте 2011 г. (ликвидировано 17 боевиков), а также в окрестностях г. Нальчика КБР в ноябре 2015 г. (ликвидировано 14 боевиков) [214, с. 40–41]. Возросла эффективность проведенных контртеррористических операций. На практике это означало, что сроки проведения большинства операций в 2016 г. не превышали нескольких дней. В результате этих операций и оперативно-боевых мероприятий при оказании вооруженного сопротивления ликвидированы 129 боевиков и 22 главаря бандподполья. Задержаны около 900 бандитов и их пособников. Уничтожен одиозный главарь так называемого «Вилаята Кавказ» Асельдеров, именовавший себя «лидером международной терроризации ИГ на Северном Кавказе» [84, с. 9–10].

Среди наиболее значимых результатов деятельности спецслужб – ликвидация Масхадова, Басаева, т. н. «военных амиров» Дагестана и Ингушетии У. Магомедова, Р. Дзуртова, «представителей» «Аль-Каиды» на Северном Кавказе Сейф-Ислама и доктора Мухаммада, одиозных бандглаварей Хаттаба, А. Пашаева, Р. Осмаева, И. Успахаджиева, Ч. Гишаева, А. Дзейтова, «идеолога» бандформирований, организатора резонансных терактов на Северном Кавказе и за его пределами А. Тихомирова, известного как Саид Бурятский, Д. Умарова и его доверенного лица Б. Махаури; основного «представителя» «Аль-Каиды» на Северном Кавказе Халед Юсефа Мухаммед-аль

Эмирата (Моганнеда); эмиссара «Аль-Каиды» Абдуллы Курда, главарей террористической организации «Имарат Кавказ» А. Кебекова, М. Сулейманова, С. Абдулаева; так называемых «военных амиров» МТО «Имарат Кавказ» и главарей бандподполья Ингушетии Д. Муталиева, А. Гагагажева; бандподполья Дагестана – И. Даудова, И. Валиджанова, А. Гусейнова; бандподполья Кабардино-Балкарии – А. Берхамова, М. Тхагапсоева; бандподполья Карачаево-Черкесии – Х. Факова, Б. Гочияева и др.

В 2015–2016 гг. в городах Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Самаре, а также в Московской, Орловской, Кировской областях и некоторых других регионах страны органами безопасности ликвидированы подпольные ячейки таких международных террористических организаций как «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «АтТакфир Валь-Хиджра», «Исламская партия Туркестана». Пресечена преступная деятельность ряда лиц, осуществлявших вербовку террористов-смертников и планировавших организацию серии террористических актов, в т. ч. в Москве в период проведения майских праздничных мероприятий и Чемпионата мира по хоккею 2016 г. [216, с. 21].

В 2017 г. на территории России было предотвращено совершение 25 терактов [86, с. 7]. В этом же году в ходе контртеррористических операций, оперативно-розыскных и иных мероприятий была пресечена деятельность более 50 законспирированных террористических ячеек, задержано 1060 бандитов. При оказании вооруженного сопротивления уничтожено 90 боевиков, включая 13 главарей бандгрупп. В июне были задержаны в Москве братья Гакаевы и их сообщники, планировавшие совершение терактов на объектах Кубка конфедераций FIFA 2017 г. В октябре в Москве и Махачкале органами Федеральной службы безопасности совместно с МВД России вскрыта и пресечена деятельность сторонников запрещенного в России ИГ. Задержаны четверо членов «спящей ячейки» этой преступной организации. В Махачкале были обнаружены два принадлежавшие преступникам тайника, в которых находились три готовых к применению самодельных взрывных устройства (СВУ). В ходе следственных действий установлено, что бандиты поддержи-

вали контакт с эмиссарами ИГ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) и готовили террористические акты с применением СВУ и холодного оружия во время проведения крупных общественных мероприятий, а также планировали покушения на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих. В декабре были ликвидированы две законспирированные террористические группы в Москве и Ставрополе, планировавшие совершение террористических актов, в том числе с участием смертников, во время новогодних праздников [86, с. 8–9].

В 2018 г. в ходе контртеррористических операций и отдельных оперативно-боевых мероприятий нейтрализовано 69 бандитов, в том числе 10 (13) главарей; задержано 37 главарей, 257 бандитов и 622 их пособника. Бандиты планировали совершение нападений на сотрудников правоохранительных органов, на обычных людей в местах их массового пребывания. Это избирательные участки в день голосования на выборах Президента России, места проведения мероприятий, посвященных Дню Победы, объекты транспортной инфраструктуры, торговые и культурно-развлекательные центры [87, с. 42].

Современный политический терроризм

Политический терроризм остается одной из самых серьезных угроз в современном мире. Будучи сложным, многоплановым социально-политическим явлением он меняется, приспособляясь к новым условиям. Особенностью политического терроризма сегодня является его активное проявление в информационном пространстве, чему в немалой степени способствовали и объективные причины – пандемия и последующие локдауны. Суть его остается неизменной и состоит в угрозе применения или в реальном применении силы в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов.

Негативное влияние терроризма заключается в угрозе безопасности государства и его территориальной целостности, подрыве авторитета легитимной государственной власти. При этом публичность и пропагандистский

характер террористических акций направлены на дестабилизацию общества – преднамеренное устрашение и оказание негативного информационно-психологического воздействия на людей. Противоправные действия террористов подрывают конституционные основы общества и государства, способствуют созданию атмосферы страха и обуславливают рост социальной фрустрации.

Терроризм с полным основанием можно считать основным дестабилизирующим фактором национальной и международной безопасности. Решение проблемы политического терроризма является главной задачей современного государства.

Правовую основу противодействия терроризму в Российской Федерации в настоящее время составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии терроризму» и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

Конституция Российской Федерации закрепляет суверенитет и территориальную целостность государства, гарантирует права и свободы личности, достойный уровень жизни граждан ¹.

Несмотря на отсутствие в Основном законе непосредственных упоминаний о терроризме, конституционно-правовые нормы оказывают прямое и опосредованное влияние на антитеррористическую политику российского государства.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.06.2023).

Так, одно из изменений Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. гласит: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности», и не допускает действий, направленных на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывов к ним.

Согласно части 1 статьи 114 меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка и по борьбе с преступностью осуществляет Правительство РФ, а согласно главе 24 УК РФ терроризм является преступлением против общественной безопасности.

Любая прямая или косвенная угроза конституционному строю является угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны¹.

Основным источником угроз в сфере государственной и общественной безопасности выступает деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти, включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей. В этой связи в статье 13 Конституции РФ содержится запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв без-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 14.06.2023).

опасности государства; создание вооруженных формирований; разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. А в соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции РФ не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.

В результате общероссийского голосования 1 июля 2020 г. была конкретизирована статья 71. Согласно внесенным уточнениям обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных были включены в число сфер, находящихся в ведении Российской Федерации.

Конституционные основы борьбы с международным терроризмом закреплены и во вновь включенной в Конституцию РФ главе 79.1, которая гласит: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства». Согласно части 3 статьи 69, Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Конституционные основы противодействия терроризму получили свое развитие в Уголовном кодексе Российской Федерации, который регулирует действия и преступления, имеющие террористический характер. Статья 205 определяет террористический акт как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях. К преступлениям террористического характера, помимо собственно террористического акта, закон относит содействие террористической

деятельности (статья 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (статья 205.2 УК РФ), захват заложника (статья 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207 УК РФ), организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (статья 208 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (статья 360 УК РФ). Данные преступления влекут за собой наказания в виде лишения свободы на разные сроки, вплоть до двадцати лет, а также пожизненное лишение свободы¹.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ в развитие конституционных основ противодействия терроризму устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом².

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на обеспечении и защите основных прав и свобод человека и гражданина, законности, приоритете защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности. Важнейшими принципами являются также неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности, а также комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму. Согласно Федеральному закону, в противодействии терроризму государство сотрудничает с общественными и

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в редакции от 13.06.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 14.06.2023).

² О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192> (дата обращения: 17.06.2023).

религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами и следует принципу единоначалия в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций, сочетая при этом гласные и негласные методы противодействия терроризму и соблюдая конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников. Приоритетными являются меры предупреждения терроризма. Закон устанавливает принципиальную недопустимость политических уступок террористам. Основными принципами противодействия терроризму являются минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма и соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Статья 6 ФЗ «О противодействии терроризму» определяет применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом с целью пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами, пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства. Закон гласит, что ВС РФ могут быть задействованы в предусмотренном законом порядке для участия в проведении контртеррористической операции, а также для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

Таким образом, действующее российское законодательство предусматривает общегосударственную систему противодействия терроризму. Россия проводит единую государственную политику в области противодействия терроризму в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, защиты прав и свобод человека и гражданина, противостояния международному терроризму.

Международный терроризм является особой формой терроризма и представляет собой совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, влекущих бессмысленную гибель людей и затрудняющих осуществление международных контактов. Международный терроризм стремится к дезорганизации государственного управления, нанесению экономического и политического ущерба, нарушению устоев общественного устройства, которые должны побудить, по замыслу террористов, правительство к изменению политики. В практике международных отношений субъектами международного терроризма могут быть и отдельные государства¹.

Государственный терроризм – термин, используемый для обозначения государственного насилия против гражданских лиц. Под актами государственного терроризма обычно понимают незаконные задержания, убийства, похищения, пытки и казнь граждан без суда и следствия, выполняемые сотрудниками силовых структур (полицией и иными органами правопорядка). Государственным терроризмом также называют террористические акты, совершаемые сотрудниками специальных органов государства. Отличают также терроризм поддерживаемый государством – в этом случае государство, само не участвуя в терроризме, финансирует и поддерживает террористические группировки.

Государственный терроризм рассматривается и как внешнеполитическое явление. Резолюция, принятая на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» (1984)², определяет его как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя других государств. В современных условиях одной из разновидностей

¹ Энциклопедический словарь экономики и права. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/7911/%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%94%D0%A3%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%94%D0%9D%D0%AB%D0%99 (дата обращения: 14.06.2023).

² Резолюция 39-й сессии (1984–1985 гг.) // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml> (дата обращения: 14.06.2023).

государственного терроризма является политика государств-спонсоров международного терроризма, которая выражается в прямой или косвенной поддержке террористических организаций. Эта поддержка включает предоставление территории для создания баз и тренировочных лагерей террористов, предоставление террористам убежища от преследования правоохранительных органов других государств, оказание финансовой и прочих видов помощи.

Для государственного терроризма характерно, во-первых, использование государственного насилия против гражданских лиц, осуществляемого сотрудниками силовых структур; во-вторых, отмена или существенное ограничение конституционных прав и свобод под предлогом противодействия терроризму; в-третьих, террористические акты, совершаемые военнослужащими или сотрудниками специальных государственных органов.

В качестве одного из исторических примеров политики государственного терроризма можно привести многократные попытки убийства кубинского лидера Фиделя Кастро, предпринимавшиеся ЦРУ США с 1960-х гг.

К актам государственного терроризма, совершенным США с конца XX века и по настоящее время, относятся военные операции США и их союзников в Ираке, Югославии, Афганистане, Сирии и другие. Очевидно, что государственный терроризм в США поставлен на поток, исходя из заведомо лживых посылов разрушаются целые города и государства – обвинения Ирака в производстве химического оружия и последующее вторжение, фактическое уничтожении Ливии как государства и т. д.

Большинство исследователей сходятся в том, что процесс прозападной (террористической) трансформации Украины начался гораздо раньше 2014 г. Украина выбрала путь террора, когда еще в 1991 г. элита новой державы в качестве мировоззрения и идеологической основы выбрала украинский национализм. Причем важнейшим его аспектом была государственная и национальная идентификация как «НЕ России». Очевидная спорность и откровенная незрелость такого подхода не смутили правящую верхушку, и в 2003 г. вышла книга второго украинского президента Леонида Кучмы под названием «Украина – не Россия»,

где автор отстаивает идею одного государственного языка – украинского, и пишет, что Ивана Мазепу нельзя считать предателем. Последовала героизация Бандеры и Шухевича, носителей уже не националистической, а нацистской идеологии, в которой проповедовались тоталитаризм, этнические чистки и захват территорий, что означало принятие не только их идей, но и методов.

Это в полной мере было продемонстрировано в 2014 г., во время инициированного и активно поддержанного США государственного переворота. Государственный переворот на Украине в 2014 г. – это откровенное игнорирование упомянутой выше 39-й резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, утверждающей неотъемлемое право «всех народов определять свою собственную форму правления и избирать свой собственный экономический, политический и социальный строй без вмешательства извне, подрывной деятельности, принуждения и давления в какой бы то ни было форме»¹. Как подчеркнул Президент России В. Путин 20 ноября 2014 г. на заседании Совета Безопасности РФ, цветные революции являются одной из форм современного экстремизма².

Законный глава государства Виктор Янукович был свергнут. Начиная с этого времени, США и НАТО принимают непосредственное участие в подготовке и военных, и спецслужб Украины. Используя их прокси-силы, был организован террор на Украине, фактически уничтоживший оппозицию. Кроме того, силами СБУ провели серию терактов против популярных военачальников и политических лидеров республик Донбасса. Последовали 8 лет геноцида и терактов против мирного населения украинских и российских городов, применяются артиллерийские обстрелы городов, которые вынуждены покинуть ВСУ.

Эти действия являются грубейшим нарушением декларации о терроризме, принятой на Женевской конференции 1987 г., согласно которой государ-

¹ Резолюции 39-й сессии (1984–1985 гг.) // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml> (дата обращения: 14.06.2023).

² Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Совета Безопасности РФ в Кремле 20 ноября 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberation/s/47045/print> (дата обращения: 17.06.2023).

ственный терроризм проявляется тогда, когда насилие в отношении оппозиции, групп, категорий или целых слоев населения одобряется самим государством и реализуется через силовые структуры под предлогом защиты государственных, общественных и общенациональных интересов. В этом случае насилие может распространяться на целые слои и категории населения и приобретать форму геноцида¹. Министерство иностранных дел РФ постоянно обновляет и дополняет «Белую книгу нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине», приводя неоспоримые факты вопиющих умышленных нарушений прав человека, в том числе массовые захоронения мирных жителей, в том числе женщин и детей, как следствия карательных «зачисток»².

Нарушение 39-й резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Женевской конвенции – многочисленные преступления киевского режима в период с 2014 г. против жителей Донецкой и Луганской областей позволяют однозначно идентифицировать их как проявления государственного терроризма. К ним относятся и сбитый в июле 2014 г. в Донецкой области «Боинг – 777», и сожженные заживо в одесском Доме профсоюзов в мае того же года противники государственного переворота в Украине.

Государственный украинский терроризм не останавливается и перед применением методов, представляющих и серьезную техногенную и экологическую опасность. С начала 2022 г. были предотвращены несколько терактов: диверсия на химическом заводе «Стирол» в Горловке, подрывы газопроводов и электростанций.

8 октября 2022 г. произошел взрыв на Крымском мосту, организовало который, согласно данным ФСБ РФ и Следственного комитета РФ, Главное управление разведки министерства обороны Украины. Этот акт государственного терроризма был активно одобрен западными патронами Украины,

¹ The Geneva Declaration on Terrorism: Женевская декларация о терроризме: принята на Женевской конференции 21 марта 1987 г. URL: <http://www.i-p-o.org/GDT.HTM> (дата обращения: 14.06.2023).

² «Белая книга» нарушений прав человека и принципа верховенства права в Украине // Официальный сайт Министерства Иностранных дел РФ. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1709713/> (дата обращения: 19.06.2023).

инструкторы которых играют решающую роль в подготовке украинских диверсионно-террористических структур.

В результате организованного Украиной теракта на Крымском мосту погибли три человека, семеро числятся пропавшими без вести.

Киевский режим совершает также акты ядерного терроризма: объектами артиллерийских обстрелов являются Запорожская и Курская АЭС.

6 июня 2023 г. была подорвана Каховская ГЭС, в результате чего было затоплено множество населенных пунктов и есть жертвы. Экономический и экологический ущерб этой катастрофы еще предстоит оценить.

Продолжающийся террор мирного населения новых территорий и приграничных субъектов Российской Федерации со стороны ВСУ, СБУ и прочих военизированных украинских структур активно поддерживается и патронируется американскими и другими западными спецслужбами. Он неизбежно приводит к многочисленным жертвам среди мирного населения, разрушению инфраструктуры страны, увеличению потока беженцев, распространению преступности, а также вовлечению украинской молодежи в террористические группировки.

Таким образом, действия киевского режима, а также создавших и активно поддерживающих его США, Великобритании и прочих стран блока НАТО, несомненно, являются проявлениями государственного терроризма.

Российская Федерация как суверенное государство, являясь субъектом международного права, может на законных основаниях участвовать в вооруженных конфликтах, защищая свои национальные интересы и своих соотечественников, проживающих за рубежом, от беззакония и геноцида, обеспечивая защиту их интересов и сохранение общероссийской культурной идентичности, а также для принуждения к миру террористических стран, ставящих под угрозу безопасность в мире.

Справедливая война против нацистского киевского марионеточного режима англосаксов не только законна, но и имеет нравственное обоснование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие выводы и исторические уроки

История развития человеческого общества свидетельствует, что политический терроризм всегда был и останется в арсенале методов политической борьбы радикальной правительственной оппозиции. Полное искоренение его невозможно в принципе, так как невозможно полностью ликвидировать условия его порождающие – острые кризисные ситуации, возникающие в ходе реализации внутренней и внешней политики государства.

В современном мире политический терроризм представляет собой одну из глобальных проблем человечества, решение которой требует скоординированных усилий всего мирового сообщества. Террористическая деятельность в современных условиях приобрела транснациональный характер с отсутствием явно выраженных государственных границ. Сегодня констатируется усиливающаяся тенденция к глобализации терроризма за счет возникновения многочисленных интернациональных террористических организаций, разрастания его географии, появления новых форм и способов террористической деятельности, реальной угрозы проведения терактов с применением оружия массового поражения, радиоактивных и токсичных химических веществ. Эти явления не обошли стороной и Российскую Федерацию, где политический терроризм имеет глубокие исторические корни и объявлен одной из основных угроз её национальной безопасности.

Исторический опыт противодействия политическому терроризму в России свидетельствует о важности и необходимости его всестороннего изучения методами общественных наук. В современном понимании политический терроризм определяется как противоправный метод политической борьбы повышенной общественной опасности, имеющий собственное идеологическое обоснование и направленный на достижение поставленных террористами по-

литических целей через устрашение населения за счет применения различных форм и способов насилия.

Большинство современных исследователей отделяют политический терроризм от политики государственного террора, проводимой политическим режимом с целью подавления политической оппозиции. В данном случае важнейший квалификационный признак политического терроризма определяется спецификой его субъектно-предметной области: в роли субъекта террористической деятельности выступает политическая оппозиция, а объектом является политическое руководство страны.

Политический терроризм, социальная природа которого детерминирована наличием ярко выраженных бескомпромиссных политических конфликтов, неразрывно связан с политической историей государств, свидетельствующей о его живучести за счет адаптации к изменениям политической ситуации в обществе, приспособления к ним, в первую очередь, путем смены форм и способов своего проявления.

На стадии формирования терроризма как метода политической борьбы, угрозы, запугивания и устранения противников известны со времен формирования античных государств. В последующем политический терроризм получил теоретическую разработку и стал считаться одним из действенных методов достижения политических целей. В Западной Европе он известен с XVI столетия, но своего апогея достиг в начале XX в., послужив в 1914 г. предлогом для начала Первой мировой войны.

На российскую почву терроризм как системный метод политической борьбы был перенесен из западноевропейских стран. Наибольшее распространение он получил в последней четверти XIX в. и в своем развитии прошел ряд исторических периодов и этапов, соответствующих общему развитию российской государственности.

Важнейшая особенность российского политического терроризма последней четверти XIX – начала XX в. заключалась в том, что объектами террористических актов определялись в основном высокопоставленные предста-

вители органов государственного управления и силовых структур. Это обстоятельство придавало политическому терроризму того времени ярко выраженный классовый характер.

Новый период развития политического терроризма начался сразу после прихода к власти партии большевиков, что определялось остротой политического противостояния отстраненных от политической власти социальных сил и идейных разногласий еще недавних союзников в борьбе с российским самодержавием.

В зависимости от складывавшейся в стране внутривнутриполитической обстановки в эволюции антисоветского политического терроризма прослеживаются ряд последовательных этапов, определявших особенности террористической деятельности политической оппозиции. В первые десятилетия существования советской власти политический терроризм со стороны антисоветских сил осуществлялся в духе традиций революционных организаций конца XIX – начала XX в., но в качестве объекта террористических атак стали партийные и советские работники и активисты. В конце 40-х – 50-х гг. XX столетия центр терроризма сместился от политических центров страны в западные регионы страны, вошедшие в состав СССР накануне Великой Отечественной войны. Его идеология приобрела не только антисоветскую, но и националистическую окраску, а основная политическая цель террористов заключалась не в смене политического режима, а в создании собственных независимых национальных государств.

Начиная с конца 50-х гг. в условиях существовавшего политического режима и эффективной деятельности советских органов государственной безопасности, при отсутствии организованной политической оппозиции терроризм в Советском Союзе становится невозможным и отмечаются лишь отдельные факты его проявления как выражение индивидуального политического протеста.

После распада СССР с начала 90-х гг. XX в. с фактической ликвидацией существовавшей системы обеспечения госбезопасности и стремительного ро-

ста националистического экстремизма масштабы российского политического терроризма резко возросли. В условиях нового миропорядка этот процесс находился под влиянием общей тенденции усиления транснационального уровня международного политического терроризма.

Центром политического терроризма в постсоветской России стал кавказский регион, в географических рамках которого разросшееся сепаратистское движение оказалось неподконтрольным Федеральному Центру. Террористическая деятельность чеченских экстремистов из данного региона стала распространяться на всю территории Российской Федерации, приобрела широко-масштабный, системный, организованный характер и осуществлялась при прямом участии нелегитимных органов государственной власти и силовых структур самопровозглашенного государства Чеченская Республика Ичкерия.

Получив распространение в России, политический терроризм как общественно опасное явление на отдельных этапах своего развития представлял реальную угрозу существующему политическому строю. Поэтому политическое руководство страны вынуждено было принимать адекватные меры для решения вставшей перед ним проблемы. Как правило, действия властей представляли собой ответную реакцию на террористические вызовы со стороны радикально настроенной политической оппозиции.

До начала XXI столетия противодействие политическому терроризму, практически отождествлявшееся борьбой с ним, осуществлялось в контексте общего обеспечения государственной безопасности и не выделялось в самостоятельную область. В конце XIX – начале XX в. она рассматривалась как часть борьбы с революционным движением. При этом приоритетное значение приобрели выявление и ликвидация террористических организаций революционеров. Работа органов государственной власти и политической полиции в этом отношении стала приобретать системный характер с четко выраженными направлениями антитеррористической деятельности.

В период существования Советского государства политический терроризм рассматривался в общей совокупности уголовных политических пре-

ступлений как часть незаконной преступной антисоветской деятельности. Несмотря на декларативный отказ советского партийно-государственного руководства от традиций политической полиции Российской империи, борьба с антисоветским политическим терроризмом осуществлялась по направлениям и с учетом исторического опыта предшествующего исторического периода.

В постсоветский период в связи с выходом политического терроризма на транснациональный уровень, резким увеличением его масштабов и возникновением в этой связи реальной угрозы территориальной целостности государства, террористическая деятельность была особо выделена в числе основных угроз национальной безопасности России. Агрессия международного терроризма на рубеже XX – XXI вв. на территорию Российской Федерации потребовала от руководства страны выработки общей концепции, формирования системного подхода и создания принципиально новой общегосударственной системы противодействия терроризму, которая окончательно сложилась в начале XXI столетия.

Как свидетельствует исторический опыт, системное противодействие политическому терроризму предполагало определение общей государственной линии, развитие соответствующей законодательной базы, совершенствование основных направлений строительства и практической работы органов государственной безопасности, а также координацию усилий субъектов анти-террористической деятельности на общегосударственном уровне.

Общая государственная линия, как правило, исключала ведение открытого и конструктивного диалога с партиями и организациями террористической направленности. Террористическая деятельность политической оппозиции со стороны государства всегда рассматривалась как противоправная, представляющая повышенную общественную опасность и уголовно наказуемая. Поэтому основные усилия органов государственного управления и спецслужб направлялись на выявление и ликвидацию террористических организаций.

В системе действовавшего законодательства до начала XXI в. правовое регулирование противодействия политическому терроризму в особый предмет

не выделялось, и борьба с ним осуществлялась в рамках правового поля, установившего, с одной стороны, ответственность за совершение государственных преступлений, с другой – регламентирующего деятельность спецслужб. Антитеррористическая деятельность усиливалась принятием правительством чрезвычайных мер, направленных на стабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране или отдельных её регионах. Все это позволяло сбить разгул преступности, свести активность террористических организаций к минимуму.

В начале XXI столетия противодействие политическому терроризму получило государственную концептуальную разработку и выделилось в самостоятельную область правового регулирования. Современная законодательная база кроме определения мер уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности и регламентации деятельности спецслужб содержит четкие определения категориального аппарата, позволяющие точно квалифицировать все проявления политического терроризма и сформировать государственную систему его противодействию.

С момента распространения политического терроризма в России непосредственной борьбой с ним занимались органы государственной безопасности, решавшие широкий круг других специфических задач. В течение всего исторического периода теория и практика антитеррористической деятельности специальных служб не стояла на месте, а развивалась с учетом складывавшейся политической обстановки в стране, тактики террористов, появления новых форм и методов оперативно-розыскной работы.

Проведенное исследование доказывает, что эффективность работы спецслужб определялась поставленными перед ними целями и задачами, предоставленными полномочиями, наличием специальных антитеррористических организационных структур, централизацией и гибкостью системы управления, морально-психологическими качествами и квалификацией личного состава, правильным подбором методов оперативно-розыскной деятельности, организацией профилактических мероприятий, а также объемом финансирования.

Важным показателем усиления спецслужб, занимавшихся борьбой с терроризмом, являлось совершенствование их организационной структуры и системы управления. Основной тенденцией этого совершенствования было нарастание специализации до уровня создания особых контртеррористических подразделений, специальных ведомственных управленческих структур, а также формирования межведомственных координационных центров, позволявших вести целенаправленную и согласованную борьбу с террористическими организациями.

Способность органов государственной безопасности бороться с терроризмом во многом зависела от уровня и качества подготовки их кадрового состава, которая постоянно возрастала и шла по пути от создания курсов переподготовки и повышения квалификации жандармских офицеров в Российской империи до формирования сети специальных учебных заведений в СССР. Их выпускники наряду с базовыми знаниями также приобретали специальные умения и навыки, необходимые для борьбы с политическим терроризмом. События последних десятилетий демонстрируют необходимость особенно пристального внимания к кадровой политике органов государственной безопасности, поскольку квалифицированные, опытные кадры являются главным фактором, определяющим эффективность работы всей системы.

Исторический опыт работы отечественных спецслужб свидетельствует, что при использовании методов оперативной работы наиболее полная и достоверная информация о деятельности террористических организаций может быть получена преимущественно от внутренних источников. Однако для пресечения возможных провокаций она обязательно должна проверяться и дополняться сведениями из других источников. Сегодня для борьбы с сетевыми террористическими структурами, в которых личное общение сведено к минимуму, выросла роль технических средств разведки, в том числе средств контроля киберпространства. Значительно возрастает и роль аналитической работы, включая анализ мировоззренческих позиций социальных групп, из которых рекрутируются террористы. Это предъявляет повышенные требования к

гуманитарной, особенно специальной исторической, подготовке сотрудников аналитических структур органов безопасности.

Вместе с тем история развития политического терроризма в России показывает, что органы государственной безопасности являлись всего лишь инструментом в руках политической власти для решения довольно узких и специфических задач. Решить общую проблему сохранения существующего политического режима своими силами они оказались не в состоянии, так как это зависело от способности руководства страны устранять возникающие политические противоречия проведением политических и социально-экономических преобразований. Несмотря на высокую эффективность работы органов госбезопасности, они не могли заменить деятельности органов государственной власти.

Несомненно, что степень террористических угроз напрямую зависит от складывающейся в стране социально-политической обстановки и способности правительства контролировать политический процесс. Действенность такого контроля определяется, с одной стороны эффективностью работы спецслужб, с другой – адекватностью сложившимся реалиям внутренней политики государства. Если возникшие противоречия не разрешаются политической властью, то даже самая эффективная борьба органов безопасности не сможет предотвратить массовых протестных выступлений с применением методов политического терроризма. Так случилось в начале и в конце XX в., когда недовольство существующим политическим режимом привело к появлению радикальной политической оппозиции с её крайними террористическими методами борьбы. Поэтому даже полное подавление политической оппозиции, осуществляемое силовыми методами с помощью специальных служб, без проведения назревших политических и социально-экономических реформ обеспечивает лишь временную стабильность существующему политическому режиму. Политика чрезвычайных мер и государственного террора ведут к ликвидации террористических организаций, но не исключают их появления в будущем, поскольку они не разрешают существующие политические и социально-

экономические проблемы, а лишь на время снижают их остроту. Это обстоятельство свидетельствует о первостепенности в эффективном противодействии политическому терроризму общей правительственной внутривнутриполитической линии, предполагающей стабилизацию обстановки не только силовыми методами, но и политическими уступками.

Отечественный исторический опыт дает основание утверждать, что степень опасности политического терроризма в нашей стране возрастала в условиях либерализации российского общества, сопровождавшейся одновременным кризисом политической власти, создающим предпосылки для снижения контроля за действиями радикальной политической оппозиции со стороны специальных служб и, как следствие, повышения активности террористических организаций. Поэтому правительству важно найти тот баланс, который, с одной стороны, позволяет принимать компромиссные решения, с другой стороны, не исключает жестких силовых методов борьбы с противоправной деятельностью.

Отсюда следует важный исторический урок: эффективное противодействие политическому терроризму возможно только при наличии общегосударственной системы. Чтобы свести к минимуму террористические угрозы политическое руководство обязано проводить адекватную по отношению к радикальной оппозиции политику, обеспечивая одновременно слаженную совместную антитеррористическую деятельность органов государственной власти, специальных служб и силовых ведомств.

Изучение истории развития политического терроризма в России свидетельствует о его превращении в многоаспектный, в высокой степени опасный, долговременный и дестабилизирующий фактор развития российского общества, препятствующий его нормальному поступательному развитию. Эффективность противодействия политическому терроризму всегда зависела и будет зависеть в дальнейшем от адекватности той системы мер, которую вырабатывает государство для защиты от этой угрозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II / сост. В. Е. Кельнер. Л., 1991.
2. 104 года назад (в 1914 г.) был убит наследник Австро-Венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд: Сараевское убийство как повод к началу Первой мировой войны / компиляция Е. Широковой // Ptiburdukov.ru [сайт]. URL: <http://ptiburdukov.ru/История/Календарь/?n=716> (дата обращения: 20.08.2018).
3. 1894–1905. Революционное движение в России: в докладах министра Муравьева. СПб.: Летописец. б. г. 243 с.
4. Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967.
5. Bilington J. H. The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture. NY, 1967.
6. Daly Y. Autocracy under Siege, Security Police and Opposition in Russia. 1886–1905. Dekalb, Illinois. 1998.
7. Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolution Party // The Russian Review. 1979 № 38 (2).
8. Geifman A. Thou Shalt Kill Revolutionary Terrorism in Russia. 1894–1917. Princeton University Press, 1993.
9. Naimark N. M. Terror and the Fall of Imperial Russia. Boston, 1986.
10. Hardman J. B. S. The Terrorism reader. London, 1979.
11. Laqueur W. Terrorism. Бостон-Торонто, 1977. – P. 135.
12. Legget G. The Cheka: Lenins political police. – Oxford, 1981.
13. Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Social-Revolutionary Party in Russia // Mommsen and Hirschteld Social Protes, Violence and Terror. NY 1982.
14. Kelly A. Self-Censorship and the Russia Intelligentsia 1905–1914 // Slavic Review. – 1987. – № 46 (2).
15. Memento! // Революционная Россия. 1905. № 72. 1 августа. С. 1–2.

16. Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia NY, 1970.

17. Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq // TheSoufan Group, Dec. 2015. – P. 4.

18. Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. – 2002. – № 5. – С. 127–138.

19. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы; под ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиторил УРС, 2000. – С. 36–53.

20. Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект. Киев, 1995.

21. Агафонов В. К. Заграничная охранка. – Петроград: Книга, 1918.

22. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. док.: 1880–1917; сост. Е.И. Щербакова; под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 384 с.

23. Аксенова С.В. Политика противодействия терроризму в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 208 с.

24. Алексеев Н.А. В.И. Ленин в Лондоне (1902–1903) // Пролетарская Революция. М., 1924. Т. 3 (26). 152 с.

25. Алексеенко Д. М. Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом // Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум: материалы конференции. – М., 2014.

26. Алексеенко Д. М. Из опыта борьбы спецслужб Российской империи с террористами // Высокотехнологичный терроризм: материалы российско-американского семинара. – М., 2007.

27. Альтман И.С. Следственная документация как источник по истории революционного движения в России в конце XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983.

28. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 т. 1883–1916 гг. // Рос. полит. энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – Т. 1. – 704 с.

29. Аннан К. Глобальная стратегия борьбы с терроризмом // Безопасность Евразии. – 2005. – № 1. – С. 469–470.
30. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. – М., 2000.
31. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998.
32. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2001.
33. Антитеррористическое законодательство России. URL: <https://studfiles.net/preview/5580342/> (дата обращения: 4.09.2019)
34. А.П. Департамент полиции в 1892–1908 гг. Из воспоминаний чиновника // Былое. – 1917. – № 5 – 6. – С. 17–24.
35. Аркелян М. А. Политическая полиция Российской Империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – С. 16.
36. Архив ВЧК: сборник документов. – М.: Кучково поле, 2007.
37. Бабицкий А. Терроризм в России: и здесь русские особенные // Невероятное вокруг нас – есть повод поговорить: Teammy – социальные сообщества. URL: <http://www.chuchotezvous.ru/social-disasters/481.html> (дата обращения: 17.10.2017).
38. Багдасарян В. Э. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. – М.: ВНИИ МВД России, 2004.
39. Бакаев А. А. Отечественная историография политического терроризма в российской империи начала XX века. – М.: ВНИИ МВД России, 2005.
40. Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра. ист. наук. Специальность: 07.00.09. – М.: РУДН, 2005. – С. 44.
41. Бакай М. Е. Еще о провокации и провокаторах // Былое. – 1909. – № 11–12.
42. Баранец В. Н. Генштаб без тайн: 2 т. – М.: Вагриус, 1999. URL: <http://militera.lib.ru/research/0/one/baranets1.rar> (дата обращения: 17.10.2017).

43. Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века. С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 181–191.
44. Баранов А. С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.02. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2000. – 180 с.
45. Барышников С. Г. Общая теория террористической деятельности: объект, предмет, особенности и задачи исследования // *Вестник Пермского нац. исследовательского политехн. ун-та*. – 2011. – № 12. – С. 39–44.
46. Барышников С. Г. Социально-философский анализ форм осуществления террористической деятельности // *Вестник Челябинской гос. акад. культуры и искусства*. – 2011. – № 3 (27). – С. 102–104.
47. Барышников С. Г. Функция специально-методологических оснований построения системы знаний о террористической деятельности // *Вестник Дагестанского гос. ун-та*. – 2011. – № 5. – С. 267.
48. Беглова Н. С. Терроризм: поиск решения проблемы // *США: экономика, политика, идеология*. – 1991. – № 1. – С. 51–65.
49. Белова А. В. Тамбовское ГЖУ: структура, деятельность, кадры (1867–1917 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. – Тамбов, 2008.
50. Безрукова О. В. Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография / О. В. Безрукова, Е. А. Капитонова, Г. П. Кулешова. – М.: Проспект, 2019. – С. 30–35.
51. Беляев В. П. Я обвиняю! – М.: Политиздат, 1984.
52. Бетоева М. Д. История Владикавказа (1781–1990 гг.) / М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. – С. 29–31.
53. Бердяев Н. А. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин, «София», 1923.
54. Боголюбова Т. Борьба с терроризмом: уголовно-правовые проблемы // *Уголовное право*. – М., 1999. – № 1. – С. 39–43.

55. Богучарский В. Я. Государственные преступления в России в XIX веке: сб.: извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений: в 3 т. – М., 1906.

56. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70 и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», её происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912.

57. Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества. – СПб., 1904.

58. Боевики ИГ готовят экспансию в СНГ, считает глава ФСБ [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/43121901-boeviki-ig-gotovyat-ekspansiyu-v-sng-schitaet-glava-fsb/> (дата обращения: 4.09.2019).

59. Болтунов М. Агентурой ГРУ установлено. – М.: Русская разведка, 2003.

60. Борьба с идеологией насилия: российский опыт противодействия терроризму [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2718994> (дата обращения: 4.09.2019).

61. Борисов А. Н. Особый отдел империи: История Заграничной агентуры российских спецслужб. – СПб.; М., 2001.

62. Босхолов С. С., Литвинов Н.Д. Проблемы нормативного регулирования борьбы с терроризмом в современной России: материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью». – Калининград, 1997. – С. 70.

63. Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: Политико-правовые аспекты. – Киев; Одесса, 1991.

64. Брачев В. С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). – СПб., 2001.

65. Брачев В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. – СПб., 1998.

66. Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996.

67. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2000. – С. 10, 12.

68. Будницкий О. В. Терроризм в России [Электронный ресурс] // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <http://megabook.ru/article/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#collapse> (дата обращения: 20.08.2018).

69. Будницкий О. В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 203–208.

70. Булкин Ф. Департамент полиции и союз металлистов // Красная летопись. – 1923. – № 5, 8, 9.

71. Бурдс Д. Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). – М.; Нью-Йорк, 2006. – 201 с.

72. Буртный К. П. Современный политический терроризм. – М.: ВУ, 2003. – 152 с.

73. Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве // Каторга и ссылка. – 1925. – № 1. – С. 96–133.

74. Вайнберг И. И. За горьковской строкой: реальный факт и правда искусства в романе «Жизнь Клима Самгина». – М.: Советский писатель, 1976. С. 186. – 478 с.

75. Вардлоу Г. Политический терроризм. Теория, тактика и борьба с ним. – Кембридж: Изд-во Кембриджского ун-та, 1989.

76. Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. – М., 2004. – Т. 2. С. 343–515.

77. Вахрушев В. А. Исторические аспекты терроризма // Вестник академии военных наук. – 2011. – № 2 (35). – С. 187–196.

78. Верховский А., Папп А. Политический экстремизм в России. – М., 1996.

79. Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2010. – № 1. – С. 68.
80. Вестник Национального антитеррористического комитета 2014. – № 1 (10) – С. 6.
81. Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2016. – № 2 [15]. – С. 11.
82. Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. – № 1 [16]. С 9–10.
83. Вестник Национального антитеррористического комитета 2017. – № 2 [17] – С.5–22.
84. Вестник Национального антитеррористического комитета. 2018. – № 1 [18]. С. 7–9.
85. Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2019. – № 1 [20]. – С. 5-23, 37, 42.
86. Витюк В. В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социс. – 1993. – № 7. – С. 42–50.
87. Витюк В. В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М., 1987. – 318 с.
88. Витюк В. В. Социальная сущность и идейно-политические концепции-современного левого терроризма: дис. ... д-ра философ. наук. – М., 1985.
89. Воротников В. П. Терроризм: причины, последствия, возможности преодоления. – М., 2005.
90. Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование): в 2 ч. – Домодедово, 1997.
91. Волков А. Петроградское охранное отделение. – Пг., 1917.
92. Воробейникова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административного полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. – Киев, 1973.
93. Всемирная история. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. – М.: Весь мир, ИД "Инфра-М", OxfordUniversityPress. Гарри Джадж. 2003.URL:

https://world_history.academic.ru/4330/%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80 (дата обращения: 20.05.2018).

94. Вступительное слово на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22592> (дата обращения: 4.09.2019).

95. Вязьмитинов М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93.

96. В 1878 году: всеподданнейшее донесение шефа жандармов // Голос минувшего. – 1917. – № 7 – 8. – С. 152.

97. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – М.: Изд. политической литературы, 1987.

98. ВЧК – ГПУ. Документы и материалы. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995.

99. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на XVIII Совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств, Сочи, 16 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: // https://odkb-csto.org/news/news_odkb/vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rossiyskoy-federatsii-s-v-lavrova-na-xviii-soveshchanii-rukovo/ (дата обращения: 4.09.2019).

100. Гаврилова О. В. К истории вопроса возникновения государственного терроризма в России // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2014. – № 3. – С. 80–85.

101. Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001.

102. Галкин В. В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). – М., 1996. – С. 109.

103. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 214. Л. 47.

104. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 214 г. Ч. 65. Л. 46.
105. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 353. Л. 6.
106. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 48. Ч. 8–16.
107. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 663. Л. 1–3.
108. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 53. Д. 737. Л. 15 а.
109. ГАРФ. Ф. 109. Эксп 3. Оп. 53. Д. 115. Ч. 24. Л. 2–3.
110. ГАРФ. Ф. 109. Эксп. 3. Д. 48. Ч. 1. Л. 141.
111. ГАРФ. Ф. 109. Эксп. 3. Оп. 44. Д. 473. Ч. 1. Л. 77.
112. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 912, 923.
113. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 14. Л. 4–5.
114. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1522. Л. 15.
115. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 4. Л. 5, 10, 83.
116. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 5.
117. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 33. Л. 5.
118. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 110. Л. 6.
119. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 142. Л. 12.
120. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1694. Л. 33.
121. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 30, 38–40.
122. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.
123. ГАРФ. Ф. 14014. Оп. 3. Д. 418. Л. 73.
124. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917; пер. с англ. Е. Дорман. – М., 1997.
125. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М.: Товарищество Русских художников, 1991. – 208 с.
126. Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 2. – С. 196.
127. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1966. – Т. 30. – С. 502.
128. Герье В. Террор // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. с илл. и доп. матер-ми. – СПб., 1901. – Т. 36. – С. 76.
129. Гессен В. М.: Судебная реформа. – СПб., 1905.

130. Гессен В. М. Исключительное положение. – СПб., 1908.
131. Гинев В. Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX вв. – СПб., 1999. – С. 26–43.
132. Глава ФСБ рассказал о принятой террористами тактике «автономного джихда» [Электронный ресурс]. URL:<https://news.mail.ru/politics/32007579/?frommail=1> (дата обращения: 4.09.2019).
133. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: на материалах Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 – отечественная история. – Саратов, 2006. – 207 с.
134. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: на материалах Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006. – С. 16, 20.
135. Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы // Исторический вестник. – 1912. – Т. 127. № 2. – С. 667–690.
136. Глобачев К. И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 55–59.
137. Глушков В., Емельянов В. Террор и терроризм: соотношение и разграничение // Человек и Закон. – 2012. – № 2. – URL: http://psj.ru/saver_magazins/detail.php?ID=71082.
138. Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. – Архангельск; СПб., 2010.
139. Головкин Г. З., Бурин С. Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. – М., 1994.
140. Голубев Г. А. Международное сотрудничество России в сфере противодействия терроризму, последняя треть XIX – начало XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2006.

141. Голубев Г. А. Международное сотрудничество России в сфере противодействия терроризму, последняя треть XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2006. – 190 с. РГБ ОД, 61:06-7/1081.
142. Горбачева И. М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения (конец XIX в. – 1917 г.): дис... канд. ист. наук. – М., 2006.
143. Горбунов К. Г. Терроризм, социально-психологическое исследование: монография / К. Г. Горбунов. – Омск: Изд-во Ом. гос. у.-та, 2010. – 384 с.
144. Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. – М., 2008.
145. Горбунов Ю. С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права. – 1993. – № 1. – С.51–63.
146. Голенищев-Кутузов П. М. Из памятных записок // Русский архив. – 1883. № 1. – С. 221–222.
147. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). – М.: Политиздат, 1975. – 703 с.
148. Головин А. Ю., Дубасов Е. В. Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX – начало XX вв.) // Известия Тульского гос. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 71, 73.
149. Голосов С. Я. Терроризм на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1988.
150. Голушко Н. М. В спецслужбах трех государств. – М.: Кучково поле, 2012. – 720 с.
151. Гомонова С. А. Политическая полиция России конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С. 83–90.
152. Гончарова Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: На материалах Саратовской губернии / Под ред. А. В. Воронежцева. Саратов: Научная книга, 2006. – 96 с. URL: <https://texts.news/rossii-nachale-istoriya/organizatsiya-filerskoy-slujbyi-26895.html> (дата обращения: 20.06.2019).

153. Горяинов В. М. Исторические аспекты деятельности корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX в.: дис. ...канд. ист. наук. – Курск, 2001. – С. 107–108, 114–115.
154. Грачев А. С. Политический терроризм: корни проблемы. – М., 1982.
155. Грачев А. С. Политический экстремизм. – М.: Мысль, 1986.
156. Гредескул Н. А. Террор и охрана. – СПб., 1912.
157. Григорьевский М. Полицейский социализм в России. Зубатовщина. – СПб.: Образование, 1906.
158. Гугасари Е. С. Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 6. – С. 215–216.
159. Гурба В. Н. Многоликий терроризм: подходы к многоуровневой модели исследования // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 59–63.
160. Даниэль Л. Экономические аспекты терроризма и борьбы с ним: к истории вопроса, попытка анализа предложений ОБСЕ // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – 3(51). – С. 137–154.
161. Декреты Советской власти. – М., 1959–1971. – Т. 1–5.
162. Дело провокатора Малиновского. – М.: Республика, 1992.
163. Дементьев И. В. Феномен политического терроризма: концептуальный аспект // Социс. – 1991. – № 11. – С. 47–52.
164. День памяти: самые кровавые теракты в России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/319338-den-pamyati-samye-krovavye-terakty-v-rossii> (дата обращения: 10.2.2023).
165. Деревнина Т. Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С. 164.
166. Дерюжинский В. О. Исторический обзор мероприятий общего характера по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, применявшихся в России в течение прошлого столетия // Материалы

по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. – СПб, 1905.

167. Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М., 1997. – Т. 1.

168. Джунковский В. Ф. Жандармы и революционеры. Воспоминания. – Париж, 1930.

169. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб., 2006.

170. Добаев. И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003. – С. 335–336, 341.

171. Дойков Ю. В. Красный террор. Россия. Украина. 1917–1924. – Архангельск, 2008.

172. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: Демократия, 2004.

173. Долгополов Ю. Б. Война без линии фронта. – М.: Воениздат, 1981.

174. Ермаков С. М. Терехов В. Ф. Некоторые аспекты проблематики терроризма. // Экспорт вооружений. – 2001. – № 4. – С. 31–39.

175. Жаров С. Н. Безагентурные методы политической борьбы в Российской империи начала XX в. – Челябинск, 2002.

176. Жаров С. Н. Методы прикрытия внутренней агентуры корпуса жандармов Российской империи // Проблемы человека в историческом процессе. Ученые записки. – Челябинск: ЮУрГУ, 1999. – С. 133–144.

177. Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность в России, организация, методы, правовое регулирование: историко-юридическое исследование: дис.... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.

178. Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. – М., 1977.

179. Женщины-террористки в России; сост. О. В. Будницкий. – Ростов-на-Дону, 1996.

180. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. – М., 1918 (оттиск из № 9–10 «Голоса минувшего» за 1917 г.).

181. Жухрай В. М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. – М., 1991.

182. Заварзин П. П. Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – М., 2004. – Т. 1. – С. 418.

183. Заварзин П. П. Работа тайной полиции. – Париж, 1924.

184. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978.

185. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). – М.: Мысль, 1970.

186. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 70–80 годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.

187. Зайцев Г. Н. «Альфа – моя судьба». – СПб, «Славия», 2007.

188. Зайцев Г. Н. Спецназ «Альфа»: дела и люди. – СПб.: Славия, 2016. – 795 с.

189. За кулисами охранного отделения: с дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями; сост. А. Б. Berlin, 1910.

190. Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М.: Гардарики, 1996. – С. 8.

191. Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. – М.: «Наука», 1981. – 244 с.

192. Зеленков М. Ю. Экстремизм в современном мироустройстве и Российской Федерации XXI века. Политико-правовой аспект: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – С. 100–102.

193. Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности. – Одесса: ФЕНІКС, 2003. – 400 с.

194. Зернов И. В., Карнишин В. Ю. Борьба с терроризмом в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: историко-правовые аспекты внутрен-

ней политики // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 2–5.

195. Зиновьев А. А. Сталин – нашей юности полет. Социологическая повесть. – М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2002. – С. 5, 17, 42–43.

196. Зотов Л. Саратовская охранка. – Саратов, 1924. – С. 92.

197. Зубатов С. В. // Россия: иллюстрированная энциклопедия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. – 598 с.

198. Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX веков. – М., 1991. – С. 254, 268.

199. Иванов В. Н. Феномен терроризма (Политическая социология: проблемы терроризма) // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 63–71.

200. Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

201. Игнатов В. Д. Агентура НКВД – МГБ против ОУН – УПА. – М.: Вече, 2019. – 496 с.

202. Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПБО) – чекистский миф или реальность. // Исторические чтения на Лубянке 1997 – 2007. – М.: Кучково поле, 2008. – 260 с.

203. Измозик В. С. Жандармы России. – СПб.; М., 2002. – С. 249.

204. Измозик В. С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации XVIII – начало XX в. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 696 с.

205. Из речи П. А. Столыпина 13 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. – СПб., 1907. – Т. I. – С. 512–518.

206. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 годов: в 2 т. – Париж; Москва, 1992. – Т. 2. – С. 112–113.

207. Ильин Е. П. Об итогах деятельности Федерального оперативного штаба в 2006–2015 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2015. – № 2. – С. 40–41.

208. Ильин Е. П. Об оценках террористических угроз и подходах Российской-Федерации к противодействию терроризму // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2012. – № 2. – С. 11–13.

209. Ильин Е. П. Характеристика новых вызовов и угроз терроризма на современном этапе // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2016. – № 2 (15). – С. 21.

210. Ильин Е. П. «О российской общегосударственной системе противодействия терроризму» // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2019. – № 1 (20). – С. 26.

211. Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: материалы конф. – М., 1996.

212. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения // Борисов А. Н. Особый отдел империи: История Заграничной агентуры российских спецслужб. – СПб.; М., 2001. – С. 426–437.

213. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения; публ. Ф.М. Лурье, З.И. Перегудовой // Из глубины веков. – 1992. – № 1. – С. 71–83.

214. Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры. Составлена при Московском охранном отделении // Жандармы России /Сост. В. С. Изюмник. – М., 2002. – 640 с.

215. Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений // Перегудова З. И. Политический сыск России. – С. 381–382.

216. Ирецкий В. Н. Охранка: Страницы русской истории. – Пг., 1918.

217. История и террор: межвуз. науч. конф. – Пермь, 1993.

218. История и террор: межвуз. науч. конф. – Пермь, 1998.

219. История и террор: тезисы докладов на межвуз. науч. конф. – Пермь, 1996.

220. Исторический вестник: терроризм в России в начале XX в. – М., 2012. – С. 185–188.

221. История внутренних войск (1945–1966 гг.). – М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России. – Т. 4. – Ч. 1. – 271 с.
222. История Гражданской войны в СССР. Т.3. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 210–216.
223. История пограничных органов. – М.: МПИ ФСБ России, 2011. – С. 121.
224. Итенберг Б. С. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 114.
225. Итоги контртеррористической операции в Чечне. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1156661> (дата обращения: 25.06. 2019).
226. Кабанов П. А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск, 1998. – 337 с.
227. Калинин Н. В. Деятельность охранных отделений (конец XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 203–210.
228. Кантор Р. К. К истории черных кабинетов // Каторга и ссылка. – 1927. – № 8. – С. 90–99.
229. Карлейль Т. Герой и героическое в истории. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891. – С. 285.
230. Карпова Н. А. На службе заграничной агентуре Департамента полиции МВД Российской империи [Вступительная статья] // Исторический вестник: терроризм в России в начале XX в. – М., 2012. – Т. 2012. – С. 174–188.
231. Карпова Н. А. Учреждение районных охранных отделений в процессе реформирования системы МВД России в начале XX века // Наука и школа. – 2011. – № 4. – С. 135–138.
232. Катастрофа российского самолета Airbus A321 «Когалымавиа» в Египте [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191031/1560346380.html> (дата обращения: 25.06. 2019).
233. Кафтан В. В. Введение в террологию. Логико-гносеологические основания институционализации. – М., 2009.

234. Кашников Б. Н. Чеченский терроризм. Взлет и падение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psihdocs.ru/chechenskij-terrorizm-vzlet-i-padenie.html> (дата обращения: 25.06. 2019).

235. Квасов О. Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2015. – 513 с.

236. Кеклис А. Ю. Из истории создания Санкт-Петербургского охранного отделения как органа политической полиции российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3 (47). – С. 23–26.

237. Киреев И. В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – С. 59–63, 69, 73, 86, 100–102, 121.

238. Киреев М. П., Акиев М. Х. Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 4 (24). – С. 70–71.

239. Киселев Е. Спецслужбы Александра III [Электронный ресурс] // Наша история: Сетевое издание. URL: <http://nashahistory.ru/materials/specsluzhby-aleksandra-iii> (дата обращения: 25.06. 2019).

240. Климов А. А., Козлов А. В. Красная звезда против трезубца. Боевые операции РККА и НКВД на Украине. – М.: Вече, 2018. – С. 7. – 320 с.

241. Ковтуненко П.О. Террористическая деятельность в Пермской губернии в начале XX в. (Очерк дореволюционной историографии) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2007. – № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://jurnal.org/articles/2007/hist6.html> (дата обращения: 13.09.2018).

242. Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. – М.; Л., 1928.

243. Колпакиди А. И., Север А. 100 лет российским спецслужбам. От ВЧК до ФСБ. – М.: Вече, 2018. – 544 с.

244. Комиссаров В. С., Емельянов В. П. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение // Вестник Московского университета, – 1999. – № 5. – Сер. 11. Право. – С. 40.

245. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 05.10.2009. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс: Законодательство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=92779&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.33533493164378214#09369365209789147> (дата обращения: 6.08.2019).

246. Корнаухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. – М.: Политиздат, 1981. – С. 47, 179.

247. Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР: по материалам процесса пяти монархистов-террористов. – М.: ЛитиздатНКИД, 1928.

248. Ковтуненко П.О. Правоохранительная система Пермской губернии в период наивысшего подъема террористической деятельности (начало XX в.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 3. – С. 64–68.

249. Кознов А. П. Заграничный политический сыск (1900 – февраль 1917) // Кентавр. – 1992. – № 1–2. – С. 96–108.

250. Конквест Р. Большой террор. – Рига: Ракетникс, 1991.

251. Концептуальные и организационные основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в рамках участия в международном антитеррористическом сотрудничестве // Информационный бюллетень НАК. – № 5. – С. 23–26;

252. Красная книга ВЧК. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1.

253. Красный А. Тайны охраны. – М., 1917.

254. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний; сост. полк. Добряков. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. жанд., 1903.

255. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. – М.: Вече, 2017. – 416 с.

256. Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. – М.: Центрполиграф, 2019. – 575 с.

257. Кто финансирует террористов в России? [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/kto-finansiruet-terroristov-v-rossii.html> (дата обращения: 12.05.2023).

258. Кудрина Н. Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2000. – С. 12.

259. Кузнецов Ю. П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. – СПб.: Мифрил, 1998.

260. Куканов А. В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007.

261. Кулешов С. А. Военные формирования охранительной системы Российской империи в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – С. 125, 225–226.

262. Курлов П. Г. Гибель императорской России. – Берлин, 1928.

263. Курлов П. Г. Гибель Императорской России. – М., 1991. – С. 117.

264. Курскова Г. Ю. Образ правителя в европейской политико-правовой мысли // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 19.

265. Лаар М. Забытая война. Движение вооруженного сопротивления в Эстонии в 1944 – 56 гг. – Таллинн: Гренадер, 2005.

266. Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). – М., 1972.

267. Лаговьер Н. Социалистическое наступление и кулацкий террор / Н. Лаговьер, А. Роднянский. – М.; Л.: Госиздат, 1930.

268. Лазарев Н. Я. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования. – 1993. – № 7.

269. Лазарев Н. Я. Терроризм как тип политического поведения // Социс. – 1993. – № 8. – С. 32–36.

270. Ларионов В. А. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского центрального партклуба (июнь 1927). – Париж, 1931.

271. Лемке М. К. Наш заграничный сыск (1881–1883) // Красная летопись. 1923. – № 5. – С. 67–84.

272. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. – СПб., 1908. – С. 13.

273. Ленин В. И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов (письмо в редакцию) // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1968. Т. 12. – С. 59–70.

274. Ленин В. И. От обороны к нападению // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 11. – С. 268–271, 317, 336, 340, 341, 343.

275. Ленин В. И. В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 11. – С. 336–338.

276. Ленин В. И. Задачи отрядов революционной армии // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 11. – С. 339–343.

277. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. – Т. 12. – С. 70.

278. Ленин В. И. Поли. собр. соч. – Т. 25. – С. 95.

279. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1967. Т.33. С.26.

280. Листок № 1. По поводу убийства Фон-Плеве // Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 1998. (284) – Т. 1. 1883 – 1916 гг. – С. 44.

281. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – Казань, 1995. С. 24.

282. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. – М.: «Яуза», «ЭКМО», 2004. С. 110–111, 239, 320.

283. Литвинов Н. Д. Антигосударственный терроризм: понятие и прогноз развития в России. – Воронеж, 2000.

284. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ): монография. – М., 1999.

285. Литвинов Н. Д., Мурадинов Ш. М. Противодействие терроризму на железных дорогах Российской империи. – М., 1999.

286. Литвинова А. Н. Первая кровь России. – Воронеж: Антитеррор, 2006.

287. Лонге Ж. Террористы и охранка; предисл. Ж. Жореса. – М., 1924. – С. 25.

288. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. – М., 1923.

289. Лопухин А. А. Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года «Положения о начальниках розыскных отделений»; подписал А. Лопухин. – СПб., 1902. 7 л.

290. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. – М., 1907.

291. Лубянка: Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: Международный фонд «Демократия», 2004. – С. 122, 132, 217.

292. Лунц М. Г. Полицейский социализм в России: Зубатовщина. – СПб., 1906.

293. Лурье Ф. М., Перегудова З. И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. – СПб., 1992. – Вып. 1. – С. 73–77.

294. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. – СПб., 1992.

295. Лурье Ф. М. Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. – М., 2006.

296. Ляхов Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М., 1987. – 164 с.

297. Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. – М., 1991.

298. Майский С. «Черный кабинет»: из воспоминаний бывшего цензора // Былое. – 1918. – № 7 (13). – С. 185–197.

299. Майшев С. Е. Организация внутренней агентуры в деятельности органов политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Исторические науки. – 2016. – № 3. – С. 19–23.

300. Макарычев А.С. Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика // Индекс безопасности. – 2007. – № 2 (82). – Т. 13. – С. 133–146.

301. Маркедонов С. Терроризм в Чечне: подходы к определению и объяснению феномена [Электронный ресурс]. URL: https://cas-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/04.marrus.shtml (дата обращения: 13.09.2019).

302. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. – М., 2004. Т. 1. – С. 27 – 408.

303. Мартыненко К. Б. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: на примере России конца 80–90 гг. XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 245 с.

304. Масалов А. Г. Психологические аспекты политического террора // Философия права. – 2009. – № 6. – С.11–13.

305. Материалы сбора руководящего состава антитеррористических подразделений органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ – СПб.: Русь, 2017. – С. 248–249.

306. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. – М.: РИССО, PS, 1990. – 207 с.

307. Меньщиков Л. П. Охранка и революция (к истории тайных политических организаций, существующих за время самодержавия): в 3 ч. – М., 1925.

308. МИД РФ заявил о случаях финансирования террористов в России из-за рубежа [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1108264-mid-ri-zayavil-o-sluchayakh-finansirovaniya-terroristov-v-roscii-iz-za-rubezha> (дата обращения: 13.09.2019).

309. Миллер Е. К. «Повстанческая работа в Советской России» Из материалов на Е. К. Миллера, хранящихся в Центральном Архиве ФСБ России // Политическая история русской эмиграции, 1920–1940. – М., 1999.
310. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. – Спб., 1902.
311. Миролобов А. А. Политический сыск в России 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.
312. Могильнер М. Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М., 1999.
313. Моджорян Л. А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. – М., 1991.
314. Мозохин О. Б. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. – М.: Кучково поле, 2011. – 622 с.
315. Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Яуза-ЭКМО, 2004.
316. Мозохин О. Б. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. – М.: Яуза-ЭКМО, 2005.
317. Мозохин О. Б. Сталин и органы государственной безопасности. – М.: Вече, 2017.
318. Мойсинович А. М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в. – Ярославль, 2010. – С. 56.
319. Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества. – М., 1997.
320. Мудрик-Мечник С. Служба безпеки (ОУН). – Тернополь, 1994.
321. Мухин В. Терроризм опять становится для России главной внутренней угрозой // Независимая газета. – 2019. – 29 января.
322. Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. – Париж, 1914.
323. МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии 1918–1921. Сборник документов. – М.: Московский рабочий, 1978.

324. Мыциков В. В. Из истории жандармского полицейского надзора на ЮВЖД // Российская цивилизация: история и современность: межвуз. сб. науч. ст. – Воронеж, 1998. – Вып. 1. – С. 129–143.
325. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. – М., 1979.
326. Мулукаев Р. С. Полиция в России (XIX – начало XX в.). – Н-Новгород, 1993.
327. Мулукаев Р. С. Система органов внутренних дел революционной России. – М., 1979.
328. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. – М., 1964.
329. Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.
330. Назаров П. Р. Исповедь. – М.: ВИНТИ РАН, 2004. – 312 с.
331. Нарбутов Р. В. Проект развития полицейских органов России 1907 года // Советское государство и право. – 1990. – № 11.
332. Народная воля перед царским судом. – М., 1931. – Вып. II. – С. 126.
333. Народная воля. – 1880. – 5 декабря. – № 4.
334. Наумов А. Проблема революционного экстремизма и терроризма в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Законность. – 2006. – № 5. – С. 46–50.
335. Невский С. А., Карлеба В. А., Сирица И. В. Органы охраны правопорядка и безопасности на Кубани (вторая половина XIX – начало XX века). Краснодар, 2003.
336. Нечипоренко О. М. Истоки и специфика российского политического терроризма // Актуальные проблемы Европы. – 1997. – № 4. – С. 165–172.
337. Нильский П. Охрана и провокация. – Пг., 1917.
338. Ника (Кравец Н. А.). Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. – М.; СПб., 2002. С. 543–561.
339. Николаевский Б. И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. – М., 1991. – С. 28.

340. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 6, 89, 101, 192.

341. Новое уголовное уложение: Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (издание неофициальное). – СПб.: Изд. Каменноостровского юридич. кн. магаз., 1903. – Ст. 101, 102. – С. 43.

342. Носков М. А. Российский терроризм начала XX века в общественном восприятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02 – отечественная история. – М.: МГУ, 2011. – С. 4–5.

343. Нурулло Устаревший Курбоновконтроль. Кто защитит таджикско-афганскую границу // [Электронный ресурс]. URL:<https://zen.yandex.ru/media/fergana/ustarevshii-kontrol-kto-zascitit-tadjikskoafganskuiu-granicu-5bfe847e290a9100aa270e28> (дата обращения: 13.09.2019).

344. Общее положение к июлю 1916 года: записка Департамента полиции // Былое. – 1918. – № 3.

345. Общий состав управления и чинов Отдельного корпуса жандармов. – СПб., 1896. – С. 329.

346. Овченко Ю. Ф. Безопасность империи. Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880–1917 гг. – М., 2012.

347. Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг.: дис. ...канд. ист. наук. – М., 1989.

348. Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. Монография. – М., 2010.

349. Овчинников Г. В. Терроризм. – СПб., 1998.

350. Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. – М., 1997. – С. 8.

351. Олефиренко С. П., Барышников С. Г. Логико-гносеологические проблемы построения террологии // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 30. – С. 121–128.

352. Ольшанский М. Из прошлого: происхождение жандармов. – М, 1919.

353. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. – М., 2002.
354. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. – М.: Книга и бизнес, 1995. – Т1. – Кн. 1. – С. 131, 173, 194.
355. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. – М.: Книга и бизнес, 1995. – Т. 1. – Кн. 2.
356. Организация «Исламское государство» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20150930/1293434849.html#ixzz3zNvsIKsE> (дата обращения: 13.09.2019).
357. Оржеховский И. В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60–70-х гг. XIX в. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в.; под ред. И. В. Оржеховского. – Горький, 1971.
358. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России, 1826–1880 гг. – М.: Мысль, 1982. – С. 38, 55, 180.
359. Основы социологии терроризма: коллективная монография /А. Ш. Викторов, В. Н. Кузнецов, Е. Н. Соломатина. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. – 351 с.
360. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? Круглый стол // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 3–18.
361. Особое задание. – М.: Московский рабочий, 1968.
362. Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. – М., 1917.
363. Основные законы по противодействию терроризму. Досье. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/866180> (дата обращения: 13.09.2019).
364. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ // – Российская газета. – 2013. 6 ноября.

365. О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени // ПСЗРИ (II). – СПб., 1885. – Т. 53. – Ч. 2. – № 58778. – С. 89–90.

366. О порядке службы Охранной агентуры // Памятники российского права: в 35 т.; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Гл. 13. Нормативные правовые акты. – М., 2015. Т. 22. Спецслужбы Российской империи. – 440 с.

367. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Российская Газета. – 2015. – 31 декабря.

368. О федеральной службе безопасности: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: с изменениями и дополнениями. Доступ из справ.-правовой системы ГАРАНТ (дата обращения: 20.06.2019).

369. О форме закона и хранении их // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание I. [ПСЗРИ (I)]. – СПб., 1832. – Т. 1. – № 53. – С. XXI.

370. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II / С.Ч. – М.: Нива народная, 1917. – 47 с.

371. Павлов Н. М. Записка // Русский архив. – 1917. – № 1. – С. 1–50.

372. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. – Петроград, 1922.

373. Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – Л., 1925. – Т. 3. – С. 221.

374. Патрикеева О. А. Газета «Новое время» о проблеме революционного террора в России (1905–1907 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – Вып. 1. – С. 20 (15–23).

375. Пашенко И. В. Радикализация и терроризм на Северном Кавказе: вызовы безопасности и стратегия противодействия // Научная мысль Кавказа. – 2014. № 1. – С. 40–47.

376. Перегудова З. И. Департамент полиции [электронный ресурс] // Фонд изучения наследия П. А. Столыпина [сайт]. URL: <http://www.stolypin.ru/>

proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 20.06. 2019).

377. Перегудова З. И. Методы борьбы Департамента полиции России с революционным движением (кадры, курсы, программы) //Факел: историко-революционный альманах. – М., 1990. – С. 200–214.

378. Перегудова З. И. Несостоявшаяся реформа полиции: по материалам комиссии сенатора А. А. Макаров. – М., 1992.

379. Перегудова З. И. Организация службы секретной агентуры // Жан-дармы России /сост. В. С. Измолик. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 640 с.

380. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). – М.: РОССПЭН, 2000. – 432 с.

381. Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

382. Петрищев В. Е. История терроризма в России // Современный терроризм: состояние и перспективы; под ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 13.

383. Петрищев В. Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы; под ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 97–103.

384. Петров К. Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. – 2003. – № 4. – С. 130–141.

385. Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. – М.: Новая газета, 2011. – 317 с.

386. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. – М.: Звенья, 1999. – 504 с.

387. Петухов В. Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. – Ульяновск, 2006.

388. Петухов В. Б. Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 92.

389. Пиджаков А. Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: Проблемы изучения // *Правоведение*. – 2003. – № 3 (248). – С. 234–244.

390. Пиотровский В. Полиция Российской Империи. – М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2005. – С. 120.

391. Письма В. И. Ленину из-за рубежа. – М.: 1966. С. 328.

392. Плеханов А. А., Плеханов А. М. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК 7 920) декабря 1917 – 6 февраля 1922). Краткий справочник. – М.: СВГБ, 211.

393. Плеханов А. М. ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928. – М.: Кучково поле, 2006.

394. Плеханов А. М. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993. – С. 125.

395. Плеханов А. М., Плеханов А. А. Московские чекисты в тайной войне 1921–1928 гг. – М.: Вече, 2018. – 431 с.

396. Плужников С. Ю. Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в. // *Вестник Тамбовского государственного университета*. – 2009. – Вып. 5. – С. 340–347.

397. Пляскин В. П. Армия на Кавказе (1864–1917 гг.). Опыт использования потенциала военной организации в государственной национальной политике: Монография. – М.: ВАГШ, 2017. – С. 225–226.

398. Покушения на Наполеона III // *EncyclopediaTerroristica* [сайт]. URL:<http://terroristica.info/node/739> (дата обращения: 20.08.2018).

399. Политическая полиция и политический терроризм в России (второй половины XIX – начала XX в.): сб. документов. – М., 2001.

400. Полиция России: документы и материалы. 1718–1917 гг.; сост. А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев, Б. В. Чернышев, А. В. Лобанов. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002.
401. Полищук В. В. Горькая правда. Преступность ОУН-УПА (исповедь украинца). – Киев, 2011. – 519 с.
402. Поляков Л. Записки жандармского офицера // Жандармы России. – С. 482–543.
403. Попов А. П., Киреев М. П., Попов А. А. Исторические источники понимания терроризма // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 89–92.
404. Попов А. Ю., Цветков А. И. Солдаты незримого фронта: Очерки. – М.: Граница, 2010. – 432 с.
405. Попов И. В. Борьба с терроризмом в Российской империи (на примере Московского охранного отделения) 1905–1914 гг.: монография / Попов Илларион Владимирович; под общ. ред. В. Н. Ратушняка; Кубан. гос. ун-т, Фак. упр., Каф. политологии и полит. упр. – Краснодар, 2004 (ГУП КК Печатный двор Кубани). – 152 с.
406. Попов, И. В. Московское охранное отделение в борьбе с революционным терроризмом, 1905–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар., 2000. – С. 16.
407. Портнягина Н. А. «Зато у нас есть Вера Фигнер»: революционный терроризм начала XX века глазами женщин // Вестник СПб. ун-та. Сер. 2: История. – 2012. – Вып. 1. – С. 24–30.
408. Правительственное сообщение // Правительственный вестник. – 1906. – № 190.
409. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – М.: Кучково поле, 2006.
410. Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., 2001. – Т. 1.
411. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2011.

412. Проект об устройстве высшей полиции // Русская старина. – 1900. – № 12. – С. 615–616.

413. ПСЗРИ (II). – СПб., 1836. – Т. 11. – №. 9355. – Гл. 3. – § 53. – С. 772–782.

414. ПСЗРИ (II). Т. 36. № 37289.

415. ПСЗРИ (II). – СПб., 1830. – Т. 42. Отд. 2. № 44956. СПб., 1871. С. 73–80.

416. ПСЗРИ. (II). Т. 46. Отд. 1. № 49615.

417. ПСЗРИ. (II). Т. 53. Отд. 2. № 58778. С. 89–90.

418. ПСЗРИ (II): СПб., 1885. Т. 54, ч. 2. № 60492. С. 450.

419. ПСЗРИ. (III). Т. 1. № 350.

420. ПСЗРИ (III): СПб. 1881. Т. 1. № 550. С.261–266.

421. ПСЗРИ (III). – Т. 12, № 8757. – С. 479–483.

422. ПСЗРИ. (III). – СПб., Т. 26. Отд. 1. № 28252.С. 813–814.

423. Путин заявил о финансовой и политической поддержке террористов в Чечне со стороны США [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/399284-putin-ssha-finansiruyut-terroristov> (дата обращения: 28.08.2019).

424. Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: документы, воспоминания; сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000.

425. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб.: Издательство С. – Петерб. университета, 2006.

426. РГВИА. Ф. 866. Оп. 1 (1880 г.). Д. 7. Л. 1

427. Ревяко Т. И. Террор и антитеррор: покушения, взрывы, убийства. – Минск, 1997.

428. Речь государственного обвинителя В. П. Кравченко. Закон. Журнал для прокуроров и следователей [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170327090712/http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=848 (дата обращения: 28.08.2019).

429. Решетова Н., Бурковская В. Квалификация организованных форм террористической деятельности // Законность. 2007. № 6. С.16–20.

430. Родина. – 1998. – № 7. – С. 64.

431. Роль России в мобилизации отпора вызову международного терроризма и экстремизма, в противодействии другим новым вызовам и угрозам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/ru/rol-rossii-v-mobilizacii-otpora-vyzovu-mezdunarodnogo-terrorizma-i-ekstremizma-v-protivodejstvii-drugim-novym-vyzovam-i-ugrozam> (дата обращения: 28.08.2019).

432. Романова Г. В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004.

433. Романов В. В. Политическая полиция – государственный институт Российской империи начала XX века. – Ульяновск, 1996.

434. Романов В. В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

435. Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. – М., 1997. – С. 12, 85, 87.

436. Россия в борьбе с терроризмом. Национальный антитеррористический комитет [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/226311/rossiya-v-borbe-s-terrorizmom-natsionalnyiy-antiterroristicheskiy-komitet>(дата обращения: 12.05.2018).

437. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993. – 436 с.

438. С.Ч. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. – М., 1917.

439. Рыбкин А. А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг. (на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2007.

440. Рыбкин А. А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославский губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2007. – С. 20.

441. Рыжиков А. В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. – М.: Кучково поле, 2013.

442. Рыжов Д. А. Политические конфликты современности. – М., ВУ, 1999.

443. Рыжов Д. Г. Органы политического сыска в борьбе с РСДРП и партией эсеров в 1902–1917 гг.: на материалах Нижегородской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 290 с.

444. Рыжова Ю. В. К вопросу о правовых основах регулирования деятельности политической полиции по борьбе с революционным движением в России в конце XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 164–169, 194.

445. Рябинцев Р. В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Кострома, 2004. – С. 108.

446. Сазонов И. А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Московского университета. – Сер. 12. Политические науки. – 2000. – № 2. – С. 107–116.

447. Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма. – М., 1999.

448. Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. – СПб., 2004. – 202 с.

449. Санников Г. З. Украинская Вандея. Война после войны. – М.: Международные отношения, 2015. – 432 с.

450. Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). – Ростов-на-Дону, 1918.

451. Сватиков С. Г. Зарубежная агентура Департамента полиции. – М., 2002. С. 213–229.

452. Свечников Н. И., Кадомцева А. С. Некоторые особенности деятельности охранных отделений Российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 2 (10). – С. 65.

453. Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года «Положения о начальниках розыскных отделений»; подписал А. Лопухин. – СПб., 1902.
454. Север А. Русско-украинские войны. – М.: ЯУЗА-ПРЕСС, 2009. – 384 с.
455. Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! – М.: Эксмо; Яуза, 2012. – 796 с.
456. Секретная инструкция тайной полиции; публ. Н. А. Троицкого // Освободительное движение в России. – Саратов, 2000. – Вып 18. С. 139–141.
457. Семевский В. И. Следствие и суд по делу петрашевцев: по неизвестным материалам // Русские записки. – 1916. – № 9–11.
458. Сенчакова Л. Т. Священная дружина и ее состав // Вестник МГУ. – 1967. – Сер. 9. История. – № 2. – С. 77.
459. Сибиряков И. В. Проблема политического терроризма в России в начале XX века в отечественной дореволюционной и советской историографии // Социум и власть. – 2011. – № 1 (29). – С. 117–122.
460. Сибиряков И. В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – С. 65–69.
461. Сизенко А. Г. Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней. – Ростов-на-Дону: Владис, 2010. – 416 с.
462. Сизиков М. И. История полиции царской России. – М., 1993.
463. Симбирцев И. ВЧК в ленинской России 1917–1922. – М. Центрполиграф, 2008. – 382 с.
464. Симбирцев И. Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 381 с.
465. Сирица И. В. Борьба с терроризмом на Кубани в начале XX века // Природа. Общество. Человек: Вестник Южно-Российского отделения Международной академии высшей школы. – 2001. – № 1 (3).

466. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний; сост. С.В. Савицкий. – СПб., 1908.

467. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. – М., 2005.

468. Смирнов В. Н. Политический терроризм Российской империи. – Харьков: Литера Нова, 2012. – 300 с.

469. Сморгунова А. Л. Террор и терроризм – различие понятий. Государственный террор // magSpace.ru [сайт] URL: <http://magspace.ru/blog/230678.html> (дата обращения: 12.05.2018).

470. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 44. – Ст. 5641.

471. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. – С. 870.

472. Современное положение Чечни: социально-политический аспект./ Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ; отв. редактор В. В. Черноус. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2001. – Вып. 4. – С. 22–23, 41–42.

473. Современный терроризм: состояние и перспективы; под ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиторил УРС, 2000. – 240 с.

474. Соколов М. В. Соблазн активизма. Русская республиканско демократическая эмиграция 20-30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. – М.: Азбуковник, 2011.

475. Солоневич И. Народная монархия. – М., 1991.

476. Социально-политическая обстановка в Прибалтике в 50-е годы // Военные архивы России. – 1993. – Вып. 1. – С. 247–254, 257–265, 415.

477. Социальные конфликты. Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Терроризм. – М., 1993. – № 4.

478. Спецслужбы Российской империи / коллектив авторов; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. – М., 2015. Т. 22. Гл. 13. Нормативные правовые акты. (Памятники российского права. 35 т.).

479. Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции; под ред. И. В. Гессена. – 1-е изд.– Берлин: Slowo-Verlag, 1924. – Т. XV. – 348 с.
480. Спиридович А. И. Записки жандарма. – М., 1991. – С. 28 – 30, 193.
481. Спиридович А. И. Партия социалистов и революционеров и ее предшественники, 1886–1916. – Пг., 1918. – С. 102.
482. Спиридович А. И. Революционное движение в России в период империи, партия социалистов-революционеров и её предшественники (1886–1916). 2-е изд., испр. и доп. – Пг.: Военная типография, 1918. – 658 с.
483. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1953. – С. 362.
484. Степанов Е. И. Введение: терроризм как предмет конфликтологической экспертизы // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиторил УРС, 2000. – С. 6–240 с.
485. Степанов Т. Ю. Чекистско-войсковые операции органов и войск НКВД СССР в западных областях Украины в 1944–1947 гг. // Исторические чтения на Лубянке, 2013. – М.: Академия ФСБ России, 2014. – С.180–181.
486. Столыпин П. А. Речи в государственном совете. – Нью-Йорк, 1990. – С. 27.
487. Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. – 1996. – № 9. – С. 90–119.
488. Строев В. Н. Столетие Собственной его императорского величества канцелярии, 1812–1912. – СПб., 1912.
489. Струков Б. Г. Документы спецслужб свидетельствуют. Российская политическая эмиграция в межвоенный период (1920–1930-е гг.). // Исторические чтения на Лубянке 1997–2007. – М.: Кучково поле, 2008. – 260 с.
490. Суворов А. И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социс. – 2000. – № 12. – С. 19 – 24, 100–108.
491. Суворов А. И. Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX в. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). – М., 2002.

492. Суворов А. И. В противоборстве с террористами: Из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом. Монография. – М., 1999.

493. Суворов А. И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Вопросы социологии. – 2002. – № 7. – С. 54–61.

494. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

495. Сухова О. А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методология, факты. Исторический вестник: в 2 т. – М.: Руниверс, 2012. – Т. 2. – С. 136–173.

496. Сысоев Е. С. Организация общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2014. № 1. – С. 21–22, 26.

497. Таганцев Н. С. Смертная казнь. – СПб., 1913. – С. 92.

498. Тайная полиция при Александре III. (Нормативные документы) // – Отечественные архивы. – 1998. – № 4. – С. 88–91.

499. Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов безопасности. – М.: Алгоритм, 2017. – Кн. 1. – 576 с.

500. Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов безопасности: в 2 кн. – М.: Алгоритм, 2018. – Кн. 2. – 623 с.

501. Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками; публ. З.И. Перегудовой. – СПб.: изд. СПбГУ, 1992. – С. 8, 16.

502. Татищев С. С. История социально-революционного движения в России: 1861–1881.: Гл. 10. – СПб., 1887. – 189 л.

503. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 433 с

504. Теракт в городе Кизляре (Дагестан) в январе 1996 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160109/1351175986.html> (дата обращения: 4.09.2019).

505. Терракт в аэропорту «Домодедово» 24 января 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160124/1363238677.html> (дата обращения: 4.09.2019).

506. Террористические акты, совершённые в Российской Федерации. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29535> (дата обращения: 4.09.2019).

507. Терроризм и контртерроризм в современном мире: научно-справочное издание; под общ. ред. акад. О. А. Колобкова. – М.: Эксилит, 2003. – 480 с.

508. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков, 1997.

509. Терроризм: место и роль борьбы с ним органов безопасности: сборник материалов научно-практической конференции. – М.: ВШ МБ России, 1992.

510. Терроризм // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 4 (24). – С. 70–73.

511. Террор и культура в русской исторической перспективе. Круглый стол // Москва. – 1997. – № 8. – С. 153–168.

512. Терроризм в современном мире: Опыт междисциплинарного анализа: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2005. – № 6. – С. 3–36.

513. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии // Следователь. – № 2. – 2003. – С. 43–46.

514. Терроризм: современные аспекты: сб. науч. ст. – М., 1999.

515. Тимофеев Л. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. – СПб., 1912.

516. Токарева С. Н. Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 94–104.

517. Торвальд Ю. Век криминалистики. – М., 1994.

518. Требин М. П. Терроризм в XXI в. – Минск, 2003.

519. Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. – М., 1978.

520. Троицкий Л. Д. Сталин. – М.: Русский шахматный дом, 2018. – С. 504–505, 526–528, 553.

521. Трофимов А. С. Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861–1904 гг. – М., 1979.

522. Трошин Н. В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. – Владимир, 2000.

523. Трошин, Н. В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – отечественная история. – Владимир, 2000. – 246 с.

524. Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX – XX вв. 1880–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986.

525. Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы, 1994. – 382 с.

526. О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом: Указ Президента РФ от 13 сентября 2004 г. № 1167. Доступ из справочно-правовой системы ГАРАНТ (дата обращения: 16.08.2019).

527. О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства: Указ Президента РФ от 14 июня 2012 г. № 851 // Доступ из справочно-правовой системы ГАРАНТ (дата обращения: 4.09.2019).

528. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.

529. Устинов И. Л. На рубеже исторических перемен. – М.: Кучково поле, 2008. – 224 с.

530. Федорцов В. А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: автореф. дис... канд. полит. наук. – М., 2007.

531. Антитеррор (2009–2013 годы): Федеральная целевая программа: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 2008 г. № 586-23.

532. О внесении дополнения в Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»: Федеральный закон от 21.11.2002 № 144-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Законодательство (дата обращения: 12.09.2019).

533. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Законодательство (дата обращения: 28.08.2019).

534. Федеральный закон от 24.11.2014 г. № 370-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39066> (дата обращения: 24.08.2019).

535. Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки). – М., 1958. – С. 246.

536. Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. – М.: Политиздат, 1964. – С. 120. – 255 с.

537. ФСБ РФ: террористов финансируют из-за рубежа [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20050623/40748956.html> (дата обращения: 12.09.2019).

538. О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ: последняя редакция. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Законодательство. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221210/ (дата обращения: 12.09.2019).

539. О борьбе с терроризмом: Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12717/page/1-2>. (дата обращения: 12.09.2019).

540. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму: Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <https://bazanra.ru/gd-gf-zakon-n321-fz-ot30122008-h1253628/> (дата обращения: 13.09.2019)

541. ФСБ расставляет акценты. Российская газета. – 2017. – 19 декабря.

542. Хаустов В.Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). – М., 1997.

543. Хлебников И. Содержание и сущность «чеченского» терроризма // Власть. – 2003. – № 8. – С. 46.

544. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М.: Республика, 1992. – 270 с.

545. Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. Издание 2-е, переработанное и дополненное. – М.: Ин-фолио, 2007. – С. 128.

546. Хроника захвата заложников чеченскими террористами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=116713> (дата обращения: 21.08.2018).

547. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 13–14, 16. – 369 с.

548. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 13–14, 16.

549. ЦА ФСБ России. Ф.4. Оп.4. Д. 2742. Л.2 – 3.

550. Цявловский М. А. Секретные сотрудники московской охраны 1880-х годов // Голос минувшего. – 1917. – № 7–8.

551. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. – М.: Проспект, 2019. – С. 77.

552. Чиханчин Ю. А. Основные направления деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу в области противодействия финансированию терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2014. – № 1. – С. 64–65

553. Чичканов В. П. Социально экономическая природа терроризма / В. П. Чичканов, С. А. Найденов, А. С. Кривенко // Экономика региона. – 2013. – № 4. – С. 65–75.

554. Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. – М., 1919.

555. Чудакова М. С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880–1917. – Ярославль, 2003.

556. Чудакова М. С. Секретная агентура департамента полиции (1907–1917 гг.) // Новый исторический вестник. – 2011. – № 1 (23). – С. 22–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/sekretnaya-agentura-departamenta-politsii-1907-1917-gg.pdf> (дата обращения: 21.08.2018).

557. Чукарев А. Г. Методы и средства политического розыска в царской России // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1968.

558. Чуланов В. А. Социологический анализ сущности и социальных форм терроризма / В. А. Чуланов, В. Н. Гурба // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2010. – № 2. – С. 172–180.

559. Шамаев В. Г. На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления. – Воронеж, 2005.

560. Шарковский А. Террористы могут проникнуть в Россию без виз // Независимая газета. – 2019. – 29 января.

561. Шегаев И. С. Терроризм: история и причины возникновения // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 463–465. – URL <https://moluch.ru/archive/57/7918/> (дата обращения: 21.08.2018).

562. Шестаков Д. А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии // Следователь. – № 2. – С. 41–44.

563. Шинджикашвили Д. И. МВД царской России в период империализма (структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами): учебное пособие. – Омск, 1974.

564. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск, 1973. – С. 32.

565. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1986. – С. 148–152, 155. – 272 с.

566. Шуйский П. А. Департамент полиции. 1880 г. – начало XX в. – Харьков, 1930.

567. Шульгин В. В. «Дни» // На крутом переломе. – М.: Молодая гвардия, 1984. – С. 423.

568. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. – М.: Изд-во политкаторжан, 1930. – 160 с.

569. Щеголев П. Е. К истории полицейской агентуры в России // Былое. – 1906. – № 3.

570. Щеголев П. Е. Секретные сотрудники и провокаторы: сб.; под ред. и с предисл. П. Е. Щеголева. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

571. Щеткин С. В. Деятельность Челябинского жандармского отделения в конце XIX – начале XX вв. // История правоохранительных органов России. – Челябинск, 2000. – С. 66–86.

572. Щит и меч столицы (1918–2018) – М.: Граница, 2018. – С. 33, 232–233, 237.

573. Эйхенбаум Б.М. Тайное общество Сунгурова // Заветы. – 1913. – № 2.

574. Элиес. Дело штабс-капитана Ситникова (Проект вечевого правления): по архивным данным // Голос минувшего. – 1917. – № 7–8.

575. Энциклопедический словарь, изд. Брокгаузом и Эфроном. – СПб., 1894. – Т. 11 а. – С. 359, 718.

576. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – М., 1897–1907. – Т. 2.

577. Эфи́ров С. А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 24.

578. Якобий И. П. Император Николай II и революция. – М., 2010.

579. Яковлев Л. С. Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России: учебное пособие. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2005. – 47 с.

580. Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX – начале XX вв. – Киев, 1992.

581. Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи: 1880–1904. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1978.

582. Яшлавский А. В. Терроризм политический // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 4. – С. 57.

Научное издание

Володина Наталья Анатольевна
Пляскин Владислав Петрович
Половецкий Сергей Дмитриевич
Полянский Михаил Семенович
Шеин Игорь Александрович

Политический терроризм в России
в последней четверти XIX – начале XXI в.:
генезис и особенности проявления

Монография

Под общей редакцией И. А. Шеина

Редактор Е. Г. Федулова
Научный редактор Е. Н. Денисенко
Компьютерная вёрстка Ю. Н. Сафонкина

16+

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ

Подписано в печать 19.07.2023.

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 20,6.

Тираж 500 экз.

Издательство «Наукоемкие технологии»

ООО «Корпорация «Интел Групп»

<https://publishing.intelgr.com>.

E-mail: publishing@intelgr.com

Тел.: +7 (812) 945-50-63

ISBN 978-5-907618-74-9

9 785907 618749 >